

Николай Воронков

Порыв ветра

Читать чужие мысли, видеть прошлое, управлять другими. Дар, о котором можно только мечтать, и который становится проклятием, когда выбирает тебя. Дар, который требует слишком высокую цену — ведь каждый убитый тобой умирает только один раз, а тебе придется переживать это снова и снова. Не мужчине, мечтающем о мировом господстве, а девчонке, которая хочет только одного — просто жить... Бежать, прятаться? Но можно ли спрятаться от себя самой и собственного дара? Ведь если рядом другие люди, то, вольно или невольно, одним своим присутствием, ты всё равно будешь влиять на их судьбы. И даже на судьбы целых миров...

Порыв ветра

Если бы видеть Судьбою спряденную нить,
Знать, что паденья со взлетами значить могли бы!
Ветра порыв может мира судьбу изменить.
Сдвинув песчинку — а следом обрушатся глыбы.
Судьбу за странный дар не благодари
Проклятьем может стать смотреть в чужие души,
Все знать и понимать, и стать судьбой для них
Но "правота" твоя ведь черствой корки суше.
И кто поймет ее, кто оправдает?
Лишь ветер, чей порыв судьбу меняет.

Ирина Зауэр

Проблемы начались через несколько дней после аварии. Как таковой аварии не было, всего лишь неожиданно сильная гроза, но я оказалась в больнице, и по каким-то там инструкциям это отнесли к «несчастному случаю на производстве».

Хотя, если разобраться, какое уж там «производство». Обычная институтская лаборатория, в которой я подрабатывала. Всё оборудование лаборатории состояло из большой поляны, заставленной антеннами разных форм и размеров. В малюсеньком домике, спрятавшемся за заборчиком, вдоль стен стояли стеллажи с непонятными приборами. Непонятными — потому что училась я на гуманитария, а здесь занимались чистой физикой. И попала я сюда, если честно, за красивые глазки, в буквальном смысле слова. При моём росте в метр шестьдесят, субтильном телосложении (я предпочитаю говорить «миниатюрном»), светлых волосюшках, голубых глазках и ангельском личике, я вызывала у большинства мужчин безотчётное желание сделать для меня что-то хорошее. А если я ещё и собиралась заплакать, то из мужиков можно было верёвки вить. Чем я, не очень часто, но всё-таки пользовалась. Так что в лаборатории в мои обязанности входило только приготовление чая, и разговоры на несерьёзные темы. Прочие мелочи, как то — постановка опытов, написание отчётов и выписывание мне премий с удовольствием делали наши мужчины. Но я считаю подобное распределение обязанностей вполне приемлемым. Во всяком случае, улыбаться наши мужчины стали гораздо чаще, да и показатели работы, как по «секрету» сказала завлаб, стали заметно лучше.

В тот день у меня было лирическое настроение, и я, наплевав на все запреты, отправилась на поляну с антеннами. Собирала цветочки, никого не трогала. И тут среди ясного неба эта треклятая молния! Природный феномен, вероятность которого была настолько мала, что её невозможно даже представить. Как объяснял потом завлаб, произошло наложение какого-то особо хитрого опыта наших умников и взявшейся непонятно откуда молнии, что усилило эффект опыта в миллиарды раз. А для меня это выглядело так, словно меня обняло солнце. Невероятно яркий золотистый свет, от которого я на несколько мгновений ослепла. Постепенно слепота прошла, и уже кокон света вокруг меня я воспринимала как обычный солнечный свет. Несколько минут, и кокон исчез, а я снова ослепла, будто спустившись с улицы в подземелье. Через некоторое время до меня дошло, что всё происходящее ну никак не относится к разряду обыденных. На всякий случай я решила упасть в обморок.

Спасли меня очень быстро. Оказалось, что половина приборов лаборатории выгорела. Бросились на полигон посмотреть, что молния натворила с антеннами, а там и я, в красивом платье, на спине, с цветами в сложенных на груди руках посреди выжженного круга земли. Меня и ещё нескольких особо впечатлительных отвезли на «скорой» в ближайшую больницу. Привели нас в порядок быстро, но меня ещё неделю мучили всяческими анализами. Как только врачи дали справку, что я здорова, меня тут же выгнали в отпуск, выписали огромную премию, но упростили написать заявление на увольнение. При этом начальник старался не смотреть мне в глаза. Но я его не винила — кому нужны неприятности из-за чужой глупости? Да и я, в принципе, отделалась ещё легко — могли ведь просто турнуть за нарушение техники безопасности, трудовой дисциплины или ещё чего-нибудь.

Несколько дней я наслаждалась свободой и толстым кошельком. А потом...

А потом начались видения. Сначала я этого не поняла. А когда поняла, то не смогла объяснить. Для этого даже трудно подобрать слова. У каждого, наверное, бывало, что смотришь прямо, а краем глаза, боковым зрением, замечаешь *нечто*. Но стоит повернуться, и всё исчезает. Примерно так стало и у меня, только всё время и везде. Я стала видеть непонятное вокруг любого предмета, вокруг людей. Серое и цветное, с чёткими краями и бесформенное. И самое противное, что я не могла рассмотреть *это*. Как только я пыталась сосредоточиться, *это* исчезало.

Промучившись несколько дней, отправилась сдаваться неврологу. Врач меня внимательно выслушал и первым делом отправил к окулисту. Тот тоже ничего не нашёл и отправил обратно. Невролог помрачнел и начал что-то лепетать о неисследованных ресурсах мозга, о необходимости новых анализов и обследований. Минут через десять стало ясно, что он понятия не имеет, что со мной делать и все эти разговоры — пустая болтовня.

— Но я могу дать вам направление в Институт мозга в Москве — неожиданно закончил он.

— И зачем мне это?

На этот раз врач не стал напускать туману умными непонятными словами.

— Они занимаются особыми случаями, и оборудование у них несравнимо лучше. И врачи там... лучше.

Такая честность встречается крайне редко, и я его даже зауважала. Не за то, что он признал чужое превосходство, а за то, что признался — его собственных знаний просто не хватает.

Как ни странно, но в Москве меня приняли сразу и без вопросов. Потом вопросы посыпались, но о чём угодно, только не о моей голове или глазах. Ещё неделю я изображала подопытную обезьяну, увешанную проводами, сдавала кучу новых анализов. Когда первый энтузиазм у медиков поутих, меня вызвали к заведующему — средних лет мужчине с умными глазами, большими залысинами и в очках. Наверное, он был немного гипнотизёр, потому что его голос звучал странно обволакивающе, а взгляд буквально пронзал насквозь. Но я с детства числилась в разряде «невнушаемых» и на все эти медицинские хитрости прореагировала как всегда — честным спокойным взглядом в переносицу собеседника (почему-то именно такой взгляд больше всего бесил доморощенных гипнотизёров, пытавшихся сделать со мной хоть что-нибудь)

Но заотделением остался спокоен и доброжелателен.

— Новость хорошая — мы не нашли ни единого намёка на патологию или хотя бы на отклонение от нормы. Вы, Наташа, здоровы, как ... среднестатистический здоровый человек.

— А плохая? — не удержалась я.

— А плохая — мы не знаем причин ваших видений.

— Но мне становится всё хуже!

— Можно попробовать успокоительное, наладить режим труда и отдыха.

— Я и так месяц только и делаю, что отдыхаю.

— Причины ваших видений не в физиологии, а...

Врач задумался, подбирая слова.

— А вы не пробовали их рассмотреть?

— Кого «их»?

— Ну, те тени, о которых вы говорили.

— Пробовала и не раз. Но как только пытаюсь сосредоточиться на них, как они исчезают.

— А если расслабиться?

— Это как?

— Ну, например, смотреть внутрь предмета. Но при этом как бы расфокусировать зрение, видеть предмет целиком.

Я попыталось это представить. Смотреть внутрь и видеть предмет целиком? Он случайно не заговаривается?

Врач снял с полки шкатулочку и поставил на стол передо мной.

— Что это?

— Шкатулка?

— Вокруг неё что-то видите?

Я попробовала посмотреть отдельно левым глазом, потом правым, потом повернулась одним боком, другим. Что-то странное промелькивало.

— Вижу, но каждый раз по-новому и описать это я не смогу.

— Попробуйте смотреть как я говорил.

Я попробовала. Примерно с десятой попытки получилось, и врач это сразу заметил.

— И что ты видишь?

— Да то же самое, только очень чётко.

— А твои видения?

— Их больше нет. Вернее, я вижу их так же реально, как и обычные предметы.

— Странно — врач задумался- по идее, должно быть наоборот. А что внутри шкатулки?

— А я откуда знаю?

— Так посмотри

— Там же крышка!

— А ты *сквозь* крышку.

Я в недоумении посмотрела на него.

— Это как?

— Попробуй задать себе вопрос, заинтересуйся и смотри.

Я невольно пожала плечами, но попробовала. Дальше было интересно. Крышка шкатулки будто растаяла, и внутри я увидела два металлических шара размером со среднее яблоко.

— Интересный фокус! А как вы это делаете?

Врач сразу насторожился.

— Какой фокус?

— С крышкой.

— А что с ней?

— Прозрачной стала, как будто совсем исчезла.

Врач осторожно постучал пальцем по крышке, и та снова появилась. Мои слова, что крышка вернулась на место, почему-то его озадачили. Он вообще как-то странно себя вёл во время нашего разговора, как будто я делала что-то неправильно, не так, как он ожидал.

— А что ты увидела внутри?

— Два металлических шара

— Какого цвета?

— Какой может быть цвет у нержавеющей стали? — не поняла я — Серебристый, конечно.

Врач смотрел на меня, но как будто отключился. Через некоторое время протянул.

— Вот тебе и раз. Готовый экстрасенс. Хоть сейчас в передаче выступать — он опять долго молчал — Мне надо хорошенько подумать.

— А мне что делать?

— Тебе? Просто живи. Держать тебя в больнице смысла нет. Поселим в гостинице, будешь приходить к нам как на работу.

— А жить я на какие шиши буду?

— Не беспокойся, всё за счёт института.

— Ну, тогда ладно — я сразу повеселела. Потусоваться в Москве за чужой счёт — об этом можно только мечтать — А какую передачу вы имели в виду?

— Да эту, «Турнир экстра».

— А что я там буду делать?

Врач улыбнулся.

— То же, что и все — попробуешь свои силы в неожиданных ситуациях. А что, — загорелся он — пока мы будем готовить серьёзное исследование, ты немного потренируешься. Хочешь?

Честно говоря, не очень. Но я поглядела на шкатулку, снова выглядевшую целой, приподняла крышку, убедилась, что там и в самом деле лежат два шара, и ... согласилась.

Организационные вопросы решились удивительно быстро, и даже в телецентре вопросов почти не задавали. Достаточно было сказать, что я обрела способности после удара молнии, и меня сразу занесли в списки желающих пройти испытание. Ещё сделали несколько снимков для проверки «на фотогеничность», и всё. Сказали только куда прийти и когда.

Перед первым, отборочным туром, я волновалась страшно. Надела светлое платье, сделала причёску «божий одуванчик», хорошенько накрутилась. Все встречные мужики при виде меня начинали улыбаться, но на съёмочной площадке этот фокус не прошёл. Встретили меня хмурые, усталые люди, которым, похоже, всё уже надоело, и на мою красоту им было наплевать. Меня провели в холодный ангар, где стояли два ряда иномарок и коротко предложили:

— В одном из багажников — человек. Надо найти.

Задание оказалось лёгким. Я запомнила ощущения, как надо было смотреть сквозь крышку шкатулки, а здесь было то же самое, разве что «шкатулки» были побольше и железные. «Подсадной» прятался в багажнике белого мерса, но я специально прошла на два раза, чтобы убедиться, что ошибки нет. Стоило мне остановиться, как ведущий тут же подскочил.

— И что вы выбрали?

Неужели не понятно? А тут ещё в голове неожиданно всплыло имя. Я кокетливо постучала пальчиком по багажнику.

— Серёжа, вылезь! А то, поди, руки — ноги уже затекли.

Ведущий странно посмотрел на меня, но багажник открыл. Второй мужик, прятаясь в машине, тоже не выглядел счастливым. Хмуро смотрел на меня, пока ведущий расхваливал меня перед камерой, потом наклонился ко мне.

— Кто тебе сказал моё имя и где я спрячусь?

Я даже взвизгнула.

— Так я и имя угадала?!

Открыто меня в шулерстве не обвинили, но ведущий стал вести себя чересчур уж официально. Через день состоялся фарс с «посвящением в участники конкурса». А ещё через день новое задание. Мне замотали глаза чёрной тряпкой, отвели куда-то и вежливо так спросили:

— Кто стоит перед вами, и что вы можете об этом человеке сказать?

Я бы тоже хотела знать ответы на эти вопросы, но глаза-то завязаны! Я даже попыталась принюхаться, но вокруг было много всяких посторонних «технических» запахов. Попробовать говорить общими фразами, надеясь, что хоть в чём-то угадаю? Некрасиво. Сразу признать своё поражение? Стыдно. Ладно, попробуем побарахтаться, как лягушонок в крынке. Глаза бесполезны. Как я могу смотреть расслабленно, если они ничего не видят вообще? Попробовать какую-нибудь глупость типа «третьего глаза» или «внутреннего зрения»? Тем более, что и ведущий начинает поторапливать и что-то нудить про время. А потом пришло простое решение. А кто мне мешает представить и повязку и собственные веки разновидностью крышки от шкатулки и смотреть *сквозь* них?

Дело сразу пошло на лад. Несколько секунд настроиться, и я уже вижу всё вокруг так же ясно, как и без повязки. Причину ажиотажа я не поняла. Передо мной стоял обычный, ничем не примечательный мужчина. Вспомнив о времени, начала его описывать.

— Мужчина, на вид лет сорок. Среднего роста, светлые волосы, короткая причёска с залысинами. Пиджак в вертикальную мелкую полоску, джинсы.

Ведущий прокашлялся.

— Что вы ещё можете сказать?

— А что вас интересует?

— Ну, например род занятий.

Ага, у него прямо на лбу это написано! Стараясь не злиться, попыталась задать вопрос и почувствовать отклик. «Профессия, род занятий» несколько раз повторила я про себя, всматриваясь в мужчину. Через некоторое время возникло ощущение, что человек — актёр. И ещё всплыла слово «Сенджан». Фамилия, что ли? А, терять мне нечего.

— По моим ощущениям — актёр. И ещё вертится слово «Сенджан».

— А ещё что?

— А больше — всё — мужик мне не очень понравился. И изображать из себя Вангу я не собиралась.

— Ну что ж, неплохо — ведущий начал вести себя как конференсье — Позвольте представить вам директора театра передового искусства «Сенджан» господина ...

Я пожала плечами. Первый раз слышу.

На очередную проверку меня привезли в какую-то высотку. Поднялись на лифте на

восьмой этаж, а потом провели на противопожарную лестницу (в высотках есть такие — выход с каждого этажа, и открытые оконные проёмы на улицу, чтобы люди могли спуститься спокойно и не задохнуться в дыму). На площадке, как обычно, оператор с камерой, ведущий и какая-то женщина средних лет.

— Наташа, вы чувствуете в этом месте что-то необычное? — спросил ведущий.

Я огляделась по сторонам, потом закрыла глаза, прислушалась к себе, но... Лестница как лестница. В меру грязная, в меру запущенная. Я молча покачала головой.

— Год назад на земле у подъезда была найдена девушка. Считается, что она выбросилась из окна, но мать — он показал на женщину — считает, что это не так. Вы сможете узнать подробности?

Чего-то подобного я и боялась. Никогда не считала себя особой впечатлительной и нервной, но иногда я чувствовала чужую душевную боль гораздо острее, чем собственную. Мне становилось плохо, и я несколько раз даже теряла сознание. Я не накручивала себя, не пыталась примерить их на себя, чужие страдания входили в меня без всякого разрешения. Человек, может, уже забыл про прежнее горе, а я переживала, как будто это произошло со мной. После нескольких вызовов «скорой», когда меня с трудом вытаскивали из бредового состояния, ввела для себя твёрдое правило — про чужое горе не разговаривать и даже не думать о нём. Извинялась, обрывала разговор, просто уходила. Даже заслужила репутацию чёрствой эгоистки, но это был единственный способ защититься от чужой боли, который я смогла придумать. А что мне сейчас делать?! Отказаться, молча уйти?

— Я никогда раньше такого не делала...

— Отказываетесь? — почему-то ведущий почти обрадовался.

Я покосилась на женщину. Та стояла спокойно, но внутри плескалась такая тоска, что мне на плечи будто положили глыбу льда.

— Я... попробую. Только вызовите скорую.

— Зачем? У нас есть свой врач.

— Ну что ж, надеюсь, он сможет что-нибудь сделать.

Закрыв глаза, я попыталась настроиться непонятно на что. Как ни странно, но тоска женщины и её страстное желание узнать правду помогли мне. Я просто стала как бы проводником, «преобразователем» для этой силы. Вокруг затуманилось, и я начала проваливаться куда-то. Площадка та же, только мелькают тени, и голос женщины «Светочка, Светочка» гонит меня всё дальше. Потом резанула боль, и я попыталась увидеть причину. То, как я видела, напоминало съёмку камерой видеонаблюдения. Девчонка, чем-то похожая на меня, шла по улице. Появилась троица парней, стала приставать. Девчонка пытается убежать, но её отгёрли от подъезда, и ей пришлось бежать по противопожарной лестнице. А на восьмом этаже догнали. Специально не спешили, сволочи, чтобы загнать её повыше, где не будет случайных свидетелей. А потом... Одно слово, уроды.

Хуже всех было мне. Я одновременно видела всё со стороны и чувствовала то же, что и девчонка. Всё отвращение, всё отчаяние, весь ужас.

В какой-то момент ей удалось вырваться. Лестничные пролёты были перекрыты, и она бросилась к оконному проёму. Один из парней кинулся за ней, девчонка укусила его за руку, и парень зло ударил. А много ли девчонке надо? Даже пискнуть не успела, и вывалилась в окно.

Ещё несколько секунд полёта я чувствовала её. И удар о землю. И боль. И последние секунды жизни.

Вокруг начинает собираться толпа, и я снова увидела тех парней. Они успели спуститься, убедились, что девчонка уже никому ничего не скажет, и отправились дальше по своим делам. Они матерились, но только на девчонку. Что эта сучка испортила всё удовольствие, что могла бы и потерпеть немного, ничего бы не случилось.

Зрение резко изменилось. Я увидела их уже в настоящем времени, сегодня, прямо сейчас, всех троих одновременно. Один пялился в телик, второй читал книгу, третий курил в коридоре.

Внешне — обычные парни, довольные жизнью и собой. Совесть не мучает, а в головах только мысли об очередной гулянке и новых развлечениях. Нормальные мысли для молодых, но для меня, только что пережившей смерть девчонки, это показалось дикой несправедливостью. И её боль, перешедшая ко мне, вдруг превратилась в новую силу. Непонятно как, но я подняла этих уродов и погнала на крыши их собственных домов. Они шли как роботы, даже не пытаюсь сопротивляться. И только когда я поставила их на край крыш, до них что-то дошло. Меня накрыла волна ужаса парней, осознавших свою участь, но я не могла остановиться и заставила их прыгнуть. Одного за другим. Это было правильно хотя бы в одном — награждая меня новой болью, они умерли по очереди, а не одновременно. Этого я, наверное, уже бы не вынесла.

Туман перед глазами растаял, и я снова оказалась на лестничной площадке. Ведущий сразу спросил:

— Наташа, вы в порядке?

Разумеется, я была совсем не «в порядке». Внутри всё корчилось от боли, но я выдавила из себя:

— Да. Что конкретно вы хотели узнать?

Женщина начала спрашивать, а я рассказывать. Теперь мне было что рассказать. И чем больше я говорила, тем больше ужаса появлялось в глазах окружающих.

Наконец, дошли и до особо неприятных вопросов.

— Вы можете описать этих парней?

— Сергей, двадцать три года. Стас, девятнадцать. Дима, двадцать.

— А ещё что-нибудь?

— Теперь это уже неважно — я повернулась к женщине — Если вам станет легче, то они все умерли.

Женщина закаменела, а у ведущего изменился голос.

— Когда и как?

— Десять минут назад. Они сбросились с крыш своих домов.

Наступившую тишину точно можно было назвать гробовой.

И только теперь весь ужас содеянного дошёл до меня. Перед глазами поплыло. Кажется, я сумела дойти до стенки и сползла по ней, а не просто брякнулась на пол. А потом кровавая чернота накрыла меня.

Два дня я была в отключке, ещё два меня держали на уколах, превративших меня в растение. Ещё сутки я просто сидела, тупо уткнувшись головой в стенку.

Но как только я попросила обед, ко мне заявился очень неприятный мужик. Внешне — сама респектабельность, вежливый до приторности, но от него прямо разило чернотой. Усевшись на стул рядом с кроватью, долго рассматривал меня. Не дождавшись моей реакции, начал разговор первым.

— Как ваше здоровье, Наташа?

Я даже не повернула голову.

— За последние дни вы стали знаменитостью — я по-прежнему молчала — Ваше выступление произвело фурор своей необычностью. А когда через пару дней выяснилось, что действительно, во время телепередачи трое молодых людей неожиданно покончили с собой, сбросившись с крыш, это произвело на информированных людей очень сильное впечатление. А уж когда об этом пронюхала пресса, телефоны на телевидении чуть не разорвались от звонков. Причастность этих ребят установить и доказать уже не удастся, да это и не важно. Даже предсказать подобное с точностью до десяти минут статистически невозможно. Как бы ни сложилась дальнейшая борьба экстрасенсов, вы теперь обеспечены работой пожизненно.

— Я больше никогда не буду этим заниматься — еле прошептала я.

— Никогда не говорите никогда — хмыкнул мужчина — Разумеется, надо произвести серьёзные исследования, определить пределы ваших способностей. Но зарывать в землю такой талант просто преступно.

Я отвернулась от него, но мужчину это не смутило.

— Разумеется, решение принимать вам, но когда будете принимать решение, учтите и следующие обстоятельства. Родители погибших ребят подали на вас заявления в прокуратуру. Доказать вашу вину в принципе невозможно, да ни один прокурор и пальцем не пошевелит, чтобы это сделать. Но поддержка влиятельных людей вам не помешает, ведь в дальнейшем могут начаться проблемы с гораздо более серьёзными людьми.

Он ещё что-то бубнил, но я не слушала. Только когда он смолк, повторила.

— Я больше никогда не буду этим заниматься.

— Да что ж вы заладили «не буду, не буду»! Если уж на то пошло, ваше желание или нежелание особой роли не играет — мы ведь может использовать и меры принуждения. Призыв на воинскую службу, воздействие на родственников, лечение от психических расстройств в наших специализированных клиниках — он нехорошо улыбнулся — В вашем нынешнем состоянии — туда прямая дорога.

Я вгляделась в эту надоедливую муху.

— У вас не найдётся бумаги и ручки?

Мужчина замер на мгновение, затем достал из своей папочки листок бумаги и протянул мне. Я немного подумала, потом написала на листочке шесть фамилий и вернула листок. Мужчина пробежал глазами список, пару раз в глазах промелькнуло удивление, но он взял себя в руки.

— Что это?

— Это? Цепочка, по которой приказ о моём привлечении шёл к вам. Передайте им и запомните сами — если от меня не отстанут, я всех вас убью.

Майор попытался улыбнуться.

— Вы же сказали, что никогда не будете этим заниматься.

— Для вас я сделаю исключение.

Майор улыбнулся уже с угрозой.

— Спасибо за предупреждение. Значит убирать вас надо быстро и через прерванную цепочку.

Устало откинувшись на стену, с тоской посмотрела на этого зануду.

— Я уже умерла четыре раза, а вы тут болтаете всякие глупости. Уходите.

Мужчина ушёл, но ощущение чего-то гадкого буквально чувствовалось всем телом.

Покопалась в воспоминаниях этого урода и даже вздрогнула. А ведь он говорил совершенно искренне! Он действительно считает, что меня в обязательном порядке надо «привлечь к работе». И даже несколько «объектов», с которыми необходимо «решить вопрос», наготове. Да у него у самого с десятков трупов под кроватью! И ни об одном он не сожалеет. На краткий миг я даже позавидовала его спокойствию. А вот моё испарилось без следа. И вера в то, что я поступила правильно, исчезла. Успокоила, если можно так сказать, одну мать и сделала несчастными ещё трёх. Тому, что парни виноваты, доказательств, кроме моих слов нет. Так же, как и моей вины. Но им хватит одного подозрения. И я сама теперь не смогу смотреть им в глаза. Никогда.

И что, теперь это станет моим ежедневным наказанием? Осталось только засомневаться, что я всё поняла правильно, и сумасшедший дом или петля мне обеспечены. И после этого предлагать мне работу на органы? Чтобы я каждый раз снова и снова переживала смерть жертвы, а потом и убивала виновного в ней? И снова чувствовать смерть? Идиот. Лучше я никогда ничего не увижу. Но это, наверное, уже невозможно. Я ведь «просмотрела» майора, его воспоминания, и всю цепочку начальников даже не задумываясь. Просто захотела и увидела. И теперь такое будет с любым человеком, который встретится мне на пути? По любому поводу? Ведь это будет... ужас. Ужас всезнания, потери веры в людей.

И ведь он прав, говоря, что я обеспечена работой на всю жизнь. Сколько непонятных смертей, сколько безутешных родственников. Многие захотят узнать правду, а при возможности и отомстить. И мне придётся снова и снова умирать. А если я не сдержусь, то и убивать. И снова умирать. И так всю жизнь.

Решение пришло внезапно. Как была, в халатике и тапочках, выскользнула в коридор и отправилась к лифту. На верхнем этаже на меня не обратили внимания — мало ли по каким делам шляются больные. И выход на крышу, как по заказу, оказался открытым. Торопясь, чтобы меня не остановили, вскочила на бордюр крыши, и... решимость оставила меня. Как бы ни было плохо, человек не хочет умирать. Я пыталась качнуться вперёд, и тут же в страхе отпрянула. Пыталась спуститься на крышу, и тут же ярко всплывали ужасы, которые меня ожидают, и я снова пыталась шагнуть вперёд. После нескольких минут таких мучений я взмолилась, обращаясь непонятно к кому.

— Ну хоть кто-нибудь, кто лучше, умнее меня, помогите! Я не хочу жить и не хочу умирать. Помогите мне сделать выбор!

Я замерла, в надежде переложить решение на чужие плечи. И тут неожиданно резкий порыв ветра решил мою судьбу...

Краткий миг полёта, и я плашмя, спиной грохнулась на крышу, дыхание перехватило от боли. Несколько минут я ничего не видела кроме радужного марева перед глазами. С трудом повернувшись на бок, скрючилась, пытаясь отстраниться от боли. Наверное, ещё и голова была разбита, потому что по щеке текло что-то тёплое.

И только чуть позже, когда боль немного отпустила, до меня дошло, что я жива, и мою судьбу решили. Кто и почему — никто не скажет. Но жить-то мне! То, чего я так испугалась, от чего хотела избавиться, теперь мой крест на всю жизнь. И оборвать её я уже не имею права, раз сама попросила о чужом решении. От ужаса, что теперь всю оставшуюся жизнь, каждый день, мне придётся видеть и чувствовать чужие горе и страдания, я свернулась в комочек и заскулила, как перепуганный щенок...

Так меня инашли. Набежали какие-то люди, что-то громко говорили. Потом подняли

на руки и отнесли обратно в палату. Снова уколы, снова беспамятство.

На третий день вечером что-то пошло не так. Сквозь полудрёму мне послышались какие-то непривычные звуки в коридоре, будто там что-то били и роняли. Несколько раз даже что-то хлопнуло, будто выстрелили из игрушечного пистолета. Можно было подумать, что там дерутся, но ведь это бред! В больнице, вечером, возле моей палаты?! Точно бред, но очень уж материальный. Как только шум затих, в палату быстрым шагом вошли трое в чёрных масках. Один из них молча спеленал меня моим же одеялом и как ребёнка, на руках, куда-то понёс. В коридоре я успела заметить лежащие тела нескольких мужчин в костюмах, вокруг двоих растекалась кровь. Наверное, надо было завизжать и звать на помощь, но сил не было. Встречный медперсонал торопливо уступал нам дорогу, и через пару минут мы уже были в микроавтобусе, который тут же сорвался с места.

Мы куда-то ехали и ехали. Мужчина, который нёс меня, так и не выпустил меня из рук, но я не возражала. При нашей разнице в размерах я чувствовала себя девочкой на руках у папы. И нисколько не боялась — от мужчины шло ощущение гигантской силы, и несколько раз мне даже послышалось от него слово «девчонка». И он о том же думает, улыбнулась я про себя. Не удержавшись, высвободила руку и ласково погладила его по лицу, по-прежнему скрытому маской. Погладила ласково, но мужчина дёрнулся как от удара. И чего он испугался, глупенький? Я ведь по-доброму. У него тоже были какие-то проблемы, но мне показалось, что всё закончится хорошо. Я так и сказала, и мужчина вообще стал как каменный, пристально вглядываясь в меня. Но меня его взгляд нисколько не смущал. Силы кончились, меня неудержимо потянуло в сон, и, покрутившись немного, чтобы кармашки на груди мужчины не кололи так уж сильно, мгновенно уснула.

Проснулась я почти нормально. С недоумением оглядела просторную палату, заставленную всякой непонятной техникой. Зачем, спрашивается, нужно было тащить меня сюда ночью, да ещё и с дракой (если мне не приснилось)? Почти сразу же появился незнакомый доктор (во всяком случае, мужчина был в белом халате). Даже не поздоровавшись, молча осмотрел меня. Вроде вёл себя корректно, но от него прямо таки веяло равнодушием и смертью. Через пару минут я уже начала буквально задыхаться от этого запаха. Ещё чуть-чуть, и я бы ему что-нибудь сделала. Видимо, это отразилось на моём лице, потому что мужчина вдруг резко отступил от меня, некоторое время разглядывал, а затем так же молча вышел. Ещё через пару минут появился ещё один — представительный, с крупным волевым лицом. Направился было ко мне, но я резко вскинула руку.

— Не подходите ко мне!

Мужчина послушно остановился.

— Ты меня боишься?

Немного подумав, отрицательно мотнула головой.

— Я не желаю знать ваши тайны!

Взгляд мужчины мгновенно стал резким, но он быстро расслабился.

— Ну что ж, разумно. По моим сведениям, расстояние не играет для тебя роли, но спишем это на ослабленность после лекарств и чувство самосохранения — он помолчал — У меня к тебе дело и очень срочное. У меня украли сына и требуют выкуп и ... некоторых услуг. Поэтому мне нужна твоя помощь.

— У меня нет денег.

Мужчина даже не улыбнулся.

— Дело не в деньгах и даже не в услугах. Я боюсь, что всё это только повод, и что сына

не отпустят. Я даже не уверен, что он до сих пор жив. Ты должна мне помочь.

При одной только мысли, что мне снова предстоит пережить чужую смерть, меня передёрнуло.

— Я не полиция и не собираюсь этим заниматься.

Мужчина внимательно смотрел на меня.

— У меня есть копия отчёта о твоём разговоре майором. И твои аргументы мне в чём-то даже понятны. Но давай уточним ситуацию. Ты уже попала в поле зрения спецслужб и обратной дороги нет. Мне пришлось приложить ... э ... некоторые усилия, чтобы заполучить тебя, и теперь возможны только два варианта — или ты мне помогаешь, и мы расстаёмся к взаимному удовольствию, либо мне придётся упрятать тебя ... э ... навсегда. Во избежание, так сказать. Я ясно выразился?

— Более чем. Но я не собираюсь снова и снова переживать смерть. Лучше уж один раз.

Мужчина задумчиво протянул.

— То, чего ты *не* хочешь, я уже понял. А что ты *хочешь*?

Я даже растерялась. Вот об этом меня ещё никто не спрашивал.

— Я... я хочу, чтобы меня оставили в покое.

— А если я тебе это обеспечу?

— Как? Посадите в одиночную камеру на необитаемом острове?

— Ну, зачем же так кардинально? Изменение внешности, десяток паспортов, с которыми можно беспрепятственно путешествовать по всему миру, некоторая сумма наличкой, которая позволит безбедно прожить лет десять. Ты уезжаешь, я про тебя забываю. С остальными будешь разбираться сама. Ну, как тебе такой вариант?

Мужчина говорил спокойно, уверенно, и я ему вдруг поверила. И что он даст денег, и сделает нужные документы. А почему бы и нет? Уехать, раствориться, спрятаться. Куда угодно, лишь бы подальше и где будет поменьше людей.

Присев на кровать, я уже почти спокойно спросила.

— Что нужно сделать и как вы себе это представляете?

Мужчина удовлетворённо кивнул, щёлкнул пальцами, и в дверь тут же протиснулся гориллоподобный мужчина. Видимо, он слышал наш разговор, потому что не сделал попытки приблизиться ко мне, а только чуть сдвинул в мою сторону журнальный столик и разложил на ней карту города.

— Мальчика похитили три дня назад вот в этом месте — он ткнул в какую-то точку на карте — Телохранителя ранили, и он ничего не смог сделать. Вещи у мальчика отобрали и сразу выкинули, отследить его местоположение по телефону и особым меткам не удалось — он выжидательно посмотрел на меня.

Полагалось что-то делать, но что? Ехать на то место, где его похитили? Вроде другим экстрасенсам достаточно было потрогать личные вещи и этого хватало, чтобы настроиться. Прикоснуться к отцу мальчика мне совершенно не хотелось.

— Можно какую-нибудь вещь ребёнка?

Телохранитель тут же вытащил из кармана фотографию, телефон, положил на стол и снова отступил. Я тоже не стала задерживаться у стола — взяла вещи, мельком глянула на карту, где особо выделялся красный кружок, и тоже отступила. Вообще, в другое время я бы посмеялась над нашим поведением. Мужчины боятся, как бы я чего не услышала в их головах, а я боюсь этого даже больше, чем они.

Встав у окна, закрыла глаза и попыталась настроиться, но ничего не получалось. В

голову лезло что угодно, но только не то, что нужно. И только когда я догадалась представить мальчика и несколько раз повторила «Больно, страшно», у меня что-то получилось. Было, как и рассказал телохранитель — подлетела машина, в его спутника несколько раз выстрелили и тот упал весь в крови. Мальчика запихнули в машину и повезли. Я смотрела вслед машине, потом постаралась не отстать от неё. Поворачиваясь с закрытыми глазами, начала описывать.

— Проехали два квартала, повернули налево. Долго едем по широкому проспекту, проехали стадион, затем какой-то парк.

Я повторяла маршрут похитителей, бормоча про особые приметы, которые успевала заметить. В конце концов мальчика привезли в старую пятиэтажку. Замирая от ужаса, что придётся увидеть страшное, немного прокрутила события вперёд, осмотрелась, затем открыла глаза.

— Мальчик жив. Его приковали цепочкой к батарее, но он жив. Четвёртый этаж, квартира направо, дальняя комната. В ближней комнате двое охранников. Главный приедет в три часа — неожиданно закончила я.

На хозяина было страшно смотреть. Даже до меня доносился скрежет его зубов. Повернувшись к телохранителю, он почти ласково произнёс

— Ты всё понял?!

Тот не отрывал взгляд от карты.

— Дом, подъезд, квартира известны. Если девчонка не ошиблась, то...

— Бери всех людей, не останавливайся ни перед чем, но я хочу видеть этих уродов живыми. У меня очень много вопросов...

Он резко встал.

— Поехали!

Мужчины, уже не обращая на меня внимания, быстро ушли, и я даже чуть обиделась — что, попользовались, а стала не нужна, так теперь и совсем про меня забудут? Но минут через десять служанка вкатила уставленный тарелками со всяким вкусом сервировочный столик и целый час я наслаждалась маленькими кусочками неведомых доселе блюд. Потом устроилась на кровати и совершенно незаметно уснула.

Проснувшись я от ощущения чужого взгляда. Сонно повернулась набок и увидела хозяина, придерживающего за плечи десятилетнего мальчишку, которого я видела на фотографии. Что-то не так?

Не успела я встать, как мальчишка вырвался из рук отца, подбежал ко мне и уткнувшись лицом в живот, обхватив меня руками. Я совершенно растерялась. Тельце подрагивало, и я непроизвольно стала поглаживать его по волосам, стараясь успокоить. Потом пригляделась и вздрогнула — у мальчишки сквозь волосы проступали чёрные пятна. Не грязь, не кровь, нечто непонятное, но очень плохое. Уже более целенаправленно я попыталась убрать эти пятна, и тут же стряхивала их, чтобы они не пристали к моим пальцам. Самое удивительное, но мне это удавалось, а мальчик с каждым отброшенным пятном успокаивался всё больше. Отец стоял напряжённый, но не вмешивался. Когда головёшка очистилась, и я заглянула в глаза мальчику, он выглядел уже почти нормально. Уставший, испуганный, но в глазах появился интерес к жизни. Я ласково щёлкнула пальцем ему по носу.

— Жизнь-то налаживается! И впереди ещё столько хорошего и интересного!

Мальчик без всякой моей подсказки повернулся к отцу и улыбнулся. Надо было видеть лицо мужчины! Потрясение, недоверие, ещё что-то, и вроде несмелая благодарность. Я даже

решила, что сегодняшней день, наверное, прожит мною не зря.

На следующий день ко мне явилась тётка лет сорока. Вообще, в этом доме со мной общались молча. Где я, кто все эти люди — никто объяснять не собирался. В принципе, меня это устраивало. Я не знаю их, они не знают меня. Сделаем своё дело и разбежимся. Вернее, своё я уже сделала.

Тётка оказалась гримёром. Посадила перед зеркалом на стене, долго рассматривала со всех сторон. Для начала проредила мне волосы на висках, потом долго их красила. Зачем-то сделала мне маленькие татуировки (во всяком случае, с полсотни раз тыкала иглой в лицо). Затем измазала какой-то гадостью, напоминающей цветом и запахом отработанное машинное масло, лицо, шею и руки.

Когда она снова подвела меня к зеркалу, я себя просто не узнала. Вместо девочки — одуванчика на меня смотрела поникшая тётка лет тридцати пяти. Чёрные волосы с седыми прядями, тёмная, обветренная кожа, трагические морщинки у глаз, опущенные складки у губ. Круги под глазами и тоскливый взгляд смертельно уставшего человека. Невольно я поднесла руку к лицу, и изображение повторило движение.

— Неужели я такая навсегда?! — вырвалось у меня.

— Не бери в голову — довольно усмехнулась тётка — Постарайся пару недель не мыться с мылом и шампунями, а через месяц всё сойдёт и так — тетка внезапно стало серьёзной — Свой у тебя только взгляд, и тут я не знаю, что тебе поможет и когда.

Потом был невзрачный мужчина, который долго фотографировал меня с разных сторон. Ещё несколько дней я просто спала и валялась на кровати, пытаюсь представить себе своё будущее. Меня никто не беспокоил, хотя малейшее желание, типа поесть, выполнялось мгновенно.

Хозяин появился на четвёртый день. Не стал здороваться, не стал подходить. Поставил на стол средних размеров неприметную сумку и отступил к двери.

— Здесь — он указал на сумку — пять лимонов деревянных, двести тысяч баксов, десять паспортов на все случаи жизни с проставленными визами, международные водительские права. Можешь уйти в любой момент, когда захочешь. Скажешь Толику, он отвезёт до ближайшей станции метро.

На мгновение он замолчал, и я уловила его сомнения. Но хозяин был экстрасенсом не хуже меня. Усмехнулся.

— Не напрягайся, один раз в жизни я могу позволить себе быть и честным.

Как только он ушёл, я не стала задерживаться ни минуты. Одежду мне уже приготовили, в сумке лежали ровненькие пачки денег. Больше меня здесь ничто не держало.

Толик всё выполнил беспрекословно. Отвёз в город и даже дверь машины открыл сам. Стараясь не оглядываться, я торопливо спустилась в метро, но сил у меня хватило проехать только одну остановку. Подсознательно я ожидала слежки, преследования и, заметив несколько пристальных взглядов в мою сторону, невольно потянулась к мыслям этих людей. Одно только не учла — я уже немного отвыкла от людей и от своей способности чувствовать их мысли. И когда на меня обрушилось месиво слов, мыслей, образов, мне стало физически плохо. В полуобморочном состоянии еле дошла до выхода и потом ещё с час сидела на одинокой лавочке в ближайшем скверике. На меня косились, но не трогали. А у меня была только одна мысль — общество людей больше не для меня. В большом городе спрятаться легче, но каждый день испытывать подобное?!

Примерный план действий у меня был. Простенький, основанный на примерах из

фильмов, но умнее я ничего придумать не смогла. Для начала зашла в супермаркет, и за полчаса полностью сменила одежду вплоть до трусиков (что-то мне слова про метки слежения засели в памяти). А вдруг и со мной захотят проделать такой же фокус? Бросила старую одежду в мусорную урну и почувствовала себя немного спокойнее. Сменила сумку на некое подобие авоськи. Теперь из того, что мне дали, у меня остались только деньги и паспорта, но выбрасывать их я пока не решилась. На ближайшей улице заметила «Приору» с надписью «Продаю» и через десять минут стала хозяйкой подержанной машины. Хорошо с новыми правилами! Никакого ГАИ, во всяком случае, пока не захочу поставить машину на учёт. А я этого никогда не захочу.

Пару часов я бессмысленно моталась по улицам города, стараясь обнаружить возможную слежку. Смешно, конечно, такой пигалице как я, тягаться с серьёзными людьми, но попробовать-то для собственного спокойствия ведь можно?

Устав изображать из себя крутую шпионку, зашла в кафешку, перекусила, настороженно присматриваясь к окружающим. Не обнаружив ничего подозрительного, всё-таки решила не рисковать. Вышла через чёрный ход, а через пару кварталов купила ещё одну машину и рванула в сторону границы. Деньги не играли никакой роли — их было много, и нужны они были только для одного — исчезнуть, спрятаться ото всех.

Фокус с заменой машин я повторяла ещё несколько раз и в Европу въехала на почти новеньком BMW (чтобы не выделяться, как я думала). Но вместо спокойствия в чистенькой и сытной Европе я получила только новую головную боль. Стоило мне расслабиться, как я начинала чувствовать чужое внимание, словно кто-то очень далекий старался рассмотреть меня. Это чувство то усиливалось, то ослабевало, но не пропадало совсем. Я даже могла указать сторону света, откуда оно приходило. Возможно, кто-то думал об мне без всяких грязных мыслей, надеясь на мою помощь, но в моем нынешнее состоянии я восприняла это назойливое внимание только как угрозу — за мной гонятся и хотят схватить! И тогда я рванула в Южную Америку. Вообще-то, вариантов было несколько — тропические острова, пустыни, но ведь там меня легко обнаружить со спутников! Мания величия с манией преследования, но в тот момент я думала именно так. Лучше всего подойдут джунгли, но где? В Африке мне не нравилось, в Индии — так там своего население больше миллиарда, да ещё и змеи ползают, а я их боюсь. Оставались джунгли Амазонки.

Перелёт на самолёте я выдержала. Сослалась на плохое самочувствие, забила в самый дальний угол салона и так и сидела, стараясь представить себя в золотистом коконе, защищающем от чужих мыслей. Это мне почти удалось, и я даже смогла немного поспать.

На новом месте пару дней было спокойно. Язык я не знала, но деньги оказались лучшим переводчиком. Достаточно указать на нужную вещь, ткнуть пальцем в меню, показать доллары, и все вопросы решаются мгновенно. Но на третий день я снова обнаружила внимание к себе, да ещё и с двух сторон. И снова начался бег без всякого плана. Никак не укладывалось в голове — как же меня находят?! Из прежних вещей у меня остались только деньги и паспорта. Посомневавшись, сначала выбросила рубли. Потом паспорта. Потом догадалась купить джип, а остатки долларов поменять на местную валюту. На пару дней преследователи потеряли меня, но затем снова появились.

Теперь я останавливалась только заправиться и перекусить. Когда дороги кончились, я почти с радостью бросила машину и отправилась пешком. Куда? Станный вопрос. Куда можно бежать, когда за тобой гонятся? Только вперёд, подальше от преследователей. Был, правда, непонятный огонёк чуть в стороне, который манил меня и словно обещал помощь.

Особо выбирать было нечего, и вот туда я и направилась. Джунгли были непроходимыми, но я как-то умудрялась находить тропинки, звериные тропы. Питалась непонятно чем — какими-то плодами, грибами, если удавалось найти. И ничего не боялась — днем все силы и мысли уходили на то, чтобы пройти, проползти, продрасть сквозь заросли, а вечером я просто засыпала, как только опускалась на землю. Да и чего бояться? Зверей? Гораздо больше меня пугала неизвестность и преследователи с непонятными целями.

Когда я через несколько дней вышла к деревне местных полуголых аборигенов, силы были на исходе. Встретили меня настороженно, но всё-таки накормили и дали выспаться. Проблемы начались на следующий день, когда я решила помыться. Меня пошатывало от слабости, и одна из женщин помогла мне, и даже подарила простенькое платье. Но когда я, чистенькая, вышла на деревенскую площадь, что-то случилось. Внешне это выглядело как ступор — люди замирали, увидев меня. Потом один из мужчин выдохнул:

— Гвардалана!

Поднялся такой гвалт, что я чуть не оглохла. Ощутила дикую радость, восторженность, как-то связанную со мной. Без всяких объяснений меня потащили в лес. Когда я стала спотыкаться, просто похватили на руки и поволокли дальше уже без всякого почтения. Я вообще перестала что-либо понимать.

Метров через пятьсот вышли на поляну, на краю которой стояло сооружение из каменных блоков. Никаких колон, резьбы, украшений, но я почему-то сразу решила, что это храм, очень древний, почти полностью скрытый зарослями.

Окна были затянуты листвой и внутри стоял полумрак. Посредине зала огромной камень со срезанной верхней частью. На отполированной верхушке виднелись какие — то пятна, да и запах от неё шёл не очень приятный. Такое впечатление, что не так давно здесь разделявали мясо, а вот прибраться и помыть почему-то забыли. Я ещё не успела оглядеться, а меня уже без всякого почтения опрокинули на эту плиту, растянули руки-ноги в разные стороны и прихватили заранее приготовленными ремнями.

Не очень вежливо, не очень приятно, но страха не было. Что, собственно, эти дикари могут мне сделать? Изнасиловать, пытаться, принести в жертву своим богам? Я уже испытала, что это такое — чужая смерть, и мне теперь было почти всё равно. Ну что ж, испытаю это разок и в собственном теле. Вроде бы надо бороться за жизнь, но зачем? Чтобы снова бежать и забираться в ещё большую глушь? Зачем?! Лучше уж закончить жизнь прямо сейчас. И вроде как моей вины в этом нет, вдруг улыбнулась я. И я совсем даже не виновата, что так всё закончится.

Уже с лёгким нетерпением стала смотреть за действиями аборигенов. А те вели себя так, словно совершали нечто очень важное. Торопливо разрисовали тела чёрной и белой красками, достали из укромных мест рогатые головные уборы, украшенные сверкающими перьями. Принарядившись, все, за исключением старшего (вождя или шамана) встали на колени вокруг моего жертвенника.

Вождь почему-то всё время крутил головой, словно искал какие-то важные признаки, затем отдал резкую команду, от которой все замерли, и обращаясь в сторону тёмной статуи, стоящей чуть в отдалении, затянул странно завораживающую песню на незнакомом звучном языке, Громкость пения постепенно повышалась, а интонации менялись от просительных к требовательным. Стоящие на коленях подпевали, но очень тихо, как бы создавая фон, и только отдельные слова выкрикивали громко. Со стороны это выглядело, дико, но в какой-то момент темная статуя вдруг словно наполнилась светом, и сквозь возникшее марево в зал

вступила женщина. Пение мгновенно смолкло, аборигены, все как один, уткнулись лбами в пол и, кажется, перестали даже дышать.

Женщина неторопливо, будто не замечая их, подошла к плите и с минуту внимательно разглядывала меня. Обычная женщина европейского типа, длинные волосы сложены в сложную причёску, простенькое платье в греческом стиле, ни единого украшения. Как она здесь оказалась? И почему аборигены так её боятся, если сами же и позвали? Мысли в голове вертелись медленно, и на женщину я смотрела почти равнодушно.

Та, не дождавшись моей реакции, медленно протянула.

— Да, девонька, дошла ты до ручки. И зачем ты мне такая нужна?

Станный вопрос от богини, явившейся за жертвой в свою честь. Наверное, надо было удивляться, смотреть во все глаза, но я уже слишком настроилась на скорую смерть, и пустые разговоры мне были неинтересны.

— Ни зачем не нужна. Но я и не просилась.

Женщина продолжала рассматривать меня, затем провела рукой над моей головой.

— Такой хороший дар, может принести много пользы, и полное отсутствие желания жить. Неужели ты больше ничего не хочешь?

Я невольно пригорюнилась.

— Наверное, только одно — чтобы про меня забыли. Раньше хотела быть хорошей, полезной, чтобы меня любили. А с эти проклятым даром какая уж любовь?! Лишь бы проклинать не начали... Теперь я хочу только одного — умереть.

Женщина задумалась, потом протянула мне руку.

— Хватит разлёживаться, вставай.

Ремни, державшие меня, куда-то исчезли, и, невольно постанывая, я с трудом села, а потом и встала, оказавшись лицом к женщине. Странное ощущение. Роста мы были одинакового, и лицо стало казаться подозрительно знакомым, словно я его много-много раз уже где-то видела. Осталось только вспомнить — где. Будто прочитав мои мысли, женщина улыбнулась.

— А искорка-то внутри всё-таки теплится, значит ещё не всё потеряно. — И вдруг непонятно почему рассердилась — Больно ей, видите ли, плохо... Что ты вообще знаешь о боли? Можешь ли ты представить боль и смерть не только в себе, но и во всем мире вокруг? — она помрачнела ещё больше, затем сделала движение рукой, и перед статуей возникло нечто, напоминающее большое туманное зеркало — Иди! И научись сначала жить, несмотря ни на что! Лёгкая смерть — это как награда, её ещё заслужить надо....

Слова были туманные, как и её зеркало, но мне было безразлично. Спокойно, будто делала это ежедневно, прошла сквозь туман «зеркала», и... снова очутилась в храме, только почему-то лицом к выходу. Свет «зеркала» освещал зал, но почему-то храм был пуст. Ни аборигенов, ни женщины. Недоумевая, направилась к выходу, а на крыльце невольно замерла — вместо джунглей за порогом храма раскинулся город! Непонятной архитектуры здания виднелись тёмными силуэтами с редкими освещёнными окнами, но не это было важно. Почему-то уже была ночь, и над головой сверкали миллионы огромных звёзд. Может и не миллионы, может и не таких огромных, но это точно было не небо Земли, к которому я привыкла. Разумеется, я не астроном, но *в нашем* небе я никогда не видела таких густых скоплений звёзд, которые на ночном небе выглядели яркими мазками и полосами. Куда же я попала?! Если город построен вокруг храма и он (город) настоящий, то можно предположить, что я провалилась в глубокое прошлое, когда здесь была процветающая

цивилизация. Но небо казалось совершенно незнакомым, и внутри вдруг похолодело — а если я вообще не на Земле? Но как я здесь оказалась? Неужели это сделала незнакомка? Но зачем ей это? И кто она такая? И как она это сделала?!

Голова пухла от вопросов, но первая паника быстро прошла. Что бы это ни было — другая планета, другое время, но меня здесь никто не знает, я никому не нужна и искать меня никто не будет. Что попросила, то и получила. Осталось выжить несколько первых дней, приспособиться, а потом я буду просто жить как самая обычная девушка.

Усевшись на ступени, уже с лёгким интересом стала вслушиваться в окружающий мир. Теплый ветерок приносил непривычные запахи, но они не раздражали. Трава, цветы, лес. От зданий несло нагретым камнем, пылью, но помойкой почти не пахло, так, чуть-чуть. Но главное — я не почувствовала, что здесь меня кто-то ищет.

Уже за одно только это новый мир начинал мне нравиться.

Постепенно глаза привыкли к темноте, и я смогла разглядеть некоторые подробности. Вроде с одной стороны горы. Вроде город достаточно большой — огней немного, но разбросаны на большой площади. Местами они образовывали прямые линии, как бы намекая на некие улицы и перекрёстки. Привычных городских звуков нет, но может по местным меркам уже поздно, все уgomонились и давно спят? Гадать бесполезно. Придётся дожидаться рассвета, спокойно всё рассмотреть, а потом уже решать что делать дальше. Конечно, можно навывдумывать всякие ужасы, но зачем? Зачем той женщине отправлять меня в такое место, где я не смогу выжить? Помучить, чтобы прежняя жизнь показалась раем? Зачем?! Она вроде говорила, что я должна захотеть жить. А как это можно сделать? Для женщины лучшее лекарство — тряпки, обновки, красивые мужчины. Я даже чуть помечтала — а вдруг в этом мире есть эльфы? А вдруг? Не то, чтобы я от них млела заранее, но неплохо было бы посмотреть воочию, убедиться в их красоте, а дальше пусть живут своей жизнью. Уж себе парня я буду выбирать по другим параметрам, а никак не по национальности. На мгновение я засомневалась — «эльф» — это нация или раса? А, мне без разницы. Я даже хмыкнула, попытавшись представить свой идеал. Получалось что-то книжное, нежизнеспособное, но как знать, может в этом мире я его и встречу?

Уже с лёгким нетерпением стала ожидать рассвета — ведь наступит же он когда-нибудь? Сколько можно сидеть одной в темноте?

Будто в ответ на мои мысли среди домов мелькнули отблески пламени, и на открытое пространство вышла пятёрка каких-то существ. Один шел чуть впереди, остальные за ним по двое, держа в руках факелы. Неторопливо прошли вдоль домов и наконец оказались рядом со мной.

Подошедшие немного удивили. Внешне — почти нормальные европейцы, загорелые до черноты. Только одеты непривычно — никаких штанов, рубашек. На ногах что-то вроде сапожек-сандалий. Одежда — что-то вроде туника с юбочкой до колен. Но сверху почему-то панцири из прессованной кожи, на поясах короткие мечи, спины прикрыты круглыми щитами, на головах шлемы без всяких украшений. Я даже насторожилась — у них здесь что — война? Или это стандартная форма патрулей местной полиции? Да и мужчины повели себя не очень приветливо. Старший угрюмо уставился на меня, разглядывая в свете факелов. Не усмотрев во мне угрозы, сварливо проворчал:

— Нашла время шляться! Тебе что, идти некуда? Такую молоденькую запросто обидеть могут.

Грубоватая забота удивила, а слова о каких-то неизвестных угрозах были такими неожиданными, что я сначала немного опешила, а потом меня разобрал смех. Не сдержавшись, я рассмеялась в полный голос.

— Меня?! Обидят?! В этом прекрасном мире?

Я впервые за долгое время чувствовала себя так легко и свободно, и вдруг какие-то непонятные опасности и угрозы? Я снова засмеялась, смех звонкой россыпью разнёсся в ночи.

Старшему это не понравилось. Он даже нахмурился, собираясь отругать меня, и вдруг насторожился. Даже подошёл чуть ближе, всматриваясь в меня. Как-то обеспокоенно его взгляд несколько раз перескочил с меня на храм за моей спиной, на меня, снова на храм.

И вдруг он низко склонился передо мной.

— Прости, великая, что побеспокоили твой покой.

Перемена поведения была странная, но почти понятная. Ночь, одинокая девчонка на ступенях храма, смеющаяся над словами об опасности. Может быть он даже принял меня за какого-нибудь духа или жрицу. А что, у меня ведь в знакомых есть почти богиня, перенёсшая меня сюда.

Я снова улыбнулась.

— Ничего. Даже приятно, что обо мне заботятся. Тем более, что это моя первая ночь в этом мире.

Сказала я чистую правду, искренне, но, в данный момент это прозвучало как-то двусмысленно, потому что старший, а вслед за ним и солдаты вообще опустили на одно колено и склонили головы.

— Приказывай, великая!

А что я могу им «приказать»? Я здесь вообще ничего не знаю. Но говорить что-то надо, и я мягко ответила.

— Исполняйте свою службу. Когда понадобится, я вас позову. Идите.

Солдаты, стараясь не шуметь и не греметь оружием, отступили. Некоторое время постояли на краю площади, что-то горячо обсуждая, но потом всё-таки ушли.

Странное начало моей жизни в этом мире. Приняли за кого-то другого, но вроде люди неплохие. Во всяком случае, угрозы от них я не почувствовала. А это главное — меня не ищут и не хотят обидеть, я никому не нужна как экстрасенс, а с бытовыми мелочами разберёмся. Язык вроде понимаю, на первое время даже работы посудомойки не испугаюсь, а потом что-нибудь придумаю.

Я снова расслабилась и стала наслаждаться этой ночью и этим миром.

Через некоторое время вдруг появилось сомнение — а как я умудрилась разговаривать с незнакомцами?! Мир откровенно не мой родной, и язык явно не русский, но ведь понимала же! Я попыталась поточнее представить встречу. Вот они подходят, вот старший говорит первые слова. Звуки непривычные, немного горловые, но я их поняла. И... даже ответила. Я попыталась произнести несколько простейших слов — ночь, мир, площадь, но губы сами произнесли это на русском. Что-то не так. А как же я тогда говорила? И ведь не задумывалась, хотя этот язык я точно не знала. Даже английским владела так, на уровне чтения со словарём (за исключением специальных терминов). Это что, подарок той женщины, что отправила меня сюда? Спасибо, конечно, но как этим даром пользоваться? Как разговаривать, если я не знаю ни слова, пока со мной не начнут говорить? Или это проявление прежнего дара — чтения мыслей? Пока никого рядом нет, я и слов не знаю. Кто-то хочет поговорить — знания сами всплывают? Или я сама внушаю нужные слова? Этот вариант ещё хуже, ведь очень скоро заметят, что говорю, не шевеля губами, а там недалеко и до обвинения в колдовстве и всякой чертовщине. Что-то я не помню, чтобы за такие дела женщин возвеличивали. Сжигали, колесовали, топили, это да, ко всеобщему удовольствию. Так что надо очень внимательно следить за собой, а то как бы чего не вышло. Притвориться глухонемой или ещё кем, но рта не раскрывать, пока не появится уверенность в том, что я говорю на местном и относительно правильно. Что я всё-таки говорю, а не внушаю.

И надо будет всерьёз подумать о пропитании. Кормить меня задарма вряд ли кто будет, так что ближайшая задача — осмотреться и попытаться найти работу или ещё какой способ пропитания. Воровство — только как крайний вариант. Судя по мечам, правосудие у них

здесь скорое и прямолинейное, как и их мечи. А что с ворами делали в древности? Рубили руки, резали уши, носы, ставили на лбу клеймо. Это мне надо? Совершенно не надо. Так что, заработок только относительно честными способами? А что я собственно умею? Практически ничего, что может потребоваться в древнем мире. Ну, разве что обыденные женские дела — постирать, сготовить что-нибудь простенькое. В земле копать, за скотиной ухаживать — даже представления не имею. Да и с моей «силушкой» я через час упаду на грядку рядом с лопатой. Значит, остаётся роль посудомойки, горничной, служанки? На совсем крайний случай можно торговать собой. Стыдно и дико, но что делать? Слышала, после революции, в эмиграции, даже графиням приходилось этим заниматься. А куда деваться, если есть каждый день хочется? Но это, конечно, на самый крайний случай. А для начала надо просто оглядеться.

Стараясь не скатиться в банальные стоны от внезапного осознания той кучи проблем, которые меня ожидают, снова стала смотреть в невероятно звёздное небо. Прислушалась к внутренним ощущениям — вроде никто не ищет, а это для меня сейчас, наверное, самое главное. А остальное — обычные житейские проблемы, одинаковые для любого мира и любой эпохи. Ничего, как-нибудь выкручусь. Может появятся подруги. Может и парень подходящий найдётся. Выйду замуж, нарожаю детей и буду жить тихой размеренной жизнью. Я даже улыбнулась, представив себя в образе маленькой толстушки в окружении кучи сопливых малышей. Хорошо-то как. И никаких приключений, никакого чтения мыслей, никаких убийств. Просто жить как обычная девчонка.

Я ещё немного помечтала о своей будущей жизни и незаметно уснула, притулившись к тёплым камням стены.

Под утро я всё-таки продрогла. Лёгкий ветерок принёс прохладу, а на камнях, в одном платье не очень-то поспишь. Пришлось вставать и пытаться согреться, растирая руки-ноги-плечи, зато я увидела невыразимо красивый рассвет. Солнечные лучи сначала позолотили заснеженные вершины гор, затем мягко наполнили воздух приятным теплым светом. Было интересно наблюдать, как окружающий меня город проявлялся как на фотографии. Оказалось, что мой храм (ну, тот в котором я появилась в этом мире) был будто врезан в основание сравнительно небольшой горы. Зачем это сделали — непонятно, так как вокруг площади было построено ещё несколько зданий, напоминающих храмы. Единственное объяснение — что мой храм не так прост. Ведь на виду только вход, а вот какие там секретные ходы и залы — одна богиня знает. Можно было бы сходить посмотреть, но меня как будто что-то не пускало внутрь. Так, постояла у входа, полюбовалась на скромные узоры, украшавшие арку входа, и всё. Да и жизнь вокруг была гораздо интереснее, чем прошлое, оставшееся внутри.

Люди появились почти сразу с восходом солнца. Как ни странно, но первыми, кого я увидела, стали обычные дворники. С обычными мётлами, в серой рабочей одежде, каждый начал старательно мести свой участок, начиная от входов в дома, которые я приняла за храмы. Даже интересно стало — а что они там метут? У нас понятно — окурки, бумажки, пакеты и недоеденные пирожки. А здесь что? Судя по ночному патрулю, у них здесь средневековье, и вряд ли здесь разбрасываются бумагой в любом виде. Так что же они подметают? Опавшие листья или ещё что? Ладно, с этим потом разберёмся.

После некоторого затишья на площади появились торговцы. Или разносчики. Во всяком случае, эти люди тащили и везли на небольших тележках, запряженных какой-то животинкой наподобие наших осликов, мешки, ящики, горшки, связки чего-то.

Ещё через какое-то время потянуло дымом от печек, разными вкусами, которые начали готовить почти в каждом доме. Очень некстати вспомнилось, что не ела уже сутки, и даже чёрствая корочка хлеба показалась бы теперь вкусной. Но я решила потерпеть и не стала выходить из арки храма — сначала надо приглядеться к людям, местным порядкам, а то кто его знает — может я в своём платье и манерами буду выделяться здесь как белая ворона.

Народ оказался в общем-то обычным — никаких рожек, клыков, копыт. В основном темноволосые, но попадались и светлые. Правда, удивляла странная мешанина этого города. Обычно всё-таки преобладает какая-то одна нация или раса, а вот здесь этого не было. Я даже невольно вспомнила рассказы бабушки о первом съезде молодёжи в Москве в пятидесятые годы, когда на улицах можно было встретить и индуса, и китайца, и даже негра, которых до этого видели только на картинках. И здесь тоже можно было увидеть людей всех оттенков кожи. И в одежде здесь никто не стеснялся. Халаты, тоги, средневековые костюмы (как я их себе представляла). То ли здесь свой съезд молодёжи, то ли город портовый-торговый, то ли ещё что, но через некоторое время я почти успокоилась. А когда заметила несколько девушек, одетых в такие же простые платья, как и у меня, то и вовсе перестала бояться. Подумаешь, одной больше, одной меньше. Голову держать опущенной, в глаза никому не смотреть, говорить только самый минимум. Авось и устроюсь.

Надежды остались только надеждами. Целый день проболталась по городу, но работы не было. Нацелилась я на должность посудомойки, как самую простую и нужную во все времена. Как говорится, подальше от начальства, поближе к кухне. Поэтому и искала, больше ориентируясь на запахи еды, чем на красивые вывески, но меня везде гнали. Где равнодушно, где чуть ли не матами. Хотя, чего ругаться? Ну, пришла девчонка-замарашка, не поднимая головы, начинает бормотать, что готова работать за пропитание. Ну, нет работы или сама не понравилась — скажи спокойно, чего уж изгаляться. Так нет же, чуть ли не каждый третий начинал делать намёки, что я могла бы заработать гораздо больше, выполняя определённые услуги. Всякого наслушалась... К вечеру я от голода была готова на любую работу, которую только предложат. Уже даром не нужны были красоты этого города, хотя здесь и было на что посмотреть. Такое впечатление, что город строили разные люди и в разное время. Были обычные дома, сложенные из грубо обтёсанных камней. Были откровенные лачуги. Один район поразил особенно. Это трудно описать, но такое впечатление, что он весь состоял из арок. Не из привычных, когда прямые косяки и круглый верх, а из плавно изогнутых линий. Вроде в математике такая фигура называется парабола. Или можно сравнить с эмблемой Макдональдса. Только здесь это был не отдельный символ (элемент), а сплошь и рядом. Арки на входах, арочного вида крыши, арочные стены. И везде сплошная мозаика. Яркая, сочная. Иногда в виде панно, рисунков, но часто просто для настроения. Даже скамейки были не обычные прямые, а изогнутые. Одна даже была сделана в виде огромной змеи, ползущей по местному парку. И народ здесь ходил одетый несравнимо богаче и несравнимо более спесивый, чем в остальных районах города. Заметив, что на меня бросают презрительные взгляды, я быстренько ушла. Здесь мне точно нечего делать.

Ближе к вечеру оказалась в сравнительно тихом приличном районе. Во всяком случае, дома были относительно крепкие, чистые, а народ относительно приветливый. Заметив скамеечку у забора, я, даже не подумав, что меня могут заругать, просто плюхнулась на неё. Грязные ноги, не знавшие до этого, что это такое — ходить босиком по земле и камням

мостовой, немилосердно болели. О еде я старалась не думать — видно сегодня не судьба. Скорее пора думать о ночлеге. Погуляв по городу, насмотревшись на местных, я теперь поняла, почему патрульные так ко мне отнеслись. Мрази хватало и здесь, и оказаться на ночной улице девушке может быть очень рискованно. Это прошлой ночью я была смелая, радуясь новому миру, а вот сейчас бы я на такое не рискнула. Наверное, лучшим вариантом было бы вернуться к храму и спрятаться в нём. Во всяком случае, я хотя бы знаю, что там внутри, и что вокруг неприятные личности не шляются. Осталось только сообразить — а где же та площадь? Я закрутила головой, пытаюсь сориентироваться, и вдруг с лёгкой паникой поняла, что понятия не имею где я нахожусь. Утром я ушла из храма, не собираясь туда возвращаться, по городу гуляла без всякой системы, ориентируясь только на запахи еды. Помню, что горы были на западе (во всяком случае, в противоположной стороне от встающего солнца). Так это верно для любой точки города. И куда теперь? Искать ночлег в каких-нибудь развалинах? Или, на всякий случай, вообще уйти подальше за город? В конце концов, по телеку показывали, что в случае крайней нужды можно есть даже червяков и лягушек. Противно, конечно, но жрать захочешь, наверное, не только их есть начнёшь.

Дав себе слабинку ещё на пять минут отдыха, снова откинулась на стенку. Ещё минуточку, ещё одну, и я встану. Обязательно встану.

Невдалеке в стене открылась калитка, и на улицу вышли две женщины лет тридцати. Обе дородные, в теле. Одна ещё как-то сохранила подобие форм, а вот вторая разъелась, как бы пошло это ни звучало, до состояния чего-то среднего между свиньёй и жабой. Да ещё и свободная одежда превращала обоих в нечто бесформенное. Вышли они молча, друг за другом, но через несколько шагов остановились и от обоих прямо плеснула волна крайнего раздражения и неприязни. Толстуха упёрла руки в бока и прошипела (насколько это вообще возможно с её комплекцией).

— Скажи спасибо, что я вас не застучала за этим самым! А не то бы я тебе...

Вторая тоже приняла вызывающую позу.

— Что ты мне?! Да ты курицу у себя между ног не поймаешь, свинья ты раскормленная! Ты с пола ничего поднять не сможешь, пока на колени не встанешь, а руки только ложку и умеют держать. Если бы не твои деньги, ни один мужик в твою сторону даже не посмотрел бы!

Толстуха задохнулась от возмущения.

— А ты... Ты...

Дальше начался безобразный бабский скандал, когда тётки, обезумев от ярости, кроют соперницу, не выбирая выражений. Слова были по большей части незнакомые, но общий смысл понятен — каждая старалась унижить за внешность, сравнивая с местными животными. Ну и, естественно, перебрали всю родню, все сексуальные позы и извращения.

На шум стал собираться народ, с интересом наблюдая за происходящим. Бесплатный цирк, кто ж пропустит. Из калитки вышла даже пара девочек лет трёх и пяти, присели на скамейку рядом со мной. Но эти не радовались. Наоборот, выглядели встревоженными и напуганными, а младшая вообще готова была зареветь. Два маленьких перепуганных воробышка. Не удержавшись, я чуть приобняла их, стараясь успокоить, и они вдруг прижались ко мне, будто ища защиты.

А скандал разгорался всё сильнее, и я примерно поняла из-за чего сыр-бор. Вроде бы толстуха — хозяйка этого дома, а вторая — няня детей. И ещё у неё были шуры-муры с хозяином дома. Тянулось это довольно долго, но сегодня хозяйка что-то узнала (или

увидела) и это стало последней каплей. Вот она и выгнала няню, а та, решив, что уже ничего не теряет, не стала сдерживаться в выражениях. Женщины уже готовы были вцепиться друг другу в волосы, когда соизволил появиться хозяин — причина ссора. Крупный, раскормленный, но взгляд вполне себя умный и уверенный. Спокойно подошёл и сразу рывкнул.

— А ну цыц! Чего тут разорались?!

Женщины повернулись и хором выкрикнули.

— Да тут эта твоя...

Замерли, поняв, что говорят одно и то же, и бросились друг на друга. Толстуха, видимо, хотела публично отругать мужа, а любовница, наверное, понадеялась на его защиту. И каждую возмутило, что соперница претендует на «её» мужчину. Но тот проявил характер и решительность — схватил разбушевавшихся баб за волосы и просто развёл руки в стороны. С его габаритами и силушкой этого оказалось достаточно — бабы немного подёргались и притихли. Убедившись, что активные действия на время приостановлены, мужик отпустил жену.

— Марш в дом, нечего позориться.

Та сверкала глазами, но молча пошла к калитке. Проводив её взглядом, мужчина отпустил и вторую женщину. В голосе его появилось сожаление.

— Ты уж извини, что так получилось, но жена есть жена — он достал что-то из кармана и отдал женщине. Та мельком глянула, скривилась, но ничего не сказала. Несколькими движениями привела в порядок волосы, одежду.

— Да ладно, я и не рассчитывала ни на что. Ухватила кусочек бабского счастья, и на том спасибо. Если бы твоя — она покосилась на толстуху, которая замерла у калитки — не начала меня костерить, я и ушла бы молча. Прощай.

Народ начал расходиться. Мужчина ещё постоял, глядя вслед уходящей женщине, затем сам направился к дому. И тут заметил меня. Взгляд мгновенно стал злым и настороженным.

— Ты что, последние мозги растеряла? Почему дети с чужим человеком?! — рывкнул он на жену.

Толстуха непонимающе повернула голову, охнула, будто только что заметила и чуть не бегом кинулась ко мне. Честно говоря, стало страшновато. И у нас чужой человек, обнявший твоих детей, вызовет как минимум настороженность, а уж какие верования в этом мире, один бог ведает. Хотела было встать и отойти в сторону, но девочки вцепились в меня, будто мать пугала их гораздо больше. Толстуха угрожающе нависла надо мной.

— Ты кто такая?!

Я, опустив голову, чтобы не было видно губ, привычно забормотала.

— Милости прошу, госпожа. Родители умерли, дом за долги забрали. Осталась в одном платье и готова работать за пропитание. Не будет ли у вас какой-нибудь работы для меня?

На некоторое время установилась тишина — меня очень внимательно разглядывали. Девочки прижались ещё сильнее и тоже сидели притихшие. Наконец мужчина протянул.

— Худая уж больно и не из наших краёв. Не нравится она мне.

Для женщины это стало очень веским аргументом в мою пользу.

— Вот и хорошо, что не нравится! Хоть ей подол задирать не будешь! А то измучилась я вся, за тобой, кобелём, присматривая.

Мужчина нахмурился.

— Ты на её руки посмотри — она же ничего делать не сможет.

— Ничего, зато не объест! Не самой же мне за детьми убирать?! Или ты хочешь свою (слово я не поняла) снова вернуть?! Ноги её в моём доме не будет!

Мужчина хотел было резко ответить, но сдержался. Потом процедил сквозь зубы.

— Поступай как знаешь. Но если с девочками что случится, я вас обоих...

Повернулся и ушел. Я ещё толком не поняла, что происходит, как женщина уже привычно упёрлась руками в бока.

— Значит так, худоба. Шибко губы не раскатывай и слюни не пускай — возьму я тебя на несколько дней за девочками присматривать, а там посмотрим. Сыта будешь, и за это спасибо скажи. А начнёшь моему мужу глазки строить — она поднесла к моему носу огромный пухлый кулак — вмиг вылетишь! Поняла?

Я торопливо закивала, хотя ещё толком не поняла. Толстуха мотнула головой.

— Пошли.

Мы прошли в калитку. За забором оказался довольно большой двор и двухэтажный дом. Почему-то первый этаж был сложен из камня, а второй надстроен из обычных брёвен. В глубине двора были ещё какие-то постройки, но хозяйка направилась к дому. У входа задержалась, оглянулась на меня и кивнула в сторону небольшого корыта с водой, стоявшего у двери.

— Ноги вымой, деревня! Запомни — прежде чем зайти, всегда мой ноги от грязи. Будешь стараться, может и чури тебе подарю.

Вроде по смыслу «чури» — это какая-то разновидность местной обуви. Наверное, это даже какая-то милость, за которую я должна быть благодарна по гроб жизни. Но я слишком устала, чтобы рассуждать об этом. Да к тому же в городе, пока я пыталась найти работу, наверное, каждый пятый спокойно разгуливал босиком, поэтому я не испытала ни стыда, ни раскаяния, ни благодарности. Ноги, действительно, грязные. Сказали помыть — помою. Главное, что на сегодняшнюю ночь у меня будет ночлег, а если ещё и покормят — так вообще прекрасно.

За входной дверью оказалась прихожая. Прямо — ещё одна дверь, но толстуха строго посмотрела на меня и погрозила пальцем.

— В эту дверь *никогда* не заходи.

Объяснять она не стала, а я только послушно закивала. Нельзя так нельзя. Поднялись по лестнице на второй этаж. Короткий коридор, четыре двери в разные стороны. Толстуха проследовала в крайнюю справа. Небольшая угловая комната, примерно три на пять метров. Пара окон, затянутых тонкой сеткой. Две детских кровати вдоль стен, небольшая кучка игрушек, большой сундук в углу. На стенах несколько простеньких ковров. Не то чтобы бедно, но как-то очень просто. Единственное, что мне понравилось, хотя и вызвало недоумение — деревянный пол. Разумеется, из досок, но материал был на удивление приятный, создавая ощущение отполированного. Зачем такой пол в детской комнате?! Очень уж не вяжется грубость стен, хозяйки и этот пол, которому больше подошло бы место в каком-нибудь дворце.

Но мои мысли никого не интересовали и я, потупив голову, молча ждала команд или разъяснений. Девочки, оказавшись в привычной обстановке, сразу забрались на кровати, уселись, болтая ногами и тоже ожидали продолжения. Толстуха оглянулась на них, улыбнулась, на краткий миг став обычной матерью, и снова строго поглядела на меня.

— Ко мне будешь обращаться «Госпожа Ло». К моему мужу — она чуть задумалась — к нему даже не приближайся и не смей разговаривать, только если он сам что-то не спросит.

Младшую девочку зовут Вирна, старшую — Лера. Делай что хочешь, но они должны быть чистенькими и весёлыми. Если пожалуются на тебя — вылетишь сразу. Есть будешь с прислугой, тебя позовут. Спать... спать пока будешь здесь, на полу.

— Да, а как тебя-то зовут? — вдруг вспомнила она.

— Наташа.

— Наташа — задумчиво повторила толстуха, будто пробуя моё имя на вкус — Дурацкое какое-то. Буду звать тебя — она снова чуть задумалась — буду звать Натис, а то язык можно сломать.

Она ещё что-то хотела сказать, но в глубине дома послышался голос хозяина, и она резко сократила наставления.

— Ладно, разберёшься, не маленькая. Не вздумать воровать, с этим у нас строго — она снова сунула мне под нос свой кулак — поняла?

— Поняла, госпожа Ло.

Хозяйка ещё посверлила меня взглядом, будто стараясь запугать, и ушла. А я со вздохом облегчения опустила на кровать — вроде за местную жизнь я зацепилась.

Мы ещё немного посидели в тишине. За окном начало быстро темнеть и я почувствовала, что «поплыла», невыносимо захотелось спать. Или хотя бы просто лечь и не шевелиться.

— Что-то я устала. Может, сегодня ляжем пораньше? — почти жалобно попросила я девочек.

Те серьёзно смотрели на меня, потом встали и полезли под кровати. На свет появились что-то вроде медных кастрюлек с закруглёнными краями. И только когда они, задрвав подол, уселись на них, поняла, что это местная разновидность ночных горшков.

Сделали свои дела и выжидательно уставились на меня.

— Что-то ещё? — не поняла я.

Лера поджала губки.

— Надо вынести, чтобы не было запаха.

Разумно, учитывая местную жару.

— А куда? Покажешь? А то я ещё ничего не знаю.

Взявшись за руки, сходили на задний двор, где за высоким кустарником спрятался местный сортир. Рядом нашлась бочка с водой, чтобы сполоснуть «посуду». Вернулись обратно, но теперь из-под кровати появилось небольшое корытце.

— Что-то забыли?

— Ещё одно положенное дело.

Ещё одним «положенным делом» оказалось подмыть девочек. Снова сходили на задний двор, на летней кухне набрали горячей воды в ведёрко. Лера всё сделала сама, а вот Вирне пришлось немного помочь. Потом подтереть пролитую воду, вынести. Обычные женские заботы, одинаковые в любом мире. Когда вернулась, девочки уже переоделись в лёгкие ночные рубашки и улеглись. Видимо, хозяйка всё-таки заходила проверить, чем я занимаюсь, потому что в углу появился тоненький матрасик, больше напоминающий подстилку для собаки. Но я и этому была рада. Девочки в кроватках, все «положенные» дела сделаны, значит и мне теперь можно было лечь и не шевелиться.

Неожиданно Вирна, молчавшая весь вечер, и только внимательно наблюдавшая за мной, довольно громко произнесла:

— Натис, расскажи сказку!

Самая невинная детская просьба, которой очень трудно отказать. И ругаться бесполезно, и строжиться — ребёнок просто заплачет, запомнив эту обиду на всю жизнь. Преодолевая себя, попыталась вспомнить хоть что-то, но на память приходили только русские народные, в которых почти всегда кто-то кого-то обижал. То Змей Горыныч, то Кощей Бессмертный, то Серый Волк. Потом вспомнила одну, которую можно, наверное, считать моей автобиографией.

— Я расскажу вам сказку про волшебника Изумрудного города. Жила-была девочка Эли. Жила с мамой и папой, пока однажды сильный порыв ветра, который у нас называют ураганом, не унёс её далеко-далеко...

Я что-то рассказывала, мешая сказку с собственной жизнью, и совершенно не помню, кто из нас уснул первым...

Работа няней оказалось весьма простой. Если не заморачиваться внешними отличиями в одежде, непонятными ограничениями, то вполне можно было представить себя приехавшей с младшими сестрёнками в деревню к бабушке. Неласковой, строгой, но уж какая есть. С утра обычные дела — умыться, причесаться. Потом хозяйка забирала девочек на завтрак, а я шла в «дворовую», в которой кормили прислугу и работников. Кормили, надо сказать, вполне прилично — большая миска овощного рагус куском лепёшки. Может я оголодала, может, и в самом деле было вкусно, но первое время я чуть ли не вылизывала свою тарелку. Остальные работники косились на меня, но с разговорами никто не лез. После завтрака прибраться, постирать детское (да и чего там стирать). Немного поиграть, затем обед и можно снова поспать (тихий час для детей). После сна снова поиграть, погулять по двору, затем ужин, «положенные дела», обязательная сказка и можно снова спать. Хозяйина я вообще не видела, хозяйку чаще слышала, чем видела, особенно когда она распекала кого-нибудь во дворе. Убедившись, что дети не плачут и выглядят вполне нормально, она почти перестала следить за мной. Наверное, у хозяев было какое-то производство или торговля, потому что периодически двор заполняли десятки повозок. Но мне было приказано никуда не лезть, и я не лезла.

Примерно через неделю хозяйка убедилась в моей благонадёжности и даже разрешила нам выходить со двора. За пару вечеров мы обошли окрестности и оказалось, что если идти переулками, то через пару улиц начинался почти настоящий лес. Вернее его кусочек, который местные превратили в парк. Множество дорожек, тропинок, иногда даже стояли лавочки. В городе после обеда было очень душно, и мы с девочками стали каждый день ходить на прогулки. Да и не мы одни. В основном гуляли молодые мамочки и слуги с детьми, но было много желающих и просто подышать свежим воздухом. Оглянувшись в любую сторону, всегда можно было заметить хотя бы одного человека. Иногда это раздражало, но гулять в парке с детьми, когда невдалеке кто-нибудь есть, было всё-таки спокойнее.

Вечер был великолепен — тихий, тёплый. Ни ветерочка, но и привычной духоты не было. Девочки носились невдалеке, присаживаясь и с любопытством рассматривая букашечек, листочки, камешки. Я невольно улыбалась, глядя на их непосредственность — как же у них всё легко и просто! Взрослые накормят и спать уложат, только и забот, что познавать этот невероятно интересный мир. Я бы и сама, наверное, побегала с ними, но мне по чину и возрасту не положено. Поэтому я неторопливо шла по тропинке, стараясь не терять девочек из виду. Периодически навстречу попадались такие же, как и я, служанки, выгуливающие хозяйских отпрысков детсадовского возраста. Лица некоторых уже были

знакомы, и мы чинно раскланивались, улыбками выражая приязнь. Ещё немного, и я, наверное, решусь заговорить с кем-нибудь. Во всяком случае, одна девушка мне понравилась. Чёрненькая, с умным взглядом. Да и она вроде посматривает на меня с интересом.

Настроение было приподнятым, и на мальчишку, сидевшего на одной из лавочек, я почти не обратила внимания. Лет десяти, светленький, в чистом костюмчике, он сидел неестественно прямо и задумчиво смотрел перед собой. Я даже чуть позавидовала служанке, которая за ним должна присматривать. Вот с этим мальчиком точно хлопот не будет — не бегают, не шумит, на земле не валяется, на деревья и в кусты не полезет. Вон какой умненький, сидит и думает и о чём-то серьёзном и важном.

Писк девочек отвлёк меня на некоторое время, и когда я снова посмотрела на мальчика, тот по-прежнему смотрел в одну точку, ни на что не обращая внимания. А вот это мне уже не понравилось. Неправильно он как-то выглядел, не так. Не может ребёнок, если у него всё нормально, вот так сидеть. Может у него что-то случилось?

Вечер был прекрасен, и мне захотелось поделиться хорошим настроением и с этим странным мальчиком. Стараясь не напугать его, осторожно приблизилась и уселась рядышком, но мальчик, кажется, даже не заметил этого. Всё та же чуть напряжённая поза, сложенные на коленях руки. Вроде не даун, не идиот. Скорее полная отстранённость от окружающего мира. Вроде бы на Земле это называется аутизм и причин этого не знают. Человек просто ушёл в себя и живёт в каком-то своём мире. А уж какие причины могут быть в этом мире, и что с мальчиком происходит на самом деле — одни местные боги знают. Но помочь хотелось, понравился он мне.

Не удержавшись, я положила руку на его ладонки, лежащие на коленях, закрыла глаза и попыталась настроиться на его ощущения. Сначала появилось ощущение тепла детского тела, потом какое-то созвучие, и вдруг я ощутила себя в непонятном месте. Если коротко, то нечто серенькое. Вернее не так. Такое впечатление, что я оказалась, как ни пошло это звучит, внутри огромного надутого презерватива. Пространство диаметром метра четыре, ограниченное тонюсенькой, мягко колыхающейся плёнкой. Полупрозрачная, она пропускала слабый свет, но разглядеть что-то за её пределами было невозможно. Так, неясные тени, не более. А посреди этого непонятного нечто сидел мальчик, которого я коснулась рукой. На этот раз он соизволил покоситься на меня, но почти сразу отвернулся и снова замер. Невежливо, конечно, но хоть что-то.

Подойдя поближе, уселась рядышком.

— Привет!

В ответ — ноль эмоций.

— А ты случайно не знаешь, где это мы?

Мальчик чуть покосился на меня.

— Будто сама не знаешь.

— Не знаю. Поэтому и спрашиваю.

Мальчишка посмотрел на меня более внимательно.

— А как же ты сюда попала?

— Не знаю — честно созналась я — Ты сидел на скамейке, я села рядом, взяла тебя за руку и оказалась здесь.

— И всё?

— И всё.

Мальчишка насупился.

— Значит, останемся здесь навсегда — и, отвернувшись, уткнулся лицом в колени.

Говорил он слишком уверенно, и в первый момент я ему чуть не поверила. Но огляделась по сторонам, и во мне всё запротестовало — с какой это стати я должна до конца жизни сидеть в этом «презервативе»?! Вся моя вина — что прикоснулась к мальчику и хотела ему помочь. Может, дело в этом, и мне всего лишь надо «расхотеть» помогать? Я сильно зажмурилась, надеясь снова оказаться в пропитанном солнцем лесу, но ничего не произошло. На всякий случай отодвинулась от мальчишки подальше, чтобы нас ничего связывало, но и это не помогло.

Помучившись, подошла к стенке и попыталась её толкнуть. Никаких проблем. Совершенно невесомая, гибкая, будто скользкая, она послушно прогнулась, но этим всё и ограничилось. Попыталась ухватить, но пальцы зацепили только пустоту. Сделала шаг вперёд, но стенка будто отодвинулась. Да что за ерунда! Вот уж никогда не думала оказаться в роли сперматозоида. Всего то и надо, что разорвать эту невесомую плёнку, но для начала надо её ухватить, а вот это как раз и не получалось. Я уже почти отчаялась, когда в голове мелькнула дурацкая идея. Что там у нас делают с презиками? Правильно, прокалывают, чтобы сделать кого-нибудь очень «счастливым». Дело за малым — найти нечто острое. А что у меня может быть острого, если из всех моих богатств — мешковатое платье? Внимательно оглядела мальчика, но и у него вся одежда была на завязках и костяных пуговицах. Чтобы их заострить, свои зубы сточишь до основания.

Уселась рядом с мальчиком, но тот ни словом не попрекнул за мою неудачную попытку выбраться. Просто сидел, неподвижно глядя перед собой. Чувствуя себя полным ничтожеством, стала искать другой выход из положения. В какой-то момент даже появилась мысль обгрызть свои отросшие ногти и использовать их в качестве иголок. Но потом я сказала себе: «Стоп!». Чего я, собственно, дергаюсь? Почему я решила, что и этот мальчик, и эта плёнка, и я сама в этом странном месте — материальны? Телепортацией я точно не владею, так что единственное место, куда я могла перенестись — это разум мальчика. И то, что я вижу — это не более, чем наша совместная фантазия. Вернее, ещё чья-то фантазия, которая создала в разуме мальчика этот барьер в виде мутной плёнки. Вроде как он не умер, разум его жив, а вот принимать решения не может, потому что ничего не видит и не слышит. Но не это суть важно. Важно другое — эта плёнка не может быть материальна, так же как и моё тело здесь. И если плёнка — фантазия не моя и управлять я ей не могу, то вот распоряжаться своим виртуальным телом я имею полное право. А значит можно попробовать пофантазировать и изменить своё тело (или его часть) в духе того же «Терминатора-2». Не знаю, как это делается на самом деле, но ничего другого в голову не приходило. Осторожно, сосредоточено я попробовала представить, что моя рука становится пластичной и начинает перетекать в форму большого ножика. Ощущения — жуткие. Может это и фантазия, но чувствовать, как твои косточки, суставчики текут, сплавляются, становятся единым целым с каменеющими мышцами, не пожелаю никому. Когда открыла глаза и увидела, что одна рука от локтя до пальцев и в самом деле превратилась в матово-белый узкий клинок, стало ещё хуже. Я не идеальна, но своим телом могла гордиться. И вдруг такое — клинок почти полностью повторял контур кисти, разве что края даже на вид выглядели невероятно острыми.

Стараясь не думать, что со мной будет в дальнейшем, подошла к плёнке и ткнула в неё своей изменённой рукой. Клинок прошёл сквозь плёнку словно сквозь воздух, не встречая

сопротивления, но этим дело и ограничилось. Никаких хлопков, разрывов и прочих киношных эффектов. И вот стою я как дура с рукой по локоть в непонятной мути и пытаюсь придумать что делать дальше. Попробовала резать, но эффект — нулевой. Попыталась просунуть руку вдоль клинка, но плёнка только услужливо прогибалась. И что дальше?! Так и стоять или снова сесть и подумать? Хотя и маленькая, но победа уже есть — плёнка острое пропустила. Ещё бы расширить прокол и выскочить через дыру наружу, что бы там ни было. А почему бы и нет? Страх у меня нет — я просто не знаю чего мне бояться. Может в нынешних обстоятельствах это даже на пользу. Закрыв глаза, я попыталась представить новое изменение. Вот рука изгибается, клинок начинает разрастаться, внутри появляется сквозное отверстие, превращая мою бывшую руку в некое подобие тонкостенной трубы. Содрогаюсь от вида сосудов, косточек, отпечатавшихся на стенках, с облегчением увидела в отверстии не прежнюю плёнку, а нечто другое. Непонятное, но сейчас это не важно. Главное — вырваться хотя бы отсюда. Я повернула голову к мальчику.

— Эй, как там тебя. Выбраться хочешь?

Мальчик настороженно подошёл. Не давая ему времени впасть в шок от увиденного (сама бы ужаснулась, увидев тётку с трубой вместо руки), резко скомандовала.

— Лезь давай!

Надо отдать должное мальчишке. То ли он очень хотел выбраться, то ли ещё не понял что происходит, но полез через отверстие весьма шустро. Ощущения... Внутри руки ползёт что-то живое и крупное... Бррр...

Но вот мальчишка выпал куда-то наружу, и настало время подумать и о себе. Решение нашлось почти сразу. Если уж нагнеть и изображать из себя Терминатора, то до конца. Я снова закрыла глаза и представила, как тело начинает плавиться, превращаясь в большую каплю. Вот эта капля тягуче вытягивается и начинает вытекать в проделанное отверстие. Проталкивать собственное тело через собственную руку, перекручивая, комкая собственное тело ... Если бы у меня сейчас были настоящие органы, я бы захлёбывалась криком от боли. Но ничего у меня не было, и вся боль отложилась где-то в душе. Почувствовала, что вывалилась куда-то наружу, и с облегчением отключилась.

Сознание вернулось как-то сразу. Осторожно ощупала себя — вроде руки на месте и в привычной форме. Где-то в подсознании осталось воспоминание о дикой боли, но реальной, физической боли вроде нет. И только после этого я решилась открыть глаза.

Оказалось, что мы по-прежнему сидели на лавочке, только мальчик неумовимо изменился — во взгляде появился разум. Широко открыв глаза, он смотрел вокруг, будто не веря увиденному. Потом мелькнула радость, будто он кого-то узнал, и вдруг глаза стали мутнеть, закатываться, его начало трясти. Перепугавшись, я обхватила его, но как будто сделала только хуже — у мальчика начались судороги, на губах выступила пена. И в дополнение к этому ужасу над головой раздался вой, только отдалённо напоминающий женский голос. Что-то вроде: «Аааа... Убилиии... Ведьма...»

Меня схватили за волосы, руки, оттаскивая от скамейки, мальчика подхватил какой-то мужчина, а на меня вдруг посыпались удары. По голове, лицу, телу. Женщины, несколько минут назад чинно гулявшие с детьми, вдруг превратились в зверей, с ненавистью в глазах пытающихся меня убить. Толпа — это всегда страшно, а когда она вся против тебя... Сопrotивляться было бесполезно, и я только пыталась закрыть лицо, но это заводило людей ещё больше. Ещё немного, и меня бы просто забили прямо у лавочки.

Потом чьи-то грубые руки схватили меня за волосы и выдернули из толпы. Кто-то

властно заорал:

— А ну, назад! Стоять! Её должны судить и сжечь, чтобы следа не осталось! Назад! Мы отведём её к судье!

Кровь лилась из разбитых носа и губ, один глаз начал заплывать, всё тело болело, и дальнейшее я помню как сквозь туман. Меня тычками и пинками гнали куда-то, временами заставляя просто бежать. По сторонам время от времени слышались гневные крики, требовавшие моей немедленной смерти, и в какой-то момент я даже почувствовала нечто вроде благодарности к мужчинам, тащившим меня к неведомому судье. Там меня перестанут бить, я всё объясню и меня, конечно же, отпустят. Ведь я ни в чём не виновата, да и в парке остались девочки, которые могут не найти дорогу домой. Меня обязательно должны отпустить!

Но судья на сегодня уже закончил работу, и меня отправили в тюрьму, располагавшуюся рядом. Просто передали с рук на руки тюремщикам, расписав про меня всякие глупости, которые я точно не совершала. Но что правда, а что — вымысел, совершенно никого не интересовало. Меня снова тычками погнали по коридорам и толкнули в камеру. Двое тюремщиков зашли следом. Один приподнял повыше факел и стал меня рассматривать. Наконец с усмешкой произнёс, обращаясь к напарнику.

— Ну что, развлечёмся?

Второй засомневался.

— Ей завтра к судье.

— А кто её будет спрашивать и слушать? — заржал первый — То, что про неё рассказали, хватит на десять казней, а наш, сам знаешь, на расправу скор. Прочитает донос и тут же отправит на костёр или колесо, она и рта раскрыть не успеет.

Видя сомнения напарника, начал расстёгивать пояс.

— Ну, как хочешь. А я попользуюсь — чо уж добру пропадать.

Меня больше поразило не то, что мной хотят попользоваться, а то, что позарились на такую — избитую, в крови. Это уже не неуёмная похоть, это уже садизм, извращенство. Орать, сопротивляться? Бесполезно. Два здоровенных мужика, в подвале тюрьмы, сделают со мной всё что хотят, и никто даже не обратит внимания на мои крики. Единственное, что я могу сейчас сделать — немного испортить им удовольствие. Храбрость отчаяния, но я смогла даже чуть усмехнуться.

— Ты уж позови ещё двоих, а то с вашими огрызками двоих мне будет мало.

Тюремщик усмехнулся в ответ.

— Не волнуйся, после знакомства с моим *малышом* тебе больше ничего не захочется.

Я улыбнулась уже откровенно нагло.

— Ты забываешь, что я — ведьма. У всех, кто прикоснётся ко мне, на следующий день его мужская гордость будет висеть как дойки на коровьем вымени — я снова улыбнулась — Пожалуй, у коровы-то будет побольше и потвёрже...

Наглость и сплошной блеф, но мужиков пробрало. Да и как не поверить, если они сами только что говорили, что я — ведьма. С усмешкой, презрительно, но всё же. А проверять, вру я или нет — на такое вряд ли решится хоть один мужчина. «Озабоченный» помрачнел, переглянулся с напарником и молча стал затягивать пояс. Но не ушёл, как я ожидала, а стянул с крепления на поясе свёрнутый кольцами кнут.

— Без моей ласки сегодня ты всё равно не останешься.

Коротко, без замаха, хлестнул меня. Кнут обвил тело, и не заорала я только потому, что

дыхание перехватило от жгучей боли. Не дождавшись моей реакции, тюремщик ударил снова и снова, всё больше распаяясь. В другое время я бы уже визжала, закрывалась, убегала. Но не сегодня. Что-то во мне изменилось. Стиснула зубы так, что они заскрипели. Ещё позволила себе скрестить руки на груди, чтобы не дёргаться и не было видно, что меня колотит. Ну и ещё была маленькая надежда, что это хоть немного убережёт грудь.

Боль была нестерпимой, но, на моё счастье, после пятого удара я просто потеряла сознание. Что со мной делали после этого, я, надеюсь, никогда не узнаю...

Наверное, я бредила. Да наверняка бредила, потому что сон не может быть таким страшным и таким бесконечным. Я помнила, что меня били, что тело должно болеть, но это было незначительной мелочью по сравнению с тем, что окружало меня. Боль и ужас, страх и отчаянье волнами накатывали со всех сторон. Казалось, весь мир вокруг содрогался от боли и жаловался мне, словно я могла помочь ему. Какие-то непонятные тени, образы, обрывки воспоминаний лились потоком, делая мою собственную физическую боль незначительной. Но вскоре поняла, что долго я так не выдержу и сама сойду с ума от чужой боли.

Бессознательно, как учила мама, начала строить вокруг себя защитный кокон. Он получался тоненьким, золотистого цвета, но всё-таки спас меня от наступающего безумия. Стало чуть легче, и теперь я просто бредила, радуясь собственной физической боли словно награде. Потом догадалась сделать ещё один кокон, поменьше, спрятавшись в него уже от собственной боли. В наступившей тишине свернулась калачиком, поскуливая и пытаюсь найти ответ только на один вопрос — за что они со мной *так*?!

Ощущение времени я потеряла. В какой-то момент где-то далеко-далеко послышались голоса, как будто разговаривали два человека. Потом вроде меня несколько раз пнули. Потом вроде на меня обрушилась вода. Это было почти приятно, но где-то очень далеко, и я не захотела просыпаться. Ещё вода, ещё, ещё, но просыпаться совершенно не хотелось — наконец-то я нашла покой в своих золотых коконах. Потом одни из голосов угрюмо произнёс.

— Похоже, Занх, вчера ты перестарался.

Второй голос зло огрызнулся.

— Ничего, пузыри хоть немного, но пускает — значит в чувство приведём.

Неожиданно ко мне устремился новый поток острой боли. Кокон спас меня, хотя сам почти весь буквально почернел, и до меня докатились только отголоски боли. Голос стал озлобленным.

— Сучка... Неужели и правда всё? — и почти сразу же — Что уставился, жалко стало? Ничего, ей всё равно так и так было подыхать.

Первый голос тоже стал злым.

— А что мы теперь скажем?

— А что такого? Сдохла от вчерашних побоев возмущённой толпы. Делов-то.

— Ты что, плохо слышишь или последние мозги потерял? Приказано доставить к следователю-магу! Доставить, не причиняя вреда и вежливо! Вчера она пришла сюда своими ногами, а вот когда следователь увидит, *что* ты с ней сделал, что он сделает с *тобой*?

Воцарилась тишина, затем второй голос ответил уже не так уверенно.

— Что, первый раз, что-ли, заключенные подыхают?

— По приказу — не первый. Но эта сучка видно очень важна, раз ей заинтересовался сам магистр Гаварни, и он может сильно рассердиться, если посчитает, что ты переусердствовал. Чем это может закончиться — рассказать?

Снова установилась тишина.

— Что будем делать?

— Выполнять приказ. Погрузим на телегу, вывезем на свалку и выбросим. А следователю скажем, что сдохла по дороге. И молись всем своим богам, чтобы у него не появилось сомнение — как ты выполняешь свою службу.

Меня подняли и куда-то потащили. Потом бросили на какие-то доски (наверное, в телегу). Потом куда-то долго ехали. Потом меня просто сбросили на землю, я несколько перевернулась, скатываясь куда-то вниз, и телега, поскрипывая колёсами, уехала. Последние силы у меня кончились, и я отключилась окончательно.

Очнулась я рывком, от какого-то странного ощущения. Всё было как в тумане, и я не сразу поняла, что меня кто-то облизывает. С трудом открыла глаза и увидела собаку, больше напоминающую крупного волка. Такая же серая окраска, мощная морда, пасть с огромными клыками. Удобно улёгшись, эта скотина, видимо, решила мной закусить, а для начала стала слизывать «сладкое» — кровь на моём теле, выбирая как раз кровоточащие раны. Да ещё и язык у собаки оказался шершавым, больше похожим на тёрку. После нескольких прикосновений этим ужасным языком кожа вокруг ран начинала неметь. Но собаке показалось мало облизывать меня, и она начала скусывать из ран чуть ли не куски мяса и запёкшуюся кровь. Это было так больно, что если бы у меня были силы, я бы заплакала. Застонав, попыталась отогнать этого людоеда. Подняла руку, попыталась оттолкнуть.

— Да что же ты делаешь, изверг?!

Но рука едва достала до морды собаки и тут же соскользнула на землю. Со стороны это, наверное, можно было принять за ласковое поглаживание. Собака тоже, наверное, поняла моё движение именно так и принялась с ещё более ожесточённо вылизывать меня. О боги, ну за что мне такое?! Видела я подобное в кино — хищник, перед тем как приступить к обеду, часто вылизывает кровь с тела жертвы. Но мой-то почему медлит? Почему не убьёт? Один раз цапнул бы клыками за горло, и все мои мучения прекратились бы в один момент. Он что, хочет съесть меня живой?

Боль, боль, жгучая боль...

Потом меня куда-то волокли по земле, а очнулась я в некоем подобии норы, образовавшейся меж корней вывернутого ветром дерева. Одна рука почему-то вытянута вверх и затекла от неподвижности. Попыталась подтянуть её к себе, но она не слушалась. С трудом дотянулась другой рукой, взяла её, как чужую, и положила вдоль тела. Через несколько минут рука стала «отходить» и по ней побежали болючие мурашки. Противно, слов нет, но одно радует — рука не омертвела, и вроде даже пальцы начали чуть-чуть шевелиться.

Сбоку послышалось негромкое рычание. Чуть скосила глаза и у ног заметила лежащую волко-собаку. Серая, и вроде бы та самая, что вылизывала мою кровь. В душе колыхнулся ужас — она что, притащил меня к себе, чтобы съесть в спокойной обстановке?! Или неё есть маленькие волчата и они будут тренироваться на мне убивать? Сволочь она! Зачем было давать надежду на жизнь, чтобы потом съесть живьём? Собака, будто услышала мои мысли, подошла ближе, и уставилась прямо в глаза. Чувствуя, что долго так продолжаться не может, я прошептала:

— Не мучь меня. Если уж хочешь убить, сделай это быстро.

Собака ещё постояла, словно раздумывая, затем улеглась и приблизила пасть к моему лицу. Я понадеялась на быструю смерть, но вместо клыков на горле почувствовала, как мне

снова начали вылизывать лицо, но на этот раз почти ласково, и я снова отключилась.

Следующий раз я очнулась от какого-то бубнёжа. Кто-то что-то говорил, но слов было не разобрать, только невнятное бу-бу-бу. Неизвестно кто, но явно человек, и может он даже мне поможет. Или хотя бы отгонит собаку. Я попыталась позвать, но в горле пересохло, распухшие губы спеклись, и получилось только простонать. Но меня слышали. Бубнеж стих, послышалось странные шлепки, кто-то появился рядом со мной и невнятно-гундосый голос немного удивлённо протянул.

— Ты глянь, Манча, эта шляпка не сдохла! И даже вроде хочет что-то сказать.

Другой голос ответил.

— Ну не сдохла и не сдохла, какая тебе разница?

— Так интересно же!

— Лучше бы сдохла, хоть наелись бы.

Второй голос звучал равнодушно, даже с лёгким раздражением. Это было дико и не укладывалось в голове. Равнодушие я бы поняла, но вот пожелание смерти — это совсем другое. И сказано было не в шутку — это я почувствовала. Если хочу жить, то рассчитывать надо только на себя. И лежать — прямая дорога в могилу.

Через силу открыла глаза и попыталась осмотреться. Постепенно дошло — я по-прежнему лежу на дне ямы. Рядом со мной какая-то куча тряпья, увенчанная уродливой головой. Постепенно сообразила, что вижу безногого калеку. Лицо... Лицо пропитого бомжа с поправкой на местные особенности. Уродливое, глаза воспалённые, но смотрят вполне бодро и почему-то не на моё лицо, а куда-то в район груди. Невольно сама посмотрела туда и даже слабо удивилась — я была голая. Калека заметил моё движение и довольно улыбнулся.

— Да не дёргайся ты. Всё, что нужно, я уже посмотрел и даже пощупал — заметив мой невольный ужас, осклабился ещё больше — Ничего нового и интересного для себя я не нашёл. Так, обычный кусок мяса, только ещё не приготовленный.

Говорил он с усмешкой, а вот для меня она была ужасна своей пренебрежительностью, что ли. Я вдруг отчётливо поняла, что страх лишиться девичьей чести — это такая мелочь... Что в реальной жизни чужое желание просто поесть (и может даже именно мной) может быть гораздо страшнее. Ужас придал мне сил, и я начала подниматься, пытаюсь отползти от этого чудовища. Из-за калеки послышался голос, который я уже слышала раньше.

— Шнок, хватит пугать девчонку! Не хватало нам ещё крика и истерик. Раз не сдохла, пусть живёт. И отойди от неё, Мисхун начинает сердиться.

Шнок (если это имя, а не просто местное ругательство или название калеки) послушно развернулся и на руках переполз в сторону. Стала понятна и причина шлепков — в руках у него была пара деревяшек, на которые он опирался, рывком перебрасывая тело. Вот задница о землю и шлёпала.

В дальнем углу стали видны маленький костерок и ещё две фигуры — сторбленной старухи и серой собаки, моего кошмара. Некоторое время мы разглядывали друг друга, потом старуха проскрипела.

— Мне плевать на тебя, кем бы ты ни была. Сдохнешь или будешь жить — тоже наплевать. Ну, может не совсем — умрёшь — мы тебя съедим и несколько дней будем сыты. Но Мисхун — она кивнула на собаку — почему-то решил сохранить тебе жизнь и не стал есть, значит всё остальное зависит от тебя.

— Это ваша собака?

— Мисхун? Он ничей. Он сам по себе, но последнее время живёт с нами и помогает искать еду. Иногда он с нами делится, иногда мы с ним. Кому как повезёт.

— И он решает мою судьбу?!

— Все мы своей жизнью решаем ещё чью-то судьбу. В этом мы с ним равны.

— А как вы поняли... — я не знала, как сформулировать вопрос.

— Что он решил оставить тебе жизнь? А что тут понимать? Он вдруг кинулся на дальний край помойки, как будто его кто-то позвал, а когда мы туда добрались, он как раз вылизывал тебя, будто ничего вкуснее в жизни не пробовал, Но нас не подпустил, начал рычать, будто отбивался от целой стаи. Ну, мы особо и не настаивали — наестся, подберём и остатки, мы не гордые. Но Мисхун почему-то решил прибрать тебя подальше — схватил за руку и потащил поближе к лесу. Разумно, если хочешь поесть спокойно. Здесь спрятал в яму, но есть не стал и снова начал вылизывать. Что уж тут непонятного?

Непонятно было всё, но мне пока было не долгих разговоров. Голова кружилась, мучила жажда, и так невеликие силы быстро таяли.

— А почему я... голая?

— А кого тебе стесняться?! — захихикала бабка — Муштин здесь нет, пляться на тебя некому. А Мисхун тебя так вылизывал, так хотел добраться до твоего тела, что одежду просто порвал. Он и сейчас уже дышит неровно — вон, твои раны снова открываются и кровь пошла.

— Он хочет съесть меня понемножку?

— Дура ты — старуха вдруг стала серьёзной — Слюна у него лечебная, а раны он тебе вылизывает, чтобы не началось заражение. Если бы не он, давно бы уже на мясо пустили. Шрамы — это ерунда, хотя бы живой останешься.

Что-то чуть прояснилось, и я тихонечко, стараясь не тревожить вновь заболевшие раны, тихонечко опустилась на землю.

— А можно воды? — из последних сил прошептала я.

Старуха хмыкнула.

— Я тебе что, прислуга или лекарь? — потом покосилась на зарычавшую собаку и добавила уже более мягко — Да ладно, ладно, пару чашек принесу.

Мне хватило половинки грязной чашки с мутной водой, и я снова отключилась.

Снова беспомощность, снова кошмары, но на этот раз «живые», если можно так сказать. В какой-то момент от увиденного меня начало колотить. Не помню подробностей, но что-то очень страшное. Меня трясло всё сильнее, будто вокруг был жуткий мороз. Уловив, что где-то рядом есть тепло, поползла туда. Кто-то зарычал, но мне было безразлично — для меня сейчас было важно только тепло. Подползла к костерку, уцепилась в шерсть собаки, оказавшейся рядом, прижалась к ней и ощутив, как холод начинает покидать меня, блаженно улыбнулась — делайте со мной что хотите, я никуда отсюда не уйду.

Следующий день запомнился только новыми кошмарами, и тем, что мне дали кусочек жаренной крысы и ещё одну чашку воды.

На третий день я даже сумела встать, и отношение ко мне резко изменилось. Собака обнюхала меня, но этим и ограничилась. Старуха подарила тряпье, в которое я закуталась как в плащ, и теперь поглядывала на меня почти как на свою собственность.

— Хватит, милочка, на нашей шее сидеть, пора и самой на кусок хлеба зарабатывать.

Я плохо представляла, где и как я смогу заработать в таком состоянии, но старуха, видимо, уже всё для себя решила.

— Ты сейчас можешь стать самой удачливой попрошайкой — хмыкнула она — Тебе и делать ничего особо не придётся — от одного взгляда на тебя богатенькие не только кусок хлеба, но может даже и денежку дадут. Собирайся, нечего расслаживаться!

А чего мне собираться? Встала и пошла. Тем более, что есть всё равно нечего, а сидеть здесь — какой смысл?

Дорога через свалку заняла не меньше часа. Старуха, калека и я, еле передвигающая ноги — какие уж там рекорды на скорость. Между кучами мусора и гнили иногда попадались тропинки, но я была не в том состоянии, чтобы радостно бегать. Переставлять по очереди ноги, не упасть — и то достижение.

Насколько я поняла, мы двигались по оврагу, отделявшему край города от леса, и отбросы сюда скидывали веками. На выходе со свалки заметила несколько повозок, с которых сбрасывали даже на вид отвратительное нечто. Наверное, и меня вот так же, выкинули как мусор, и я покатила по склону в кучи гнили. И если бы не собака, не нищие, готовые пустить меня на мясо, я бы сейчас валялась там, внизу, среди других разлагающихся тел.

Нет, если хочу остаться живой, то хоть на карачках, но надо отсюда выбираться.

Едва мы вошли в город и дома стали чуть получше, калека заметил кучкующуюся возле местного кабака пьяную кампанию, и сразу направился к ним. Старуха ничего не сказала, только проводила взглядом. Мы снова куда-то шли, но силы у меня быстро кончились, и я шла как в тумане, ориентируясь только на её спину. В какой-то момент остановились на небольшой площади. Какие-то дома, один даже очень большой. У входа с десятков нищих, протягивающих руки к прохожим.

— Может останемся здесь? — осмелилась спросить я.

Старуха присмотрелась.

— У храма Гернады? Нет, здесь и без нас попрошаек хватает. Пойдём дальше.

Ей лучше знать, но у меня ноги уже подгибались от слабости.

— Я не смогу идти.

Старуха окинула взглядом мою покачивающуюся фигуру.

— Оставайся, если хочешь — равнодушно бросила она — Вечером заберу — и, не оглядываясь, ушла.

Стараясь преодолеть головокружение, попыталась собраться с мыслями. Нужно заработать на пропитание. Нужно отлежаться и немного прийти в себя. Нужно, даже выпрашивая хлеб у других нищих. Я сделала несколько шагов, потом случайно заметила в проёме стены сбоку от храма небольшие ворота, из которых как раз выходила цветущего вида девушка, и позавидовала ей чуть ли не чёрной завистью. Вот у неё точно есть всё — и кров, и еда, и любовь, и будущее.

Потом мысли приняли другое направление. Ведь это храм! Не знаю, как принято здесь, но на Земле монастыри иногда принимали людей, оказавшихся в тяжелом положении. Может хоть здесь мне повезёт? Хоть на несколько дней, хоть на одну ночь, хоть немного отлежаться, хоть немного прийти в себя...

Подойдя к воротам, я несколько раз стукнула висевшим там молотком. Не сразу, но дверь открылась. Без всякого наигрыша, просто потому, что силы кончались, опустилась на колени и склонила голову.

— Милости прошу, крова и пропитания.

Мне долго никто не отвечал, будто меня внимательно рассматривали, но, наконец,

женский голос произнёс:

— Признаёшь ли ты Гернаду — богиню нашу, мать-воительницу?

Сейчас я была готова признать кого и что угодно, поэтому послушно подтвердила:

— Признаю.

— Готова ли ты выполнять распоряжения сестёр — её жриц?

— Готова — послушно повторила я.

Снова продолжительное молчание, но, наконец, я услышала такое желанное для меня слово:

— Проходи.

Мы прошли под аркой, потом по внутреннему двору и остановились перед входом в одно из зданий. Монашка, или вернее «сестра», зашла внутрь и вскоре вернулась, почтительно пропуская вперёд ещё одну женщину. Достаточно было одного взгляда, чтобы понять — эта — начальница. Слишком уж уверенный взгляд, выражение лица чуть спесивое. Женщина в расцвете лет, с упругой походкой, но она мне почему-то сразу не понравилась. Слишком уж властная, что ли. Стараясь не смотреть ей в лицо, я снова опустила голову, но теперь почему-то бросилась в глаза особенность одежды обеих женщин. Внешне — вполне обычная одежда монашек — что-то типа рясы из хорошего материала, без капюшона. А вот юбка почему-то двойная (как бы из двух половинок) с нахлёстом вперёд. При ходьбе они чуть распахивались, показывая на время брюки-штаны, короткие сапожки. Странные выверты женских мозгов — сейчас, можно сказать, решается моя судьба, а я думаю о нюансах чужой одежды.

Начальница некоторое время молча рассматривала меня, потом коротко бросила:

— Подними голову.

Шею заломило, как будто кто невидимый, но сильный, схватил меня за подбородок и потянул вверх. Вот это мне совершенно не понравилось. Вспыхнувшее чувство противоречия помогло не поддаться на властность, которой был наполнен голос, и голову я поднимала очень-очень медленно. У начальницы мое сопротивление вызвало только лёгкую усмешку. Всмотрелась в меня, даже чуть отвела волосы у меня со лба. Помолчала, о чём-то раздумывая.

— Будешь обращаться ко мне «госпожа настоятельница» — Потом приказала второй монашке — Отведи её на хозяйственный двор, пусть помоется. Позови к ней сестру Лирину.

Меня провели через двор, один, другой проход между домами, потом шли вдоль какой-то стены метров пяти высотой. Наконец пришли в большое пустое помещение, где стояли несколько рядов скамеек, тазики. Монашка ненадолго отлучилась и вернулась с двумя ведрами. Смешала в тазике воду, положила на скамейку кусок мыла и что-то типа губки.

— Мойся. Тряпьё брось в углу — и ушла.

Минут пять я просто сидела, собираясь с силами. Потом разделась. Смешно об этом говорить — просто перестала держать на груди свою хламиду, и она сползла плеч. А больше на мне ничего и не было. Осторожно коснулась воды — горяченькая. Зачерпнула в ладошки, склонилась, коснулась лица и даже замерла. Лицо было чужим. Вернее, оно было родным, но... Меня никогда в жизни не били. И я не представляла — как это — разбитые, опухшие губы, глаза. Волосы на голове слиплись от запекшейся крови. На всякий случай, чтобы не занести заразу, на несколько раз вымыла руки. Смешно, конечно, беспокоиться об этом после нескольких дней на помойке и вылизывания собакой, которая ела перед этим непонятно что. Но всё-таки хоть какая-то элементарная осторожность не помешает.

Осмотрела себя, насколько возможно. Надо отдать должное тюремщику — он был специалистом своего дела. Бил больно, до моих судорог, но грудь и живот почти не пострадали. Были синяки, ссадины, кровоподтёки, но к ним я отнеслась равнодушно. Больше всего досталось спине. Этого я не видела, но чувствовала болью при каждом движении. Наверное, я выглядела так, словно меня со спины обхватила ядовитая сороконожка. Несколько рубцов багровели на бёдрах, но это уже мелочи.

Морщась и постанывая, стала потихонечку отмывать себя мокрой губкой. Очень осторожно и очень потихонечку. Смыла грязь с груди, живота, ног и на этом мои силы кончились. Да и какой смысл упираться? До спины не дотянуться, да и болит там всё. Волосы на голове, наверное, проще обстричь, чем пытаться промыть. Беспокоил запах помойки, который здесь, в чистом помещении, стал ощущаться особенно сильно, но что с ним поделаешь? Через месяц раны заживут, тогда и помоюсь по-настоящему.

Делать было нечего, только ждать неизвестно чего и я снова уселась на скамью и стала ладошкой тихонько поливать себя водой. Толку для чистоты никакого, но всё равно приятно. За этим меня и застали две вошедшие женщины. Одна — привратница, другая — средних лет, круглолицая, с короткой прической. Эта поманила меня на свободное место, а когда я подошла, несколько раз обошла вокруг, разглядывая с головы до ног. Неожиданно показала пальцем куда-то в область моего лобка.

— Что это?

Я в недоумении опустила голову.

— Что именно?

Женщина уже ткнула пальцем.

— Вот это!

Ах, это... Интимная прическа, которую я, поддавшись моде, сделала незадолго до того, как меня «обняла» молния. Глупость, которая когда-то, очень давно, в прошлой жизни, казалась мне очень важной.

— Думала, что будет красиво.

Женщина хмыкнула.

— До чего только не додумаются в погоне за... — она вдруг стала серьёзной — Ты уже познала мужчину?

Вопрос идиотский, совершенно неуместный, но ни хвалиться, ни стыдиться мне было нечего. Может, ещё не встретила своего парня, может, воспитали меня старомодно, но до банального переписа я ещё не опустилась. Обругать бы эту тетку, но я сейчас не в том положении, чтобы выказывать гонор. Поэтому ответила коротко:

— Нет.

Почему-то ответ женщину устроил. Она снова обошла вокруг меня, осторожно касаясь моих ран, ощупала голову, заставила сжимать-разжимать пальцы, сгибать-разгибать руки-ноги. Затем достала из ящичка, который принесла с собой, несколько склянок, приготовила палочку с тампоном, и стала мазать меня остро пахнущей жидкостью, напоминающей йод. Через несколько минут всё тело (во всяком случае, его видимая часть) стало желто-коричневого цвета. Мелкие ранки щипало, но терпимо. Большие раны женщина стала смазывать уже чем-то вроде синеватого желе. Он почти не пах, но действовал наподобие анестезии. Во всяком случае, боль быстро затихала, и появилось чувство холода. Странная смесь ощущений — жжение и холод одновременно. Пока я прислушивалась к себе, женщина протянула мне что-то вроде большого одеяла.

— Укройся. На первых порах одежда тебе не понадобится.

Я невольно насторожилась, но всё оказалось гораздо проще. Меня отвели в соседний дом, в отдельную келью (если можно так сказать). Комнатушка два на два метра, топчан с тоненьким матрасиком, тощая подушка, табуретка. Вместо двери — проем, занавешенный куском ткани, небольшое окно без всяких признаков стекла.

Женщина указала на топчан.

— Отдыхай. Еду тебе принесут.

Я «поплыла» едва только голова коснулась подушки. Успела подумать, что если выживу, обязательно помолюсь и поблагодарю неведомую Гернаду за свою жизнь. И попрошу за ту собаку, что спасла меня на помойке. Жизнь у меня получается не очень весёлая, но она всё-таки моя. И жить всё-таки хочется...

Целых пять дней я наслаждалась тишиной и покоем. Меня никто не трогал и не беспокоил. Утром и вечером приносили тарелки с едой и кувшинчик с водой. Утром приходила Лирина (видимо, местный доктор), осматривала меня, мазала своими снадобьями, поила непонятными настойками. И всё это молча. Но я не возражала. Состояние было странным, как при очень высокой температуре. Вроде всё видишь, всё понимаешь, но постоянно тянет прилечь. Вроде и глаза не закрывала, а день прошёл. Только голову на подушку опустила, а уже утро. В коридоре временами кто-то ходил, но разговаривали чуть слышно и меня никто не беспокоил.

Как только в окружающий мир начали возвращаться краски, и появилось желание выйти погулять, Лирина это сразу заметила. Ненадолго ушла и вернулась с платьем для меня — очередной вариацией мешка с прорезью для головы, но уже с рукавами и пояском. Внимательно наблюдала, как я одеваюсь, затем коротко бросила:

— Пошли.

Лирина привела меня на площадку между домами и вручила метлу чуть ли не с меня ростом.

— Мети — и ушла, больше ничего не объясняя.

Вот уж действительно, как в армейском анекдоте: «Отсюда и до обеда». Никто не стоял над душой, не говорил что, куда, как, но и команды «Можешь бездельничать» никто не давал. Поэтому я, не торопясь, с перерывами на отдых начала вжикать по булыжникам, которыми был вымощен двор. Мусора оказалась не так много, но пару кучек я всё-таки собрала. Подумав, сходила в подсобку, нашла совочек, ведро, ссыпала в него мусор. Куда выкидывать — непонятно, и я оставила его у входа в «свой» дом.

Роль дворника позволяла спокойно осмотреться, и я не слишком огорчилась от такой работы. Хотя, особо-то смотреть было не на что. Первое, что удивило — малолюдые. За всё время, что я мела, заметила всего с десяток женщин, идущих по своим делам. С одной стороны двора тянулась стена метра четыре высотой. С другой — пять одноэтажных барачков без особой отделки. Территория храма делилась на три неравных части — собственно храм, жилая часть и хозяйственная. Жилая была отделена внутренней стеной и туда имели право заходить только «сёстры». Такие, как я, приبلуды, могли зайти туда только по прямому приказу. Ну а хоздвор, отделённый от улицы ещё одной стеной — самое обычное скопище складов, кухни, бани, мастерских. Столовая тоже была здесь. Большой зал, чуть ли не на пару сотен народа, но я никогда не видела больше полусотни за раз. Да и кормили нас отдельно. Часов я здесь не видела, а на кормежку созывал колокол. Один удар — для сестёр. Два — для таких как я — десятка молодых женщин в мешковатой одежде прислуги. Возраст от двадцати до тридцати лет. И каждая пережила какую-то трагедию. Никто не разговаривал, отгородившись от остальных стеной отчуждения. В первые дни я ещё пыталась что-то спросить, узнать, но на меня смотрели как на врага. Не потому, что я что-то сделала, а потому что в каждой плескалась боль, и они ни с кем не хотели ею делиться. У семерых глаза были потухшие, а вот у троих частенько к боли добавлялась ожесточенность, словно они мечтали о чьей-то смерти. С этими было ещё неприятнее, будто сама становишься

невольным соучастником будущего убийства. Поэтому по вечерам в нашей «общаге» было тихо. Никаких разговоров, никаких шептаний «по секрету». Первое время это меня устраивало, но потом стало тяготить.

Раны почти зажили, появилось немного силёнок, и я начала потихоньку «подниматься по карьерной лестнице». Сначала доверили глажку белья, а потом и стирку. По идее, сёстры всё должны были делать сами, но в любом большом хозяйстве всегда найдутся «ничьи» работы, которые никто не захочет делать без прямого указания. Постирать-погладить всякие там шторы, кухонные полотенца, и всякую подобную мелочь. Подмести, помыть полы. Может нам поручали эти работы, чтобы занять хоть чем-то, может для того, чтобы отработывали свой хлеб. Не знаю. Местный «завхоз» — сестра Дэри командовала нами без криков. Да и зачем? Никто не грозился выгнать за лень, но это было понятно и без слов. Я пока не была готова вернуться в мир за стенами храма, поэтому и пахала в меру своих сил, стараясь всё делать быстро и без халтуры. Через некоторое время мне даже доверили работу на кухне. На подхвате, разумеется. Почистить корнеплоды (типа нашей картошки), перемыть посуду, накрыть столы. Варкой занимались пожилые сестры, и если бы не характерная одежда, то они ничем не отличались бы от обычных поварих.

Здесь же я увидела и остальных сестер. Приходили они не то, чтобы строем, но очень организованно. Единая форма одежды, и о статусе можно было судить разве что по качеству ткани и её оттенкам. Что на первых порах удивляло — почти полное отсутствие пожилых женщин. Старше сорока — единицы, а в основном до тридцати лет. Всех цветов кожи, но все подтянутые, с упругим шагом спортсменок. Никакой кротости во взглядах и в помине не было. Очень странные монашки, но может таковы местные представления о служении богам? Со мной ни одна не разговаривала, но, судя по взглядам, оценивали очень внимательно, и оценка была очень и очень невысокой. Не очень приятно, что тебя считают зачуханной фуфыркой, но я не обижалась — я только-только начала приходить в себя, да и в подружки к сёстрам не напрашивалась. Не нравлюсь? Так я многим не нравилась и на Земле и здесь, что ж мне теперь, вешаться из-за этого?

Пока же меня вполне устраивала простая посильная работа, которую поручала сестра Дэри. Руки заняты, а думать можно о чем угодно. Первое время мысли и воспоминания были очень нехорошими, обидными, болючими. Я всё пыталась понять — кто и в чём виноват, в чём *моя* вина, что всё так обернулось. Но сколько ни копалась, так ничего и не решила. Молния виновата? Порыв ветра, заставивший меня жить дальше? Я сама из-за своей глупости? Кто?!

Когда заниматься самокопанием немного надоело, решила послушаться совета из какой-то умной книжки. Суть простая — чтобы успокоить душу, очистить себя, совсем не обязательно сидеть в красивой позе и петь мантры. Любая монотонная работа помогает войти в состояние транса и надо лишь чуть-чуть помочь себе. Вот этим я и занялась. Чистишь местную картошку, и мысленно представляешь, что счищаешь с себя грязь. Занялась стиркой, мылишь руки — снова представляешь, что смываешь с себя страх и боль. Не знаю, мои «медитации» помогали или просто физическая работа отвлекала от глупых мыслей, но постепенно в душе стало не так черно.

Когда сестра Дэри сказала отнести стопку глаженного белья в жилую зону, я не особо-то и взволновалась. Надо так надо, делов-то. И лишь когда в сопровождении сестры Дэри попала за забор, поняла, что это поручение — не просто так.

Первое впечатление было шоком. Насколько уныло и голо было в хозяйственной зоне,

настолько уютно было в жилой. Чистенькие домики, сплошные цветники и рожицы. Среди деревьев на нескольких площадках сёстры, выстроившись рядами, исполняли странный тягучий танец с медленными плавными движениями.

Дэри заметила моё любопытство и остановилась, как бы разрешая посмотреть побольше.

— Интересно?

Я неопределённо пожала плечами.

— А что они делают?

Дэри странно посмотрела на меня и многозначительно произнесла.

— Они готовятся исполнять волю Гернады.

Я чуть не лягнула — танцевать что ли? И тут уловила в движениях что-то знакомое — так ведь это похоже на наше у-шу! Плавность и мягкость нужны чтобы лучше прочувствовать своё тело, движения. А при быстром исполнении они могут стать смертельными. И Гернада — мать-воительница, вспомнила я. Значит храм может оказаться аналогом нашего Шаолиня, а почитательницы богини — местными боевиками. Только чьи приказы они будут выполнять на самом деле? Кого здесь считают «голосом» богини? Или эту волю каждая должна слышать сама и исполнить её в меру своего разума? Невольно вспомнились девушки с горящими яростью глазами. Вот этим объяснять ничего не надо, достаточно лишь чуть натаскать в искусстве убивать и указать цель. Не для этого ли нас здесь и держат? Неужели и мне предстоит стать такой? И надо ли мне это самой?

Дэри наблюдала за мной, но, видимо, моя задумчивость и серьёзность были не той реакцией, на которую она рассчитывала. Убрав улыбку, коротко бросила:

— У тебя ещё всё впереди. Ты сама к этому придёшь...

Одной из моих новых обязанностей стала ежедневная вечерняя уборка в главном зале храма Гернады. В моём понимании, этим однозначно должны были заниматься сами сестры, но по каким-то причинам это поручали в первую очередь нам, нашедшим приют в храме. Около восьми вечера храм закрывали для посетителей, и наступало время уборки. И зал вроде небольшой — метров тридцать на сорок, и почти пустой, за исключением пятиметровой статуи матери-воительницы, и делов-то вроде немного — помыть пол, но вскоре выяснился один не очень приятный момент. Стены были сложены из блоков гранита, а вот пол почему-то выложили из молочно-белых полированных плит странного материала, напоминающего мрамор. И даже при местной кожаной обуви посетители умудрялись оставлять на полу грязные полосы, куски мусора и прочее неприятно пахнущее дерьмо. Приходилось ручками, на карачках, оттирать каждое пятнышко. Но и это ещё не всё. По какой-то непонятной прихоти строителей плиты пола были сделаны прямоугольными, но с небольшими фасками по краям. Из-за этого на стыках плит образовались канавки, в которых скапливался мусор. Поэтому перед мытьём полов необходимо было сначала специальной кисточкой вымести мусор из канавок, собрать его маленьким совочком, а мусор сложить в отдельное ведро. Потом вымыть пол влажной тряпкой и снова почистить канавки от возможно попавшего туда мусора. Как ни пыталась, но понять причины такого устройства полов и такого отношения к мусору я не могла. Что, нельзя было сделать плиты ровными, а стыки без канавок? Судя по качеству полировки и идеальной подгонке плит — без проблем. Так зачем эти сложности? Может это имеет какой-то религиозный смысл? У меня несколько раз даже промелькивало нехорошее подозрение, что первоначальное предназначение этих «желобков» — сбор крови жертв, которых убивали прямо в этом зале.

Один раз даже захотелось вылить воду из ведра на пол и посмотреть, куда она потечёт. Но при одной мысли, что мои предположения окажутся верными и вода потечёт к статуе, мне чуть не стало плохо. Но если не проверять, а только предположить, то это могло хоть как-то объяснить маниакальное стремление к чистоте пола, а особенно желобков. Во всяком случае, выносить ведро с собранным мусором мне не доверяли. Куда девали, как использовали — неизвестно, а спрашивать открыто я пока побаивалась.

Вот и сегодня взяла ведро с водой, тряпку, ведёрко и кисточку для мусора. Работа нудная, но делать всё равно придётся. Ещё бы здоровье не подвело. Вроде я уже немного оправилась от побоев, но после обеда меня начало лихорадить. Температуры нет, но всё внутри дрожит от слабости, мутит, голова кружится, разболелся низ живота и поясница. Была бы дома — просто легла в укромном уголке и постаралась отлежаться. Но здесь — «не дома», и кусок хлеба надо отрабатывать, не ища оправданий и не надеясь на послабления.

Сегодня мытьё полов у меня получалось плохо. Вместо планомерной уборки полосами я ползала как дурная муха по стеклу — без цели и смысла, лишь бы не останавливаться. В голове мутилось, пот тёк по всему телу чуть ли не ручьями. Несколько раз пришлось даже садиться, чтобы не ткнуться носом в пол.

Когда над головой раздался голос, я уже ничего не соображала. С трудом поняла, что это настоятельница и она в страшном гневе, хотя причину я поняла не сразу. Только через некоторое время разобрала что-то о святотатстве, о подлой крови. Потом настоятельница чуть не ткнула меня носом в какие-то тёмные пятна и разводы на полу. Что ей от меня надо? Снова посмотрела на пол — вроде похоже на следы крови. Откуда она здесь? Похолодев от внезапной догадки, опустила взгляд на собственное платье и чуть не грохнулась в настоящий обморок — платье было в тёмных разводах пота, а на подоле к этому добавились ещё и красные пятна. Неужели, как всегда не вовремя, начались месячные? А я, вся мокрая от пота, то и дело присаживаясь от слабости, своим подолом это всё и устроила? Стыдоба конечно, но я-то чем виновата? Стараясь не упасть, постаралась выпрямиться и твёрдо смотреть в глаза настоятельницы.

— И нечего на меня орать — еле прошептала я — Кроме этого платья у меня больше ничего нет, даже нижнего белья. От работы никто не освобождал. Так в чём моя вина?

Настоятельница заткнулась, гнев постепенно сменился холодной яростью. Громко хлопнула два раза в ладоши и приказала прибежавшей служанке привести сестру-хозяйку. Когда старая карга явилась, то сразу поняла причину вызова. В неприятворном ужасе подняла глаза вверх, сложила молитвенно руки и что-то торопливо забормотала извиняющимся голосом. Закончив, уже деловито обратилась к настоятельнице.

— Примерно наказать? Палками? Плетьюми?

Настоятельница зло поджала губы.

— Для начала отведи её к себе, вымой, дай новое платье и бельё. Это платье — она скривилась — пусть оставит себе на тряпки. А потом — в глазах её снова заплескалась ярость — приведи её сюда, дай свежей воды, тряпок и пусть до утра смывает свой позор. И если утром я обнаружу хоть капельку, хоть пятнышко, хоть намёк на них...

Стараясь не скатиться на угрозы, она резко повернулась и ушла. Наверное, надо было испугаться, но мне было всё равно. Дэри оценила моё состояние, молчком схватила за руку и потащила за собой. На заднем дворе раздела меня, не спрашивая разрешения, и несколько раз просто окатила из ведра колодезной водой. Шок от холодной воды помог немного прийти в себя, и я уже самостоятельно сполоснулась из ведра, смывая с себя пот и потёки

крови.

В качестве «нового» получила старое застиранное платье какой-то жрицы. А «бельём» оказались панталоны из грубой ткани с завязками на поясе и на бёдрах. Ужас, конечно, но я здесь и этого не имела. К тому же, они позволяли хоть как-то решить мои женские проблемы.

На этом доброта кастелянши закончилась. Самолично набрала пару вёдер с чистой водой, бросила туда «чистые» тряпки и погнала меня в храм. Уже у входа нехорошо улыбнулась.

— Даже и не думай до утра выйти из храма. И если настоятельница обнаружит хотя бы... — она оборвала себя — Ну ты сама слышала.

Естественно, упираться с уборкой я не стала. Наверное, с час просто сидела, привалившись к стене и пытаюсь прийти в себя. Умывалась холодной водой из ведра и снова сидела. Почувствовав себя немного лучше, прошлась по залу, стирая подозрительные пятна и разводы. Их, кстати, оказалось не так уж и много. Конечно, на белых плитах они выделялись, но не настолько, чтобы устраивать скандал и обвинять во всех смертных греха. Скорее у настоятельницы было плохое настроение, и она искала повод придрататься. А может она и в самом деле привыкла к идеальной чистоте, поэтому и устроила скандал. Да и чёрт с ней.

Закончив с уборкой, побродила по залу, но у стен было как-то неудобно и в я устроилась прямо в центре зала. Посидела немного в тишине, но теперь стал беспокоить взгляд статуи. Красивая статуя, необычная. Женщина, в опущенной левой руке держит нечто вроде ножен с мечом. Правая рука чуть протянута вперёд, но выглядело это так, будто она ещё не решила — то ли приласкать, успокоить обратившегося к ней, то ли схватиться за рукоять меча и уничтожить его. Разрез глаз немного непривычный. Линия носа почему-то заканчивается не на переносице, а чуть ли не на сантиметр выше (если мерить по мне). Но это точно не уродство — слишком уж естественно это выглядит. И я вроде где-то когда-то видела это и на Земле, в каком-то музее. Ещё бы вспомнить, в каком. Но выражение лица богини мне не нравилось. Будто сердится на меня. Можно было списать это на разыгравшееся воображение, но лицо богини становилось всё более строгим, будто она ждала от меня чего-то. Не выдержав, подошла поближе к статуе и чуть поклонилась.

— Ну, извини. Сама знаешь, моей вины нет. Сознательной, во всяком случае.

Лицо богини было по-прежнему строгим. Посомневавшись, подошла к основанию статуи, куда почитатели, пришедшие с просьбами, складывали свои дары. Наверное, и мне надо бы что-то оставить. Заметив среди кучи всякого барахла небольшой ножик, взяла его и поднесла к руке.

— Прости меня, Гернада, за невольную обиду. Сама знаешь, что у меня ничего нет, кроме собственного тела. Так прими хотя бы кровь мою в качестве искупительной жертвы.

Чиркнула ножичком по руке и поднесла руку к статуе. Ножичек оказался неожиданно острым, рана получилась глубокой, и кровь чуть ли струйкой побежала по руке и закапала на камень. И тут только до меня дошла нелепость того, что я делаю — измазала кровью пол и тут же в качестве извинения заливаю кровью статую.

Но случилось что-то странное. То ли камень оказался невероятно пористым, то ли ещё что, но капли крови, падая на статую, почти мгновенно впитывались, не оставляя следа. Как зачарованная я смотрела на это чудо, и только когда меня снова качнуло от слабости, и закружилась голова, опомнилась и зажала рану.

— Прости, Гернада, это всё, что я могу тебе дать.

Подняла голову и решила, что у меня уже совсем едет крыша — статуя улыбалась. Торопливо опустив голову, начала бубнить себе под нос.

— Мне это показалось, мне это показалось. Этого просто не может быть!

И тут перед самым моим носом, чуть звякнув, на пол упал символ богини — восьмиконечная звезда с чередующимися чёрно-белыми лучами. Сердце у меня ухнула даже не в пятки — куда-то гораздо дальше. Дело в том, что на руке статуи по обычаю храма висели на верёвочках символы богини (звёзды). Любой, желающий выразить почтение богине и стать её последователем, мог взять такой символ. Но там были только простые деревянные, покрашенные дешевой краской. А вот тот, что упал передо мной, больше напоминал орден — из желтого металла, покрытого белой и чёрной эмалью. И когда я осторожно взяла его, он был тёплым, как будто его только что держала совсем другая рука. Тепло от медальона волной пробежало по телу, и буквально на глазах рана на руке стала затягиваться.

Можно быть каким угодно атеистом, не верить ни в бога, ни в чёрта, но когда происходит такое... Это что — знак, намёк, случайность? Зачем я богине — маленькая, слабая и незащищенная? Кого защищать и о ком заботиться, если я саму себя защитить не могу? Но и отказываться от медальона в данной ситуации было бы откровенной глупостью и неуважением. Стараясь не впасть в панику, надела медальон на шею и склонилась ещё ниже. Если это не чья-то глупая шутка, то... в словах надо быть очень осторожной.

— Благодарю тебя, Гернада. Не знаю, чем и как я смогу служить тебе, но если это будет в моих силах, я сделаю это!

Не разгибаясь, отползла назад, и только на середине зала ощущение присутствия чьей-то невероятной силы исчезло. Осторожно разогнулась и вздрогнула — передо мной снова была просто статуя женщины, смотрящей вдаль.

Успокоиться удалось не сразу — слишком уж невероятным было произошедшее. Если исчезающую кровь можно объяснить необычными свойствами камня, улыбку богини — игрой воображения, то как объяснить медальон? Я сняла его с шеи, внимательно осмотрела. Мягкий чёрный шнурок для ношения, словно сплетённый из металлических нитей. Сам медальон — восемь лучей, поочерёдно чёрные и белые, но белые более длинные. В середине большой сверкающий красный камень, который должен символизировать кровь. По легендам, которые мне рассказали в первые дни, это символизирует сущность матери-воительницы. Белые — дарует жизнь, чёрные — отнимает. Проливает свою кровь — дарует новую жизнь, проливает чужую — всё равно это делается для сохранения жизни потомков. И никто не вправе осуждать её. Только она сама может знать значение и смысл своих поступков.

Но почему мне достался этот медальон? Что пролила свою кровь не жалея? Что убивала одних, невольно спасая жизни других? Или потому что пыталась помочь тому мальчику, запертому в собственной голове? Что такого я могла сделать, что привлекла внимание богини? Вот уж точно, смысл решения богини может знать только сама богиня. И что мне теперь с медальоном делать? Ну, уж точно не выбрасывать. И богиня обидится, да и понравился он мне очень сильно. Наверное, и моя жизнь такая — чёрное, белое и кровь. Одна надежда, что и мои поступки кому-то помогут в жизни.

Вздыхнув, снова надела медальон, и первый раз за долгое время ощутила в душе спокойствие. Сразу навалилась усталость, потянуло в сон, но улечься прямо на глазах у богини я уже не решилась. Посидела немного с закрытыми глазами и стала мягко

проваливаться в странное забытие. Всё вокруг как бы становилось туманным, расплывчатым и вдруг из дальнего угла зала неожиданно потянуло смертью. Старой, случившейся очень давно, но от этого не менее страшной и ужасной. Бешено заколотилось сердце, сон сразу отлетел. Несколько минут вглядывалась в подозрительный угол, но как-то только голова прояснилась, ощущение смерти сразу исчезло. Угол и угол, ничего особенного.

Посидела немного, успокоилась. Но только расслабилась, снова начала засыпать, как вдоль одной из стен пробежало что-то тёмное. Сердце вообще чуть не выпрыгнуло. Вскочила, схватила светильник со стены, готовая защищать свою жизнь, но вокруг опять всё было спокойно. Да что же здесь творится?! Схожу с ума? Но тогда почему это проявляется только когда я начинаю засыпать, и сразу исчезает, как только я прихожу в себя?! Или моя сонливость — какая-то разновидность транса? Может не стоит этого бояться, а следует принять, увидеть то, что богиня захочет мне показать? Ведь не может быть, чтобы здесь что-то происходило без её воли!

Решившись, снова уселась, расслабилась и пообещала себе, что орать и вздрагивать не буду. Результат проявился довольно скоро. Снова стали чудиться какие-то тени, невнятные голоса что-то рассказывали мне на незнакомых языках, на стенах в разных местах время от времени появлялись сложные разноцветные узоры и надписи. Временами было очень страшно, но я терпела, стараясь не заорать и не вывалиться из непонятного транса. Что бы это ни было, но это теперь моё и пока не разберусь, легче и спокойнее мне не станет.

Утром настоятельница выглядела довольной, разглядывая меня. Я её понимала — после такой потери крови, после суток без сна, после всех кошмаров, которые мне мерещились, вряд ли я выглядела счастливой красавицей. Настоятельница коротко бросила.

— Надеюсь, теперь ты начнешь думать о последствиях своих поступков. Неделю будешь получать только хлеб и воду. А после завтрака сразу принимайся за стирку, бездельников в храме держать не будут.

Я только молча склонила голову — а что скажешь? Я ещё не готова сбежать отсюда...

Следующие дни были по-настоящему тяжёлыми. Меня и в самом деле «посадили» на хлеб и воду. Вроде ерунда, некое подобие поста, но работать приходилось без всяких поблажек, и дня через три я уже еле таскала ноги. Да ещё настоятельница взяла моду наблюдать за мной. Хотя бы пару раз в день замечала её недалеко от себя. Встанет и смотрит, смотрит. Получала удовольствие? Но лицо спокойное, не злорадное. Чего-то ждёт? Чего? Что я сорвусь, начну истерить, показывать характер? Не дождётся! Для меня сейчас гораздо важнее было выздороветь, прийти в себя. Раны на спине почти зажили и лишь иногда давали знать о себе ноющей болью. А ещё по ночам начали мучить кошмары. Ничего конкретного, но по утрам я просыпалась совершенно разбитая. И непонятно кого винить — то ли это последствие общения с богиней, то ли мои собственные страхи так проявляются, то ли ещё что. И что теперь делать? Жаловаться, молиться кому-то, просить у Лирины успокоительное и снотворное? Я не понимала, что со мной происходит, и несколько раз я еле сдержалась, чтобы не начать орать на окружающих. Но настоятельница этого не дождётся!

В один из вечеров Дэри позвала меня с собой. Привела в жилую зону, к стоящему отдельно от остальных домику. Внутри меня ждали настоятельница и какая-то старуха, сидящая в глубоком кресле. Её, кстати, я до этого ни разу не видела. Встала посреди комнаты, где мне сказали, и по привычке опустила голову, чтобы ни с кем не встречаться взглядом.

— Это та девочка, о которой я говорила — негромко сказала настоятельница — Как боец совершенно бесполезна, но внутри что-то есть, а что именно — я понять не могу.

Старуха рассматривала меня, чуть прикрыв глаза. Она не шевелилось, но у меня вдруг появилось ощущение, что на голове в волосах словно зашевелились какие-то мелкие твари, оставляя на коже ощущение холодного зуда. Потом это пропало. После некоторого молчания старуха чуть улыбнулась и чуть повернула голову к настоятельнице.

— Неплохая девка. Дар очень странный, слабенький, но это не страшно. Подучить когда говорить и что, и вполне может стать неплохой пророчицей. А родит, может и ещё что откроется.

Настоятельница перевела на меня задумчивый взгляд.

— Неплохо. Надо подумать о её судьбе.

Говорилось всё это спокойно, даже равнодушно, будто речь шла не о судьбе живого человека, а о какой-то вещи. Да и слова о родах прозвучали как о чём-то само собой разумеющемся.

— Я не собираюсь рожать! В ближайшее время — это точно!

Старуха с усмешкой смотрела на меня.

— В этом нет ничего страшного. Тебе разве не рассказали, что настоящей жрицей может стать только рожавшая женщина? Сёстры у нас знающие, всё тебе расскажут и объяснят. Есть у нас и опытные мужчины, которые помогут тебе обрести единение с богиней.

Старуха хихикнула и снова вгляделась в меня.

— Как раз через неделю и срок подходящий будет. А начнёшь брыкаться — в голосе послышалась угроза — то просто растянут на кровати, и всё будет сделано уже без твоего удовольствия. Ребёнка потом пристроим, а ты начнёшь служить богине в полную силу.

У меня всё оборвалось — это не шутка и не пустая угроза. Повернулась к настоятельнице, но та смотрела на меня совсем не добро.

— Кусок хлеба придётся отрабатывать. А для строптивых у нас есть и карцер, и розги. Есть и плети — с намеком добавила она.

В первый раз мне захотелось сделать с ней что-нибудь плохое. Но я уже усвоила, что выказывать характер не всегда полезно для здоровья. Сказать, что у меня и так есть способности? Только обрадуются, и с ещё большей радостью используют метод «мужика и родов». Показать знак богини? А если просто отберут, заставив добиваться его «как все»? Мысли метались, но я смолчала, привычно склонив голову. Надо подумать.

Старуха вдруг захекала, изображая смех.

— А девочка ещё и не дура — одобрительно улыбнулась она — Внутри всё бурлит, но сдерживает себя. И огонёк внутри вон какой яркий стал! Будет из неё толк, будет! Надо только почаще злить её — неожиданно закончила она.

Я вскинула голову, готовясь сделать непонятно что, но старуха вдруг участливо спросила:

— Кошмары, поди, по ночам замучили?

Я невольно кивнула.

— Ничего, научу тебя всему. И как их понимать, и как от них защищаться. И многому другому. Ещё не раз потом спасибо скажешь — она устало прикрыла глаза и чуть махнула рукой — Иди уж, ещё успеем наговориться...

Вернувшись к себе, устало опустилась на топчан и долго сидела, тупо уставившись в

стену. Слишком много неожиданного. Через некоторое время мысли немного успокоились, и я попыталась разобраться в своих чувствах. С формальной точки зрения — всё складывается просто идеально. Я стану жрицей, получу кров, еду и защиту. Меня научат обращаться с моим даром. Я стану «своей» в этом мире. В идеале — тоже какой-нибудь настоятельницей. А какие минусы? Сущая мелочь — раздвигать ноги перед первым встречным, на кого укажут, рожать непонятно от кого, а потом всю жизнь мучиться мыслями о брошенном ребёнке. И неизвестно, какие ещё секреты сестёр откроются со временем. Кто даст гарантии, что они не устраивают групповые оргии для поддержания своей силы? Или что рожать придётся каждые три-пять лет? Я прислушалась к себе, и вдруг ощутила отчаянное неприятие таких порядков. Реальных или выдуманных, уже роли не играет. Я так жить не хочу! Пусть я лучше буду голодать, спать на земле, но это будет *мой* выбор!

Сразу стало легче на душе. Правда, было немного неудобно перед Гернадой, и я даже повернула голову в ту сторону, где стоял храм. Прислушалась, но ответом были только обычные ночные звуки. Тогда я попыталась придумать себе оправдание — ведь богиня подарила мне свой знак, хотя я и не рожала и ещё не сделала ничего особенного. Может она ждёт от меня чего-то в будущем? Понять бы ещё, чего. Но в храме я не останусь, однозначно. Пусть думает что хочет, пусть убьёт, но не останусь. И я честно сказала, что сделаю всё, что в моих силах. А жить в храме по местным порядкам — выше моих сил.

Успокоив совесть, стала решать, что же делать дальше. Самое логичное — сбежать, и чем быстрее, тем лучше. Но ведь я не первая такая умная в этом храме. Скорее всего, от меня и ждут побега именно этой ночью. И уже приготовили и ловушки, и карцер, и... плети. Значит нужно подождать. Сколько? Старуха намекнула, что за меня возьмутся через неделю. Ждать этого срока и уж в последний момент? А кто мне скажет или хотя бы намекнёт, что этот момент близок? Вполне может статься, что я узнаю об этом только когда меня растянут на кровати, и какой-нибудь волосатый бугай с глумливой улыбочкой навалится на меня. Ведь достаточно подсыпать в еду немного наркотиков, и я стану послушной как овца. Значит, вывод первый — с этого момента ничего не пить и не есть. А бежать надо с утра, сразу после завтрака...

Так я и сделала. Дождалась завтрака, который оказался неожиданно щедрым, но только сделала вид, что ковыряюсь ложкой. По распорядку в этот день мне полагалось стирать, и я почти с радостью отправилась на работу. Еле удержалась от улыбки, обнаружив соседками несколько сестер. Наполнила своё корыто водой, а с последним ведром, налив туда кипятка, отправилась к воротам. Простые, но крепкие, они всегда были закрыты на запорный бурс, а по ночам ещё и на дополнительный замок. Рядом в роли привратницы постоянно находилась одна из сестёр, и я нисколько не обольщалась результатами попытки «силового» прорыва. Пройти обманом? Я даже представила такой разговор.

— Куда?

— Туда.

— Зачем?

— Затем — начинаю врать, и меня, как и в первом варианте, за шкуру и в карцер.

Поэтому сейчас вся надежда была на кипяток, который я тащила в ведре. Привратница издали заметила меня, но проявила это только тем, что чуть сдвинулась поближе к воротам. Симпатичная метиска со спокойным уверенным взглядом. Что ей такая шмакодявка как я, перекошенная под тяжестью ведра? Может, я просто принесла воды

попить. Я не стала её разубеждать. Подтащила ведро поближе, поставила его на землю. Не торопясь выпрямилась, облегченно вздохнула, что наконец-то дотащила эту тяжесть, зачерпнула воду ковшиком, который держала в другой руке. Замерла на мгновение и... Всю ночь я пыталась представить, как это будет. Как набираю воду, как плесну в привратницу, как она будет уворачиваться, и что я смогу сделать ещё. А в этот момент всё как будто сложилось. Я буквально увидела, что сейчас произойдёт — как я плесну кипятком, и он попадёт точно на лицо этой женщины. Наверное, я представила это слишком ярко, потому что привратница отшатнулась от меня, закрывая лицо руками, и застонала, словно от сильной боли.

Я в недоумении посмотрела на ковшик в своей руке — я ведь ещё ничего не сделала! Но разбираться будем потом. Главное — дорога свободна. Торопливо убрав запор, прихватила на всякий случай ведро и торопливо вышла на улицу. Куда идти, вопроса не было — туда, где много людей, к центру города. Стараясь не сбиваться на бег, дошла до угла, вздрагивая от каждого громкого звука. Оглянулась, но улица была по-прежнему пуста. Неужели получилось? Уже не сдерживаясь, бросила ведро и побежала. Бежала сколько хватило сил, не обращая внимания на удивлённые взгляды людей. И только совсем обессилив, прислонилась к стене и дала себе слово, что больше никто и никогда не посмеет мне приказывать и решать мою судьбу. Никто и никогда.

Дорога в неизвестность

Эйфория от удачного побега прошла весьма быстро. Ещё с час я плутала по улицам, стараясь уйти подальше от храма, но усталость взяла своё. Заметив пустую скамейку, которых в этом районе было довольно много, присела, вытянув усталые ноги, и попыталась подвести первые итоги. Итоги неутешительные. Получалось, что за месяц пребывания в этом мире я ничего не добилась. Совершенно ничего. Я не знаю как называется этот мир, не знаю даже названия города, где я оказалась. Не знаю местных обычаев, не имею ни заработка, ни крова. Ничего! Из плюсов — разве что научилась разговаривать, да и то неизвестно, насколько правильно. Уверила себя, что говорю, ну и ладно. Сменила бедняцкое платье на застиранное монашеское. Шрамы на теле и голове — это уж так, бесплатно, в нагрузку к прочим удовольствиям. Горько усмехнувшись, внимательно осмотрелась по сторонам. И ещё неизвестно, чем закончится мой побег — больно уж та старуха заинтересовалась мной — иначе зачем бы ей так торопиться с моим «посвящением»? И у настоятельницы на меня зуб после того случая в храме. Может они и плюнут мне вдогонку, а может уже сейчас разослали поисковые группы по улицам. Справится со мной любая, но даже если будут ходить по двое, то это всё равнополучается сорок-пятьдесят пар. Не такой уж этот город большой, чтобы меня не нашли в течении суток — ведь прятаться мне негде, я никого не знаю. Да и одежда у меня приметная — старая и застиранная, но характерного покроя. Как только к вечеру улицы опустеют, меня будет видно за километр. Значит первым делом надо избавиться от одежды монашки. Стащить, своровать, но изменить облик. И с волосами надо что-то сделать — беленькие и здесь встречаются, но всё равно их гораздо меньше, чем темноволосых.

А если всё-таки поймают... Я на мгновение представила, что меня хватают чужие руки, куда-то волокут... Как там говорила настоятельница? Для непокорных у нас найдутся и карцер, и розги, и... плети... Внутри мгновенно заклокотала холодная ярость, но я ей только обрадовалась — ведь старуха сказала, что мои силы резко увеличиваются именно в таком состоянии. И сдерживать себя я теперь не буду...

Посидела ещё немного, старательно лелея в душе ненависть к любому, кто попытается меня схватить, но вскоре обругала себя — если буду расслаиваться, то и в самом деле придётся кого-нибудь убивать. На мгновение засомневалась — в какую сторону идти, но потом решила идти на север. Почему? Не знаю. Может потому, что горы слева. Я всё равно не знаю, что меня ждёт за городом, так о чем думать? Я вдруг резко остановилась — а если там какой-нибудь пропускной пункт, ворота с охраной, и меня уже ждут? И все мои трепыханья бесполезны? Сразу навалилась усталость, но я себя одернула — здесь сидеть тоже не лучше. Что будет то и будет.

Для начала надо было решить вопрос с одеждой. Я шла по улице, внимательно поглядывая по сторонам, но никому не нужные вещи на дороге не валялись. Бельё если и сушили, то за высокими заборами, под присмотром. Возможно, ночью, если залезть через забор, окошко... Но это статья УК с нехорошими последствиями при любом строе и эпохе. Да и ночи ещё дожидаться надо. Наверное, надо идти туда, где людей много. Может, какой пьяный на крылечке уснёт, может кто разговором увлечётся, может какой продавец в другую сторону будет смотреть. Некрасиво, конечно, но я сейчас не в том положении, чтобы поступать честно. Для меня сейчас главное — спрятаться и выжить. Даже если захочу заработать честно, своим трудом, кто меня такую, в одежде монашки, возьмёт? Им вроде

работать в других местах, кроме храма, нельзя. А если и можно, то явно не за деньги, а в качестве благотворительности. Так что у меня два пути — или воровать, или идти прямо так, и в этом случае шансов спрятаться от храма у меня будет гораздо меньше.

На рынке, куда я зашла, народу было много, товаров много, но никто не собирался делиться ими с маленькой монашкой — и без меня желающих погреть руки чужим добром хватало. Торговцы не только внимательно высматривали возможных покупателей, но и ещё более внимательно смотрели, как бы кто не полез за их товаром. И если как покупатель я никого не интересовала, то как воровка... Я немного потолкалась в торговых рядах, но вскоре, прямо у меня на глазах, поймали настоящего воришку. Худющий парень с вороватым взглядом что-то умыкнул с прилавка, но не успел сделать и шага, как его тут же схватили за руки. Немного, без особой злости, избили и сдали подоспевшему наряду стражи. Пример был настолько наглядный, так напомнил произошедшее со мной, что желание тянуть ручонки к чужому сразу пропало, и я решила не рисковать. Одежда нужна, но лучше я поищу её где-нибудь в другом месте.

Но уйти без проблем не получилось. Стараясь не глядеть по сторонам, стала пробираться на выход, но в продуктовых рядах меня накрыл запах. Запахов здесь хватало везде, натуральных, сильных, от свежесделанной кожи до специй, но меня настиг запах свежего хлеба. Кому повезло его узнать, ни с чем не спутает. Как зомби, сделала несколько шагов и замерла перед лотком со свежей выпечкой. Чего здесь только не было! И лепёшки, и булочки с маком, и даже пирожки с мясом. Пустой желудок скрутило, и я замерла, стараясь не захлебнуться слюнями. Ну почему я раньше была такая дура, ну почему не ценила эти простые радости, почему не наедалась впрок? Я буквально чувствовала, как тает во рту поджаристая корочка булочки...

Неожиданно сбоку послышался басовитый мужской голос.

— Дохлятина!

Слово было настолько неуместным среди окружающих запахов, что я даже вздрогнула. Неужели и здесь нашелся привереда, который даже на солнце заметит пятна? Повернула голову, но мужчина, стоявший невдалеке, смотрел вовсе не на пирожки, а на меня. Демонстративно сплюнул, и ещё раз повторил для меня:

— Дохлятина!

Мужик был здоровенным, широким. В рубашке, небольшой передник и нож у пояса. Такой впечатление, что он только что отошел от соседнего прилавка. Рядом с ним я и в самом деле выглядела ... очень маленькой. Слово обидное, но по сути верное. Не спорить же с ним из-за этого. Да и извинения требовать бесполезно. Хотела уйти, но мужика моя молчаливая покорность не устроила, и он заступил мне дорогу.

— Тебя что, в вашем храме совсем не кормят?

Какого ответа он ждал? Или просто решил покуражиться? Я промолчала, сделала шаг в сторону, но мужик снова заступил мне дорогу. Сбоку раздался предостерегающий голос:

— Ксанх, кончай приставать, она может быть опасной.

Мужик оглянулся на говорившего и удивлённо протянул:

— Опасна? Этот заморыш?

Он снова оглядел меня с ног до головы, затем протянул руку.

— А что это у тебя такое?

Старая школьная шутка в местном исполнении. Я опустила голову, а эта скотина больно ущипнул меня за грудь. От неожиданности я дернулась, платье на груди треснуло, и звезда

богини вылетела из разреза платья, привлекая внимание мужика. Неуловимо быстро он ухватился за мой медальон.

— Смотри-ка, какие цацки носят монашки — удивлённо произнёс он — Мне понравилась.

Я попыталась вырваться, но мужик мгновенно изменил решение.

— А ну дай посмотреть.

Ухватился он всей своей лапищей, близко к горлу, и шнурок чуть не стал для меня удавкой. Может мужик собирался снять медальон через голову, может просто хотел сорвать. Резко дернул, но шнурок медальона оказался невероятно прочным, и мне чуть не оторвало голову. Мужик поднял руку повыше, и я повисла в воздухе, словно щенок в ошейнике, которого сердитый хозяин волочит домой. Даже мелькнула мысль, что вот так я и встречу свою смерть.

Но мужик неожиданно отбросил меня в сторону, а сам затряс рукой, словно обжегшись. Я грохнулась на землю. Мысли путались — что происходит? Мужик между тем быстро пришёл в себя, и недоумение в его взгляде сменилось настоящей яростью. Огромный, чуть ли не два раза больше меня. О каком-либо сопротивлении не могло быть и речи. Вокруг уже собиралась толпа. То ли помочь, то ли развлечься. Я только горько усмехнулась — «никто и никогда не посмеет причинить мне боль». Недолго же я смогла выполнять свои же клятвы.

Вдруг почувствовала злой укол боли от своего медальона, и тело стало словно чужим. Протянув руку к мужику, я зло прошипела:

— Ты. Посмел. Поднять. Руку. На жрицу Гернады?!

Шепот, но его слышали все. Люди вокруг стали оборачиваться, но мой мучитель был в ярости и его мои слова разозлили ещё больше.

— Да я тебя, сучка, сейчас...

Снова выбросив вперёд руку, я мысленно врезала ему по мозгам.

— На колени!

Наверное, сильно врезала, потому что мужик буквально рухнул на землю. И даже в таком положении был выше меня.

Наверное, можно было этим и ограничиться — мужик на коленях, с остекленевшим взглядом, вокруг гробовая тишина. Но я не верила этой тишине. Люди насторожены, не понимают что происходит, но не напуганы. Нужно сделать что-то особенное, иначе меня снова обвинят в колдовстве, потащат в тюрьму, если не убьют сразу. Один из толпы даже потянулся за ножом, заметила я краем глаза.

Снова злой укол медальона, и тогда это всё сложилось — покорность мужчины, нож в чужой руке. Тело снова стало чужим, я протянула руку к стоящему на коленях мужику.

— Перережь себе горло! Медленно!

Равнодушно — спокойно, как будто я попросила его поковыряться в носу, этот громила, способный превратить меня в кровавую размазню одним ударом, достал нож и медленно, как я и приказала, с силой провёл лезвием по своей шее.

Хуже всего пришлось мне — меня пронзил ужас от содеянного, ужас и боль мужчины, который чувствовал каждое движение ножа. И ещё прямо перед моими глазами — расплзающиеся под ножом кожа, мясо, бьющая толчками кровь из перерезанных вен.

Мужик завалился набок и задергался в агонии. Меня захлестнула новая волна чужой боли, и пришлось закрыть глаза, стиснуть зубы, чтобы самой не заорать, не забиться в истерике. Но я выдержала — я делаю плохо, отвратительно, жестоко, но мне надо научиться

так поступать и с этим жить, иначе очень скоро я снова окажусь в очередной тюрьме, и снова будут кнуты, пытки, издевательства...

Вокруг бушевало просто море эмоций, но я сумела отстраниться. А когда смогла успокоиться, открыла глаза и посмотрела вокруг, готовая уже по-настоящему биться за свою жизнь, на людей будто повеяло ледяным ветром. Мужчины, женщины торопливо, стараясь не смотреть на меня, опускались на колени и склонялись до земли. Через несколько мгновений стояла только я. Наверное, надо было гордиться своей крутостью, но кроме горечи я ничего не испытывала. Наверное, надо было что-то сказать, но что? Что я неправа? Что я всех убью? Глупо, как же глупо всё случилось!

Развернулась и пошла, не глядя ни на кого конкретно. Передо мной торопливо расступились. Шагов через десять невольно отметила странность — круг людей за моей спиной стоял молча, и это можно было объяснить испугом, шоком. Но всего в нескольких метрах от них остальные покупатели гуляли, выбирали товары так спокойно, словно толпа в нескольких метрах от них совершенно никого не интересовала. Или стала невидимой. Даже пара стражников, встретившихся через сотню метров, лишь равнодушно скользнули по мне взглядом, словно и я стала невидимкой. Или они тоже ослепли и оглохли, не замечая молчаливой толпы невдалеке.

Выбравшись с рынка, прошла пару кварталов, сворачивая в первых попавшихся проулках. Силы резко кончились, и я сползла по стеночке у ближайшего дома. Посидела, пытаюсь прийти в себя, и тут меня заколотило. Спокойная решимость куда-то испарилась и я чуть не забилась в истерике. Ну почему? Ну почему это всё и со мной? Почему я словно притягиваю неприятности? Почему этот громила пристал именно ко мне? Он что, первый раз увидел маленькую нищенку на рынке? Почему такая ярость, ненависть? Почему я всё время должна от кого-то бежать и прятаться?! Немного поскулила, а потом появились неприятные вопросы и к себе самой. Почему я поступила именно так? Что на меня нашло? Единственным желанием сначала было просто сбежать от этого несчастного мужика. С какой стати я вообще заговорила об обиде, нанесённой богине? С чего вдруг причислила себя к её жрицам? Стала перебирать, как это было, и вдруг поняла — это всё медальон! Сначала он обжёг руку мужчине, а потом и меня, когда я растерялась и не знала что делать. И это ощущение чужого тела, чужих мыслей. Неужели это он всё сделал? Я достала медальон, осмотрела его, но он снова превратился с красивую блестящую игрушку, спокойно лежащую на моей ладони. Мне что, теперь бояться и его?! Хотя он вроде бы защитил меня, помог в трудный момент. Или он только проводник чужой воли, связующий элемент между мной и Гернадой? И то, что я сделала, сделано во исполнение её воли? Тоже не очень весело. Или таким образом она показала мне *как* надо решать проблемы *настоящей* жрице? Требовать подчинения, уважения, а в случае сопротивления показательное уничтожение? Неужели именно в этом суть матери-воительницы?

Голова пухла от сомнений, вопросов, но когда и от кого я получу ответы?

Наконец мне надоело жалеть себя. Сиди не сиди, стони или плачь, но надо идти. Про то, что меня могут искать сёстры из храма, я почти забыла. А ведь теперь меня наверняка уже ищут ещё и за убийство на рынке. Того мужика я и пальцем не коснулась, но прекрасно представляла, во что может превратиться мой допрос. По телу пробежала дрожь, но я снова себя одёрнула — Гернада показала, как надо решать такие проблемы, и теперь с угрозами и плетью ко мне лучше не подходить! Может я и маленькая, может и слабая, но я уже не прежняя забитая девчонка. Я почувствовала свои «зубки»...

Стараясь не выходить на оживлённые улицы, зигзагами, снова отправилась в путь. Направление прежнее, на север. Но час проходил за часом, а город не кончался. Уже и солнце стало спускаться к горизонту, а конца края этим опостылевшим домам всё не было.

Неожиданно сбоку послышался мальчишеский голос.

— Эй, красотка, потолкуем?

Я в недоумении оглянулась. У небольшого проулка стоял мальчишка лет четырнадцати в довольно прилично одежде. Конопатый, мордастенький, с неприятной слащаво-самодовольной ухмылочкой.

— Что надо?

— Подзаработать хочешь?

Неплохо бы конечно, но что-то не похож он на денежного работодателя.

— А что надо делать?

Улыбка мальчишки стала ещё противнее.

— Да ничего особенного. Потискаемся, подвигаемся туда-сюда. Ну, понимаешь?

Я чуть не задохнулась от возмущения. Ах ты, сопля прыщавая! От мамкиной титки только оторвался, а уже норовит к другой пристроиться?! Раньше я бы врезала по морде, обматерила, или просто глянула свысока, молча пройдя мимо. Но теперь мне нельзя злиться, иначе мальчишка умрёт, даже не поняв, что произошло.

Я пару раз глубоко вздохнула, стараясь сдержать гнев, а потом чуть не рассмеялась. Глупенький, как же тебе не повезло!

Улыбнувшись, я чуть ли не ласково поглядела на этого нахалёнка.

— Сколько дашь?

Мальчишка даже опешил, не ожидая столь быстрого согласия.

— Ну, пару медяшек дам.

— Очень хорошо. Куда пойдём?

Пацан воровато оглянулся.

— Тут недалеко закуток есть, пошли.

Действительно, проулок оказался глухим и заканчивался небольшой площадкой, заваленной всяким бытовым мусором. Я невольно хмыкнула — дожилась девонька. Трахать на мусорной куче за пару медяшек — дальше падать, наверное, уже некуда. Мальчишка схватил меня за руку.

— Ну, давай, раздевайся. А можешь просто юбку задрать.

Я с улыбкой отвела руку.

— Нет уж, я хочу хорошенько, долго. Так что давай раздевайся тоже.

У мальчишки, наверное, сразу пересохло в горле — он странно пискнул-кашлинул и стал торопливо раздеваться, бросая одежду прямо под ноги. Я с интересом наблюдала за этим процессом. А ничего мальчонка, крепенький, хоть и зелёный как сопля. И напряжённому инструменту многие взрослые бы позавидовали. Не будь он такой наглый дурак, может даже и соблазнилась бы чуть-чуть, но не в этот раз.

Дождавшись, пока он останется голышом, капризно скривилась.

— Отойди на десять шагов и отвернись — я стесняюсь при тебе раздеваться.

Мальчишке, уже и так дрожавшему от возбуждения, похоже, совсем отшибло последние мозги. Послушно отошёл, отвернулся, мечтая о предстоящих утехах. И даже шорох собираемой одежды, наверное, принял за моё раздевание. Только вот я этого делать совсем не собиралась. Собрала его одежду в охапку и тихо удалилась. И только выйдя на улицу,

позволила себе хмыкнуть. Дожилась — совращаю несовершеннолетних, ворую. Но зато у меня теперь новая одежда, и свой дар во вред я не использовала. А то, что обворовала глупыша — так не будет следующий раз делать девушками непристойные предложения.

В карманах обнаружили деньги, но всего лишь одна малюсенькая медяшка! Я даже матюгнулась, что бывает со мной крайне редко. Ах ты сучёныш! Поди, наслушался разговоров старших придурков, и собирался попользоваться простушкой, а потом с наглой ухмылочкой ляпнуть: «Больше нет. Бери что дают, а то и это не получишь». Может, стоял бы и с глумливой улыбкой наслаждался моими слезами. Внутри снова стала подниматься злость — ненавижу таких ублюдков! Сколько чужих историй наслушалась! Ну, ничего, маленький урок он получил. Может и захочет меня поймать, только ведь для этого надо по улицам ходить, а куда же он голым-то? Придётся до ночи в том закоулке сидеть, а потом вдоль по заборам, тихонечко, чтобы никто не заметил. И отец, узнав правду, ещё и ремнём взгрееет, а может и чем потяжелее.

Ненадолго придя в хорошее настроение от этой маленькой гадости, решила заняться своей внешностью. Одежда великовата, но для местных это было в порядке вещей. Обтягивающими брюками никто не заморачивался, за модельными куртками не гонялись. В крайнем случае, буду говорить, что донашиваю за старшим братом.

Что у меня ещё из прежних примет? Волосы. Беленькие и курчавенькие. Обкорнать? Жалко. Да и денег не густо, а бесплатно никто ножниц и на пять минут не даст. Хорошо бы перекраситься, но как? Вроде можно отваром луковой шелухи, но где её взять, и будет ли толк?

В конце концов решила обойтись подручными средствами. На ближайшей помойке нашла кусок кожи от какой-то рыбы с остатками жира. Старательно измазала волосы, затем на несколько раз обсыпала золой и землёй. Противно было до жути, но что делать. Руки воняли, голова воняла, но когда я глянула на себя в ближайшую лужу, результат меня более-менее удовлетворил. Пугало с грязными всклокоченными волосами, но хотя бы прежнюю девушку я почти не напоминала, а остальное можно и потерпеть.

Вошедший мужчина выглядел бы вполне обыденно, если бы не слишком пристальный взгляд. Среднего роста, сухощавый, обычного телосложения. Длинные волосы, зачёсанные назад и схваченные обручем из светлого металла, открывали высокий лоб. Узкие губы обозначали лёгкую улыбку, но глаза...

Настоятельница чуть вздрогнула, чуть склонила голову.

— Приветствую вас в нашей скромной обители, магистр.

— И тебе привет, сестра настоятельница — мужчина склонять голову даже не подумал.

— Не желаете охлаждённого вина и фруктов?

— Да, неплохо было бы — мужчина демонстративно обмахнулся своим веером — Что-то сегодня жарковато даже для летнего дня.

Настоятельница снова чуть склонилась в поклоне.

— Прошу в комнату для гостей.

Пока мужчина с интересом оглядывался, настоятельница отдала нужные распоряжения прибежавшей на звук колокольчика монашке. Полагалось продолжить вежливый разговор, не беспокоя гостя, но появление мага-инспектора, одного из тех, кто был поставлен следить за порядком в городе, было слишком необычным. И настоятельница проявила излишнюю торопливость и любопытство.

— Ваше посещение — величайшая честь для нашей обители — мужчина

снисходительно чуть приподнял уголки губ, обозначая усмешку — Надеюсь, повод для этого был не очень неприятный?

— А вы разве не знаете?

Настоятельница почти искренне удивилась.

— В моём храме за последнее время ничего предосудительного не происходило. Во всяком случае, мне об этом не докладывали — чуть поправилась она.

— А в городе?

— Что «в городе»?

— За действия своих жриц на улицах города вы уже не отвечаете?

— *Мои* жрицы всегда славились благочестием и кротостью, магистр. При всём моём уважении, не могли бы вы всё-таки точнее сказать о провинности моих жриц?

— Да сущая мелочь — мужчина откинулся на спинку кресла, но смотрел на настоятельница по-прежнему очень пристально — Одна из ваших жриц сегодня утром, при большом скоплении народа, приказала мяснику с улицы Терний перерезать себе горло. Что тот и сделал, совершенно не усомнившись в приказе.

Настоятельница удивлённо смотрела магистра.

— Я вас не понимаю.

— А что тут непонятного? — голос мужчины стал сух — Молодая девушка в одежде вашего храма. Мясник разговаривал с ней непочтительно и даже попытался схватить рукой. Девушка возмутилась, приказала ему подчиниться, встать на колени и перерезать горло. Медленно! Что он и сделал при большом стечении народа. Особенно на всех произвело впечатление, что делал он это медленно и равнодушно, как будто резал горло не себе, а корове. *Я очень* — в голосе мужчины послышалась угроза — хочу познакомиться с вашим новым талантом. Немедленно!

Женщина задумалась на мгновение.

— Сожалею магистр, но мне нечем вас порадовать. Я достаточно хорошо знаю способности своих жриц и вынуждена признаться — ни одной из них подобное не по силам. Я и сама была бы счастлива такому приобретению, но увы... — настоятельница чуть пожала плечами, выражая сожаление.

Мужчина не спускал с неё внимательного взгляда.

— Девушка была в одежде вашего храма.

— Может просто похожая?

— И у неё был амулет с символом вашей богини.

— Любой может взять такой из руки богини.

— Когда девушка приказала умереть, её амулет засветился!

Настоятельница замерла — засветиться мог только особый амулет и только у истинной жрицы богини.

— Я немедленно прикажу собрать всех жриц, но по-прежнему не могу поверить, что кто-то из них мог бы сделать подобное. Что ещё известно о ней?

— Невысокая худенькая девушка с очень светлыми волосами.

— Ах, вон вы о ком... — женщина помрачнела — Эта сучка появилась примерно месяц назад. Худющая, в обрывках одежды, с едва поджившими ранами от побоев и ударов плетью. Попросила крова и еды. Мы её откормили, дали одежду, а она... Как только зашёл разговор о первых шагах к служению богине, будто взбесилась, и сегодня утром сбежала. Мы даже не успели провести первую инициацию — Терана вдруг замолчала, потом медленно

продолжила — зачатки дара у неё были, но очень странные и очень слабые. Пока она не начинала сердиться. И ещё одна странность — во время побега она плеснула кипятком в лицо одной из сестёр. Ожоги очень сильные, хотя мы и не нашли никаких следов воды — она снова о чём-то задумалась.

— И между тем она гораздо ближе к богине, чем всё ваше гнездо разврата — закончил за неё магистр — Возможно, она уже была её жрицей, а может... — он вдруг задумался — Месяц назад, говорите? Белокурая, худенькая, со следами ударов кнутом. И если это та же самая...

Он резко встал, и настоятельница вдруг почувствовала себя маленькой и беззащитной под взглядом магистра.

— Забудьте об этой девушке, теперь ей займусь я — дождавшись послушного кивка, продолжил — Ну, если только она неожиданно вернётся, немедленно сообщите мне. Хотя я в это и не верю. Да, кстати, как её звали?

— Мы не спрашиваем о прошлом у пришедших к нам. Если девушка становится нашей сестрой, ей дают новое имя. А если не захочет, то может уйти, как и пришла — безвестной.

Магистр внимательно слушал, помолчал, и снова многозначительно повторил:

— Забудьте об этой девушке.

Болтаться по улицам надоело, начинало темнеть, да и устала, если честно, вздрагивать от любого громкого звука. Заметив вывеску таверны, я просто шагнула в зазывно открытую дверь. Первое впечатление — забегаловка. Нечто вроде барной стойки вдоль одной из стен. Довольно большой зал с парой десятков столов. Контингент почти исключительно мужской весьма среднего достатка. Очень многие поддатые, хотя откровенно пьяных не видно. Немудрёная местная еда в больших тарелках, кружки, кувшины. Постоянный легкий гул от негромких разговоров. Не люблю подобные места, обязательно кто-нибудь прицепится. Уже хотела повернуться, но одёрнула себя. Я ведь теперь тоже почти мужчина (хотя бы внешне). И передохнуть надо хоть немного, и поесть бы не мешало, а то целый день на нервах, про еду даже не вспомнила. Из денег только медяшка, но хотя бы на кусок хлеба должно хватить. Подойдя к стойке, я довольно небрежно положила денежку на стойку.

— Перекусить.

Стоявший за стойкой мужчина коротко кивнул, и выложил целых полкаравая хлеба и большую кружку, налив туда молока. Не веря своему счастью, я чуть не начала есть прямо у стойки. Прижав богатство к груди, огляделась, но свободных мест за столами не оказалось. Вернее, было четыре, но три из них мне не понравились напрочь. Вроде сидевшие там мужики выглядели и не очень пьяными, но сразу чувствовалось, что их настроение может измениться в любой момент. Был у меня нехороший опыт подобных ситуаций, больше не хочу. В самом углу стоял ещё один стол, за которым расположилась компания странных личностей. Грубоватые лица, оружие за поясом, татуировки на лицахна что-то намекали, но мне-то откуда это знать? Во всяком случае, откровенной угрозы я не почувствовала.

Всё более замедляя шаги, подошла поближе и осторожно спросила.

— Разрешите сесть за ваш стол?

Мужчины замолчали, оглядели меня, затем каждый оглядел зал, как бы спрашивая: «Какого чёрта? Что, других мест не нашлось?» Но материть не стали. Все почему-то повернули головы к мужчине, сидевшему с края стола. Ничем особенным он не выделялся, но, видимо, был здесь за старшего. Тот тоже оглядел меня, потом зал, снова меня, но всё-таки кивнул.

— Садись, малыш.

Стараясь ни на кого не смотреть, я примостилась на самом краешке скамьи и стала отщипывать хлеб маленькими кусочками, в надежде таким способом растянуть удовольствие и всё-таки наестся единственным куском хлеба. То ли от голода, то ли от невольного напряжения под взглядами мужчин, но пальцы начали предательски дрожать. Я постаралась сжать их вместе, то теперь стала дрожать вся рука. Смутившись, я вообще убрала руки со стола. Сидевший поблизости мужчина не выдержал.

— Да не трясись ты так! Нас боишься или оголодал так?

Я опустила голову.

— Не знаю.

Неожиданно мужчина подвинул в мою сторону свою тарелку с остатками мяса.

— Ешь давай и не трясись, а то смотреть противно.

Наверное, надо было отказаться, но я не смогла. Да и отвыкла уже строить из себя культурную девушку. Благодарно кивнула, подтащила тарелку поближе и стала вымакивать жижжукусочками хлеба.

Мужчины по-прежнему молчанаблюдали за мной, затем старший (тот, что разрешил присесть за стол), коротко бросил.

— Ладно, пора на боковую, завтра дорога будет длинной.

Я чуть не подавилась — вот оно, возможное решение моих проблем. Я ещё толком не успела осознать до конца слова мужчины, а уже торопливо выпалила.

— Возьмите меня с собой!

Старший чуть удивлённо посмотрел на меня.

— Куда тебя взять?

— С собой.

Мужчины переглянулись.

— Ты что-то знаешь?

Я замотала головой.

— Ничего не знаю и знать не хочу. Мне нужно поскорее уехать из города, и я готов на всё.

— И что же ты натворил?

— Я убил человека.

Такие слова мужчин нисколько не напугали.

— Отравил, стукнул камнем по голове? — сказано это было с такооой пренебрежительной ухмылочкой... Гордиться было особо нечем, но я невольно выпрямилась и твёрдо посмотрела в глаза главному.

— Я заставил его встать на колени и перерезал ему горло — не самолично, конечно, но почти что своими руками.

— Сколько же лет было этому старикашке? — ухмыльнулся один из сидевших.

— Сколько и тебе — огрызнулась я — И он был в два раза больше тебя.

После мгновения ошарашенной тишины раздался такой хохот, что на наш стол стали оглядываться. Мужики смеялись до слёз, стучали кулачищами по столу и всё пытались пожалеть того мужика, спросившего про годы.

— Ну, всё, Тархан! Теперь ходи и оглядывайся, чтобы этот цыплёнок и тебя не пластанул по горлу. Придётся носить кольчугу, гармский панцирь со шлёмом, а лучше просто сбежать, пока чего не случилось.

Тархан нисколечко не обижался, сам ржал как мерин.

— Броня не поможет, остаётся только бежать, а лучше скакать, не глядя в какую сторону. Ой, боюсь, боюсь.

Мужчины были по-своему правы, и я не обиделась. Действительно, рядом с ними, крепкими и здоровыми, я, исхудавшая, с чёрными кругами под глазами, в одежде, болтающейся как на вешалке, выглядела цыплёнком (в лучшем случае). А убеждать в правдивости своих слов совершенно не хотелось. Поэтому спокойно дождалась, пока смех утихнет и снова повторила.

— Возьмите меня с собой.

Старший негромко спросил:

— А зачем ты нам? Вдруг и правда окажется, что ты натворил что-то серьёзное и тебя будут искать? Зачем нам лишняя головная боль?

Вопрос простенький, но ответить мне было нечего. Судя по поведению и некоторым мелочам, эти мужики — готовая команда, чем бы они ни занимались. Крепкие фигуры, уверенные движения, оружие. Что я им могу предложить кроме своего тела? Драться не умею, без кухарки и прачки они и сами привыкли обходиться. Да и на моё тело сейчас разве что голодная собака польстится.

Пытаясь придумать хоть какую-то полезность от себя, опустила глаза и тут заметила на столе небольшой стаканчик с игральными костями. А может это сработает?

Не спрашивая разрешения, подтянула его к себе, потрясла, перемешивая, потом резко опустила на стол вверх доньшком. Сосредоточилась, мысленно убирая стенки стаканчика, всмотрелась.

— Четыре, один, два — и убрала стаканчик.

Вытянувшиеся лица мужиков мне понравились. Снова перемешала кости, опустила на стол, всмотрелась.

— Пять, пять, шесть.

Снова перемешала.

— Один, два, три.

Никто не смеялся. И смотрели на меня теперь очень-очень внимательно.

Наконец один протянул.

— Играть с тобой я никогда не буду — потом чуть оживился — А как у тебя это получается? Просто чувствуешь или сам переворачиваешь как надо?

Чувствуя себя чуточку отомщенной и почти хозяйкой положения, скромно потупила глаза.

— Возьмёте с собой — когда-нибудь расскажу.

Мужики начали переглядываться, потом как по команде повернули головы к старшему. Тот долго молчал.

— После таких фокусов и в рассказанное тобой убийство поневоле согласишься. Ладно, — решил он — О возможных бедах ты предупредил, а польза от тебя может тоже будет.

Расслабившись, он уже с улыбкой посмотрел на меня.

— Хорошо, можешь считать себя зачисленным в наш отряд. Первое время за тобой присмотрит Самант, сегодня переночуешь в его комнате. И это, вымойся хорошенько. Мы и сами пахнем не как букет цветов, но от тебя разит совсем как от помойки в самом бедном квартале.

Счастливая, я с готовностью кивнула.

— И это... Одень лучше платье, не позорь нас.

Видимо, у меня округлились глаза, и старший снисходительно усмехнулся.

— Не держи нас за дураков — в тебе не почувствует девчонку только глухой слепой идиот. Стражники посмотрят сквозь пальцы на нашу любовницу, а вот если ты останешься в этом — он кивнул на мою одежду — то нас почти наверняка арестуют за похищение, совращение и прочие извращения. Ясно?

Невольно покраснев от стыда за собственную самоуверенность, я только кивнула.

— Ну и хорошо. Кстати, как тебя зовут?

На мгновение я засомневалась — чем моё имя может мне помочь или навредить, но решила не врать по мелочам и без особой необходимости.

— Натис.

Старший повторил моё имя, будто пробовал его на вкус, но ни хвалить, ни шутить не стал. Имя как имя, ничем не хуже другого. Коротко повторил:

— Самант, займись ею.

Мужчины встали из-за стола и направились на второй этаж. Один, с вытатуированной ящерицей на правой щеке, оглянулся.

— Жди на улице.

Ждать так ждать. Правда непонятно кого и сколько. Выйдя из дома, постояла немного у крыльца, но никто не выходил. Уже даже начали появляться мысли, что таким образом от меня решили вежливо «отвязаться», чтобы не смотреть на женские слёзы и сопли. Хотя, в чём их винить? Кто я для них? Сидели, пили, ели, на следующий день в дальний путь, и вдруг появляется какая-то пигалица и *требует*, чтобы взяли её с собой. Кто такая? Явно прячется, да ещё и про убийство помянула. Честно говоря, будь я на месте мужиков, то очень сильно подумала бы, брать ли мне такую спутницу. Может и они сейчас это обсуждают? И если передумают, то винить я их не будут. Просто не имею права.

Потоптавшись ещё немного, решила, что дальше ждать бесполезно. Но на всякий случай дала себе маленькую слабинку — досчитаю до сотни, а потом и пойду. Начала считать очень-очень медленно: «Один, два... сорок... семьдесят..» С каждой прошедшей секундой настроение падало всё ниже. Вернее, оно и так было не очень, а тут стало накатывать чувство опустошенности. Терять даже такой маленький лучик надежды было горько. Но делать нечего, и я стала осматриваться, выбирая, в какую сторону идти.

За спиной скрипнула дверь.

— Заждалась? Пошли.

Такие простые слова, сказанные грубоватым мужским голосом, но как же я им обрадовалась! Не спрашивая, куда и зачем, засемила за Самантом. Идти пришлось недолго. На заднем дворе возле колодца стояла большая бочка с водой. Зачерпнув воды ведром, Самант сунул мне в руки шершавый обмылок.

— Мойся.

Понимай как хочешь, но я решила, что речь всё-таки идёт о моей голове. Мыло было с характерным резким запахом, напомнившим о нашем «хозяйственном». И мылилось оно отвратительно. Пришлось намыливаться и споласкиваться раз пять, прежде чем волосы вернули себе прежний цвет (надеюсь) и стали хоть немного рассыпчатыми, а не слипшимися сосульками. Правда, запах протухшего жира всего лишь сменился на резкий запах мыла, но это уже не мои проблемы. Если мужикам такой запах более привычен, потерплю и я.

Самант аккуратно спрятал обмылок в кожаный мешочек, сполоснул руки. И снова

короткое: «Пошли». На этот раз мы поднялись на второй этаж таверны. С волос капало, за мной тянулись мокрые следы, но никто не обращал на это внимание. Да и мне, по большому счёту, было наплевать. Тем более, что день был жарким, и обсохнуть вот так, «естественным» образом было даже приятно.

Комната для ночлега — малюсенькая. Табуретка, топчан, матрасик с одеялом. Самант сразу начал раздеваться. Неторопливо, напевая что-то себе под нос, снял безрукавку, рубашку и потянулся к ремню на поясе. На меня он даже не глядел, но где-то в глубине души всплыли извечные женские страхи. Да и топчанчик был очень узкий. Стараясь, чтобы в голосе не проскользнули трусливые нотки, небрежно спросила:

— А где буду спать я?

Самант будто в первый раз увидел меня.

— Ты? Спать?

Скомкал одеяло и бросил мне.

— Хочешь — на полу. Хочешь — на подоконнике. Хочешь — за дверью или во дворе. Запомни — у нас в отряде детей нет. Мы прикрываем друг другу спины в бою, но в повседневных делах каждый заботится о себе сам. Или привыкай к этому, или... — он зевнул — Ладно, завтра рано вставать.

Через минуту он уже храпел.

Я постояла, разглядывая его мускулистое тело, раскинувшееся на топчане. Мда, явно не прЫнц. Но ведь и я не прЫнцесса. А если вспомнить мою жизнь за последнее время, то его поведение можно посчитать чуть ли не верхом благородства. Приютил, умыл, не приставал. Может быть завтра помогут выбраться из города. Неизвестно, что будет дальше, но уже за то, что сделано, надо сказать спасибо.

Расстелив одеяло на полу, покрутилась, пытаясь устроиться поудобней. Кулачки под щёку вместо подушки.

А всё равно хорошо! Живая, почти здоровая. Никто мной не командует и ничего не требует. Я никому ничем не обязана (почти). Завтра постараюсь выбраться за город, убежать подальше и спрятаться поглубже. Должны же где-то люди жить как люди, а не как звери! Всего-то и надо — найти это место, и стать такой же, как все. И жить как все.

Осталось только найти это место...

Утром собрались весьма быстро. Никто никого не подгонял и не уговаривал. Сполоснули лица водой, сытный завтрак из яичницы с жареным мясом. Со мной никто не сюсюкался. Идёшь рядом — и ладно. Потеряешься — никто и не вспомнит, что была такая. Но порцию яичницы выделители не скупясь.

Когда я вышла во двор таверны, то первым впечатлением стало некоторое разочарование — никаких боевых рысаков поблизости не наблюдалось. Мужчины, как и вчера вечером, были в своих кожаных жилетах и куртках. Разве что к ножам на поясах добавились короткие мечи. Никаких щитов, копий, доспехов. Всё имущество, состоящее их десятка мешков разных размеров, сложено на двухколёсной повозке, похожей на среднеазиатскую арбу, разве что колёса поменьше. В повозку запрягли скотину, по виду напоминающую раскормленного осла-переростка, но с маленьким ушами. Ничего героического и пафосного.

Старший (остальные звали его Мармук) кинул на меня взгляд.

— Почему не переделась?

Я даже удивилась такому вопросу.

— Во что? У меня ничего нет.

— Ладно, поедем мимо рынка — купишь.

— Так у меня и денег нет... — я невольно понурилась, чувствуя себя без вины виноватой.

Взгляд у Мармука стал не очень хороший. Я и без всякой телепатии почти ощутила его мысли: «Взял на свою голову! Мало нам неприятностей, так ещё и деньги за неё надо платить. Может проще прогнать?» Но вслух он ничего не сказал. Коротко бросил «Ну, двинулись» и всё.

Через полчаса остановились у первого попавшегося рынка. Мармук ненадолго отлучился, и вскоре вернулся со свёртком одежды. Протянул его мне.

— Переоденься.

Я закрутила головой, высматривая место поукромнее, но Мармук решил проблему быстро и радикально.

— Спинами в круг!

Прозвучало это как военная команда, и выполнена соответствующе — без вопросов, недоуменных взглядом. Мужчины чуть сдвинулись, и я вдруг очутилась за стеной спин. Странное ощущение — вроде на оживленной улице, а вроде как в примерочной кабинке. Но я уже поняла, что Мармук не привык ждать, и торопливо развернула сверток. Внутри оказались простенькие туфельки кремового цвета, синие шароварчики с поясочком, зеленое платье прямого покроя, почему-то напомнившее мне таджикское. С этим вроде всё понятно. Немного потряхивало от нервозности, но я всё-таки смогла раздеться (прямо посреди площади!) и торопливо одела свою новую, *женскую* одежду. А вот с головным убором возникли проблемы. Нечто вроде большой тюбетейки, щедро расшитой золотистыми нитками. Но с одной стороны железная стрелка (как на боевом шлеме, я видела такое), а с другой стороны пришит прямоугольный кусок ткани, который, видимо, должен прикрывать шею и щёки (тоже как на шлеме). Это что, боевая тюбетейка?!

Не дождавшись, пока я соображу что к чему, Мармук обернулся.

— Ну, долго ещё?

Заметив, как неуверенно я держу тюбетейку в руках, нахлобучил её мне на голову, расправил ткань по плечам, затем ещё один кусок шёлка закрепил спереди заколками, оставив незакрытыми только глаза. Получилось нечто вроде головного убора арабских женщин. Критически оглядел меня.

— Ничего, сойдет. Значит так — забираешься на повозку, сидишь с прямой спиной. Что бы ни случилось — молчишь и не шевелишься. Всё поняла?

Дождавшись моего кивка, скомандовал:

— Всё, вперёд. И так много времени потеряли.

Город оказался очень большим. Только через час дома вокруг стали мельчать, появились пустыри. Вроде город скоро кончится, уже пошли поля, а никакого намёка на огромную защитную стену (как я её себе представляла) по-прежнему не было. Одинокий дом и небольшую арку над дорогой приняла сначала за одну из таверн, но появившиеся солдаты удивили. Что они здесь охраняют? По обе стороны от дороги тянулись поля, и единственным препятствием была только цепочка из трёх рядов столбиков, тянущихся от КПП. Два крайних — обычная «колючка», которую ставят вокруг важных объектов. Столбы, метра два высотой, и пространство между ними густо переплетены колючей проволокой. Настораживал средний ряд столбиков — небольших, полосатых от бело-красных колец.

Выглядели они несерьёзно, но ведь не для красоты же их здесь поставили?! Или это и есть защитная стена города? Интересно было бы поэкспериментировать с этими столбиками, камешки в них покидать. Только вот кончится ли это добром?

Арка над дорогой и в самом деле оказалась КПП, очень напоминающим наши посты ГАИ. Вроде и форма у стражников совсем другая, но короткие дубинки они вертели в руках ну совсем как гаишники. И взгляд такой же — настороженно-ощупывающий. Я даже невольно подумала — а сколько стоит в местной валюте «отмазаться»?

Кроме нас на посту было еще несколько повозок с обеих сторон. В вещах стражники не копались, но денежки из рук в руки переходили, это я заметила. Когда дошла очередь и до нас, я села прямо и посильнее сжала губы — что бы ни случилось, я должна молчать.

Стражник подошёл вальяжной походкой, мельком глянул на мешки.

— Куда направляетесь?

Ответил (как старший) Мармук.

— К Большой Скале.

— Что-нибудь запрещённое везёте?

— Нам это не надо.

— Не надо — задумчиво повторил стражник и вдруг ткнул пальцем в мою сторону — Пусть снимет шапку.

— Это запрещено.

— Это кем это запрещено — стражник высокомерно приподнял голову — У нас приказ проверять всех женщин!

— Приказы надо выполнять — миролюбиво согласился Мармук — Но это... служанка из гарема кульхана Анжи. А уж ты-то должен знать, как он относится к своему гарему. Нам поручено сопровождать эту женщину, и если ты хотябы пальцем прикоснёшься к ней, попытаешься увидеть её лицо, то... — он многозначительно положил руку на меч.

Стражник не стал спорить. Коротко свистнул, и из дома выбежало ещё с десятков солдат. Нас окружили, и смотрели совсем не по-доброму. Один из них, видимо, старший, оглядел нас, стражника, поднявшего тревогу.

— В чём дело?

— Отказываются показать девушку.

— Почему?

— Говорят, что из гарема кульхана Анжи.

— И что?

— Вот и я им про то же — взбодрился стражник — А они не хотят!

Старший повернулся к Мармуку.

— Приказ мага-следователя. Подчиняться должны *все*.

Мармук чуть усмехнулся.

— Нам заплатили доставить девушку в неприкосновенности. Каждого, кто посмеет прикоснуться к ней или увидит её лицо, мы должны убить, даже если это будут солдаты, действующие по приказу — Мармук помрачнел — У нас выхода нет — если вы нас не убьёте, то кульхан всё равно не простит оскорбления для себя и своего гарема. Найдёт, посадит на кол, потом кастрирует. Или сначала кастрирует, а потом на кол посадит. А если мы погибнем, и вы всё-таки коснётесь девушки, то он займётся уже вами. *Всеми*, кто здесь есть — Мармук многозначительно оглядел окруживших нас солдат — Вы его характер должны не хуже меня знать. Так что мы лучше умрём здесь. А вы про себя сами решайте...

Наступило молчание. Старший несколько раз перевёл взгляд на снова ставшим серьёзным Мармука, на меня, снова на Мармука. Тишина готова была взорваться от любого случайного звука. Наконец офицер как будто что-то решил для себя, небрежно махнул рукой.

— Пропустите.

Секретарь за спиной негромко сказал:

— Господин Нерму приглашает вас в кабинет.

Магистр пробормотал про себя ругательство — проклятая служба! Идиотский, завещанный предками порядок, по которому для расследования любого, сколько — нибудь значимого преступления полагается приходить двум следователям — обычному и магу. Дело, разумеется, ведёт обычный человек, но маг в обязательном порядке должен убедиться, что по его ведомству ничего нет. Да, однажды, в глубокой древности, благодаря совместной работе следователей почти случайно был раскрыт очень серьёзный заговор, и с тех пор это правило объявили незыблемым необсуждаемым законом. Вот и приходилось мотаться, хотя подавляющее количество преступлений — обычная бытовая грязь и кровь.

Ещё одним из раздражающих моментов такого порядка была еженедельная отчётность перед руководителем службы безопасности. Вполне хватило бы обычной сводки, но опять же, начальники уголовной стражи не всегда ладили с магами, и на таких вот совместных докладах иногда выяснялись весьма интересные вещи.

Чензо деловито отчитался о происшествиях за неделю. Всё просто, понятно, обыденно — убийства, кражи. Скольких поймали, скольких казнили. Обычная текучка. Нерму слушал внимательно, затем повернулся к Гаварни.

— Есть что добавить?

Магистр немного помедлил, собираясь с мыслями.

— Странная смерть мясника с улицы Терний. Свидетели утверждают, что он убил себя сам, при большом стечении народа.

— Ну и...

— Был в прекрасном настроении, но вдруг озлобился на девчонку в одежде жриц матери-воительницы, затем встал перед ней на колени, достал нож и перерезал себе горло. Свидетели утверждают, что сделал он это по приказу девчонки.

Магистр замолчал, чувствуя, что фразы получаются пустыми и малозначительными. Нерму чуть подождал.

— Господин магистр, готовиться к докладу надо заранее.

Магистр чуть склонил голову и стал докладывать более сухо.

— Магических возмущений, применения заклинаний не обнаружено. Предположительно работа гипнотизёра или ментала. Проведена беседа с настоятельницей храма. С её слов, девчонка появилась с месяц назад, просила крова. За время пребывания в храме ничем особым себя не проявила, но меня заинтересовало упоминание, что у неё на теле были следы избиения кнутом.

— И что же в этом интересного?

— Именно месяц назад произошёл случай со снятием блокады сознания у сына чиновника городского совета. И сделала это девчонка, похожая по описанию. По подозрению в наведении порчи была объявлена ведьмой, избита толпой и помещена в тюрьму. На следующий день я решил поговорить с ней, но мне сообщили, что она умерла.

Нерму уже нетерпеливо стукнул кончиками пальцев по столу.

— Вы совсем разучились говорить ясно и понятно?

— Я всего лишь излагаю факты. После обследования мальчика выяснилось, что он совершенно здоров, а припадок был вызван разрушением заклинания затуманивания сознания, которое на него наложил непонятно кто. Заклинание считается из группы высших, и его снятие требует согласованных действий нескольких магов. Однако, по рассказу мальчика, девушка сделала это за несколько минут. Причём то, как она это сделала, выглядит невероятным. Якобы она изменяла своё тело, превращая его то в меч, то в трубу, то в каплю.

— И вы ему поверили?

— Ну, при хорошей фантазии и образном мышлении отдельные действия можно описать и так.

— И зачем кому-то понадобилось использовать такое заклинание на малолетнем сыне обычного чиновника?

Магистр стал говорить очень осторожно.

— Когда я доложил о произошедшем совету магов, там тоже задались подобным вопросом. Насколько я знаю, проверили схожие случаи за последний год, и выяснилось, что подобное произошло ещё с десятком ребят. Ещё странность — чем более высокое положение занимали родители, тем более осторожно накладывалось заклинание. Оно как бы было в ожидании некоего приказа.

— И как вы это объясняете?

Магистр стал ещё более осторожен.

— Мага, совершившего это, пока найти не удалось. Объяснения таких действий тоже пока нет. Я слышал только предположение, что кто-то проверяет способности наших магов обнаружить подобное, и готовится к контролю сознания молодых аристократов. Ведь если продолжить тенденцию, то... У короля подрастает наследник.

Взгляд Нерму стал нехорошим.

— Почему мне не доложили немедленно?!

— Окончательных выводов пока нет. Кто, как и почему — наш совет ещё не выяснил.

— То есть все ваши маги, вся защита короля ничего значат? И если бы не появление девчонки, мы бы и дальше пребывали в счастливом неведении?! — магистр старался смотреть твердо — И как только девчонка обнаружила это ваше заклинание, сумела справиться с ним, тут же, как по заказу, её убивают?! Вы разобрались с этим?

— Внешне — магистр кашлянул — всё выглядело естественно. У мальчика начались судороги, девчонка крепко обняла его. Мать, которая очень нервничала и что-то подозревала, восприняла это как нападение ведьмы. Начался самосуд, потом её отвели в тюрьму, а там... Охранники клялись, что она умерла после побоев толпы. Я проверил и это. Короче, они воспылали похотью, а когда она оскорбила их, избили... как уже приговорённую. Утром, испугавшись меня, просто выкинули на свалку.

— Они наказаны за излишнюю инициативу?

— Я сказал, что они будут бить друг друга кнутами. Тот, кто останется жив, будет помилован. Они очень старались...

— С этим ясно. То есть вы предполагаете, что некая девчонка появляется неизвестно откуда, «случайно» обнаруживает заклинание, которое проглядели маги, умудряется не умереть на свалке, попадает в храм и снова уходит. При этом убивает мясника, но не смогла сделать этого с охранниками в тюрьме?

— Да, в этом деле много странного. Я даже не уверен до конца, что это одна и та же

девушка. Охранники клялись, что даже проверили воздействие на «точку смерти», но девушка не реагировала, и только поэтому они решились нарушить мой приказ. Я посылал людей на свалку проверить, но те нашли только место, заваленное протухшими отбросами и следы, как будто одна из собак, обитающих там, волокла что-то по земле. Почти наверняка девушка умерла и была съедена собаками, обитающими на свалке. Но и появление в одно и то же время двух девушек с особыми способностями, имеющих следы избиения кнутом, считать простым совпадением я тоже не могу. Есть ещё один момент, вызывающий сомнения. Девушка в тюрьме не имела ничего, кроме платья. А та, что на рынке, была уже в одежде жрицы и имела символ их богини. Причем его ранг, судя по описаниям, был гораздо выше, чем у настоятельницы. Та клянётся, что всё было совершенно случайно — и то, что девчонка пришла в их храм, и то, как она ушла, но... Ей ведь могли и приказать говорить нужные слова... Это не в моей компетенции, но роль храма в этом деле вызывает у меня настороженность. Возможно, они мечтают вернуть своему культу прежнее величие и стараются привлечь к себе внимание такими необычными делами своей жрицы. Я пока не знаю.

— Какие меры приняты?

— Дана ориентировка страже города, но каких-либо ощутимых результатов я не жду — в лучшем случае девчонка отведёт им глаза, в худшем — получим новые трупы. Поэтому я дал приказ просто сообщать о всем необычном, связанном с женщинами, и при возможности проследить за ними. А для серьёзной работы отправлю группу, специализирующуюся на поиске магов и особо опасных преступников. Сначала найдём, выясним, кто она, а там решим, что делать дальше. Но оставлять её на свободе и без присмотра однозначно нельзя.

— Кто это может быть?

— Если судить по возрасту, то, возможно, талантливая самоучка. Но меня очень смущает медальон богини — насколько я знаю, дают их после многолетней службы, огромных способностей и дел, свершённых во имя богини. И он совершенно не соответствует возрасту девчонки...

Нерму задумчиво постучал пальцами по столу.

— Разбирайтесь. Если выяснится что-то необычное — докладывать мне немедленно.

Мужчина, стоявший перед магистром, мог бы быть эталоном серости и незаметности. Вроде и одет вполне добротно, но, отведя взгляд, было бы трудно назвать детали одежды. Лицо обычное, которое могло принадлежать и купцу, и подмастерью и воину. Глаза... а вот глаза слишком пристальные. Мужчина прекрасно вёл себя, изображая внимание и почтение, но магистр знал, что тот признаёт только силу и деньги. Но пока у магистра было и то и другое, этот человек будет ему предан. Ну, или хотя бы будет старательно выполнять приказы.

— Ты слышал об убийстве мясника на улице Терний?

— Так, трактирные слухи.

— И что об этом думаешь?

— Пока ничего. Болтают разное, и слишком уж невероятные вещи, чтобы это было правдой. Будто бы молодая девочка заставила здорового мужика перерезать собственное горло, а затем так глянула, что все вокруг встали на колени.

— Это правда, Ханым.

Мужчина сразу подобрался.

— Прикажете найти?

— Разумеется. Такие случаи нельзя оставлять без последствий.

— И кто это может быть? — осторожно поинтересовался Ханым — И как это было сделано — гипноз, использование артефакта или работа ментала?

— Пока я не знаю, но выяснить надо обязательно. Пока известно только то, что следящие артефакты возмущения магических полей не заметили.

— Ну, если это обычный гипнотизёр, то трудностей не будет. Найдём, свяжем, заткнём рот и завяжем глаза.

— А если этой девочке достаточно только подумать, чтобы и ты взялся за нож? — магистр чуть прищурился.

Ханым сразу покорно склонил голову.

— Я выполню любые ваши указания, магистр.

После некоторой паузы магистр медленно проговорил.

— Найти. Не трогать, только наблюдать. Обращать внимание на любую мелочь, которая покажется не совсем обычной. Я дам несколько артефактов, которые реагируют на разные виды магии. Пока меня интересуют два вопроса — кто она и как она это делает. А потом я подумаю, как её способности можно использовать.

Ханым снова поклонился.

— Всё будет исполнено, господин магистр.

Лес был не особо густым, почти как на черноморском побережье, но стоило солнцу спуститься к горизонту, как вокруг резко потемнело. Наёмники не стали упираться в желании идти и на первой же приглянувшейся поляне устроили привал. Приготовления были быстрыми и привычными — срубить несколько стволов сухостоя, развести костёр, повесить над огнём котел с водой. Мужчины действовали привычно, и я даже не стала соваться с предложениями помочь. Да и какая от меня помощь? Топором дрова рубить? Варить на костре, чего я не делала ни разу в жизни? Весь мой походный опыт — поджарить сосиски на веточке над костром. Или съесть шашлык, приготовленный парнями на пикнике. Придётся учиться жить на природе, но не сегодня. Может я успокоилась, может с непривычки растрясло на повозке, но чувствовала я себя манной кашей, размазанной по дну тарелки. Безучастно смотрела, как мужчины готовили, ели. Мне тоже сунули тарелку, ложку, и я похлебала нечто густое из разваренной крупы, кусочков мяса и каких-то приправ. Не фонтан, но есть можно.

Заметив моё состояние, Самант бросил мне скатку мягкого войлока. Кивнув, я тут же расстелила её у костра и сразу улеглась. Мужчины сами помыли посуду, прибрались и тоже стали располагаться на ночлег.

В какой-то момент что-то изменилось. Тишина стала какая-то настороженная, но я не стала волноваться — если что-то случилось, то мужчины разберутся и без меня. Но один из мужчин, откликнувшийся на имя Манго, обратился почему-то ко мне, и голос его прозвучал странно хрипло.

— Натис...

— Чего? — я сонно повернула к нему голову.

— Ты странно себя ведёшь.

— Чём странно?

— Ну, ты одна, а нас здесь пятеро. И подол у тебя задрался выше колен...

— И что? — До меня не доходило.

— Как что? — Начал злиться Манго — Ты не боишься?

— Чего? Ах, да... — наконец сообразила я. На мгновение задумалась, а затем стала укладываться поудобней — Не боюсь.

— Так доверяешь? — голос стал нехорошим, с издевкой.

Веришь — не веришь. Ну, прям как дети.

— Я решила, что больше никто не посмеет сделать мне больно. Такого человек я просто убью.

— Перережешь горло?

— Нет, просто очень сильно этого захочу, и он умрёт. Просто умрёт — я вдруг почувствовала поднимающуюся внутри силу, уверенность в своих словах и снова повторила, уже обращаясь ко всем — Просто умрут, сколько бы их ни было.

Нехорошо, конечно, сказала, ведь остальные молчали, но я решила, что так будет лучше. Раз молчат — значит, думают так же. Или ещё не определились и ждут моих ответов. А теперь у нас ясность — они помогли мне выбраться из города, и я им за это благодарна. А вот дальнейшие отношения... Позволят завтра идти с ними — спасибо. Выгонят за такие слова — пойму и не обижусь. Втихушку прирежут... Ну, что ж, значит такая у меня судьба. Но пока я жива, больше никто не посмеет сделать мне больно...

Подождала немного, но больше вопросов не последовало. Смотрели внимательно, оценивая, но вроде без враждебности. Я снова завозилась, устраиваясь поудобнее.

— Спокойной ночи.

Никто не ответил, но я не особо и расстроилась. Спать хотелось просто нестерпимо...

Ночь, как ни странно, прошла спокойно. И утром никто мне слова не сказал. Быстро позавтракали, быстро собрались, и снова в дорогу. Мужчины почти не разговаривали, словно понимали друг друга и без слов. Да и чего там понимать? Что надо костёр разжечь, кашу сварить, осла запрячь? А если они уже долгое время вместе, то переговорили, наверное, уже обо всём. Из новостей — только я, но после тех слов, что я сказала, на мне можно поставить крест (в смысле ухаживаний и всего остального). Так зачем тратить время на недотрогу? Меня же наоборот, такое положение дел как раз устраивало. Конечно, я бы с удовольствием поболтала с какой-нибудь девчонкой, но и обычное молчаливое путешествие меня вполне устраивало. Главное — убраться подальше от города, где меня наверняка уже ищут, а уж с кем ехать... Взяли с собой — и за то спасибо!

Солнце стояло уже высоко иначало чувствительно припекать. Да ещё поднялись рано, да ещё прогулка на свежем воздухе. Завтрак был лёгким, а обеда что-то не предвиделось. Все шагали лёгким упругим шагом, и мне, едущей на повозке, начинать капризничать и требовать еду было как-то стыдно. В животе начало урчать, то я терпела — надо ведь и совесть иметь — взяли с собой, даже кормят иногда.

Но когда в очередной деревне, через которую проходил наш отрядик, Мармук повернул к большому дому, от которого доносились откровенно вкусные запахи, я торопливо соскочила и чуть не обогнала всех. Пусть думают что хотят, но за столом стучать ложкой я буду первой!

Осла привязали у входа, двинулись к дверям и нос к носу столкнулись с ещё одним отрядом наёмников. Во всяком случае, я поняла этих людей именно так. Пять крепких мужчин в стандартной одежде местных солдат-наёмников. Короткие сапоги, штаны из грубой ткани. Поношенные лоснящиеся кожаные куртки (или как вариант — кожаная безрукавка и рубаха). На широких поясах мечи и обязательный кривой нож.

Я почти привыкла к такой «форме» и не обратила бы на них внимания — мало ли какие

люди встречаются в дороге, но шедший первым вдруг сделал удивлённо-радостный вид.

— Оба-на! Кого я вижу! Мармук! А я уж думал, что тебя давно уже закопали где-нибудь в канаве.

Мармук остановился, внимательно оглядел говорившего.

— Не скажу, что сильно рад встрече, но видеть тебя живым всё-таки приятнее, чемдохлым.

Мужчины улыбнулись и как-то по-особому звякнули браслетами на запястьях в рукопожатии. Вроде мелочь, типа местного «привет», но остальные наёмники, внимательно наблюдавшие друг за другом, сразу расслабились — если начальники в приятельских отношениях, то и им вроде как делить нечего, если, конечно сам не нарвёшься.

В отличие от молчаливого и сдержанного Мармука, новенький, которого звали Женьма, был настоящим живчиком, который не мог стоять на месте и молчать больше нескольких секунд. Вроде о чём-то спрашивает, и тут же сам начинает рассказывать. Вроде разговаривает с Мармуком, но так громко, что все вокруг всё слышат. Тут же представил свою команду, откуда и куда идут, и какие цены на услуги наёмников в ближайших городках. Как такой человек мог кем-то командовать, было выше моего понимания. Наконец он немного выговорился и удосужился спросить Мармука:

— А вы сейчас куда?

Мармук коротко бросил:

— В замок Большое Гнездо, к барону Мику.

Женьма сразу посерьёзnel и понимающе кивнул.

— Ожидается заварушка?

— Обещали заплатить и неплохо, а там...

Женьма задумчиво глядел на Мармука, как будто тот ещё что-то говорил ему без слов, потом внимательно, оценивающе оглядел наш отряд. На мне задержал взгляд.

— Попутная халтура? — хмыкнул он.

— Да нет — Мармук неопределённо пожал плечами — Прибилась.

Женьма сразу оживился.

— А вы неплохо устроились — все удобства и удовольствия с собой. И как она?

Мармук чуть нахмурился.

— Не знаю, не пробовал.

— Дорого просит или — Женьма деланно-удивлённо приподнял брови — до тебя ещё очередь не дошла? — Насладившись мрачным видом Мармука, уже более уверенным нагловатым тоном поинтересовался — Деньги у меня есть. Как думаешь, не откажет такому красавцу как я?

Мармук вдруг нехорошо улыбнулся.

— Спроси у неё сам.

Женьма кивнул и тут же сдвинулся ко мне. Последовало непонятное движение, и я вдруг осознала, что вокруг образовался круг молчаливых мужчин, а в центре я и предвкусно сменяю Женьма.

Для меня ничего не кончилось, и видимо никогда не кончится. Нравы здесь простые, и одинокая девушка просто обязана привлекать взгляды мужчин. И вариантов немного — сидеть дома и никуда не высываться; найти себе покровителя, который возьмёт разборки на себя, или учиться это делать самой. Плохо это или хорошо, но такого опыта у меня не было — мужчины всегда относились ко мне как к ребёнку, а в плохие компании я старалась

не ввязываться. Вот что мне сейчас делать? Кривляться и хамить? Здесь этот номер не пройдёт. Пытаться ругаться и драться, бить по «нежным» местам и царапаться? Против опытного воина это будет выглядеть просто смешно. Женьма — откровенный раздолбай, но плохим бойцом даже я его не назову. Неужели придётся убивать и снова пускаться в бега?!

Между тем Женьма распаялся всё больше (на совершенно пустом месте, если честно). Вокруг столько крупных, упитанных женщин, а ему вдруг приспичило добиться меня?! Шутовски поклонился, потом, расставив руки, покрутился, демонстрируя себя.

— Ну что, красавица, договоримся? Если бесплатно, то я порадую тебя не один раз...

Окружающие мужики хмыкнули и с интересом уставились на меня, ожидая моей реакции. А я, непонятно каким чувством, вдруг заметила у него на шее одну нехорошую точку. То ли индивидуальная особенность, то ли застрявший кусочек металла, но от него исходила какая-то волна напряжённости.

Повинуясь бессознательному порыву, я поманила Женьму нагнуться ко мне. Упрашивать не пришлось. Мужики вообще дуреют, когда приспичит пообщаться с женщиной. Вот и этот с готовностью наклонился ко мне, а когда я положила руку ему на шею, то и вовсе расплылся в улыбке. Хотел было обнять меня, но я уже нащупала его больную точку. Странное образование размером со среднюю пуговицу. И боль она могла причинить не от удара, не от сдавливания, а когда её «вытягивали» из тела. Пальцы у меня тонкие, но иногда могут уцепить не хуже щипчиков. Шея у Женьмы была мускулистой, но и я не собиралась ломать или откручивать её. Просто нащупала «болячку», зацепила и потянула наружу.

Женьма не дёргался и не орал. Глаза помутнели, лицо странно исказилось, и он мягко опустился передо мной на колени. Даже в таком положении он был чуть выше меня. Так мы и стояли. Мир вокруг будто исчез, сократившись до нас двоих. Странное оцепенение охватило меня. Я причиняла боль, чувствовала её и не могла решить что делать дальше. Чувствовала, что делаю плохо, и совершенно не раскаивалась в этом. Почему-то казалось, что именно такая мера боли нужна для Женьмы — не мало, но и не много. Как выпороть ребёнка за проступок. Жалко, но сделать это надо, иначе потом будет ещё хуже. Только где та грань, за которой причиненная мною боль станет ещё большим злом?

Где-то далёко-далеко раздался немного знакомый голос.

— Натис, не убивай его!

Я удивилась, не понимая, кто говорит и о чём. Снова раздался голос.

— Натис, не убивай его!

Я удивилась ещё больше. Отпустила шею Женьмы, и он мягко осел. Глаза начали проясняться и наполнились недоумением. Я провела ладошкой по его лбу, убирая мгновенно намокшие волосы.

— Не обижай меня больше! Иначе в следующий раз я не смогу сдержаться.

Ещё большее недоумение в глазах, но мне это уже неинтересно. Я ему не мамочка.

Туман вокруг начал рассеиваться и я с удивлением огляделась по сторонам. Внешне ничего не изменилось — плотное кольцо мужчин вокруг, только вот взгляды странные. То на меня, то на стоящего передо мной на коленях наёмника.

А ведь меня сейчас будут убивать — вдруг отрешённо поняла я. Правосудие будет коротким — любой может свернуть мне шею одним движением. Даже удивительно, что они не сделали этого сразу, как только наёмник упал на колени. Или они восприняли это как один из вариантов местного ухаживания?

Но задержка объяснилась просто — все ждали объяснений Женьмы. Тот встал, отряхнул колени. Чуть качнулся, но смог встать прямо. Бросил взгляд по сторонам, на меня, потом смог выдавить из себя улыбку.

— Так бы сразу и сказала, что голова болит! — видимо, это была какая-то местная шутка, потому что остальные мужики заулыбались. Уже более уверенно Женьма приосанился — А нормальная девка мужикам досталась! От одного запаха её тела даже ноги подкосились!

Мужики смотрели на меня уже одобрительно, а у парочки в глазах появился откровенный интерес. Но Женьма не стал пускать ситуацию на самотёк.

— Ладно, Мармук, приятно было повидаться, но у нас свои дела.

Они снова звякнули браслетами в рукопожатии.

Расстались вроде без скандала, но, отойдя метров на десять, Женьма оглянулся. Смотрел без злобы, с некоторым недоумением, будто до него только сейчас в полной мере дошел смысл произошедшего. Он будет улыбаться, шутить, но... если мы встретимся один на один, мне придётся его убить, вдруг осознала я. Или он убьёт меня.

Обедать в таверне мы, разумеется, не стали. Мармук отвёл нас на несколько километров от деревни, и только убедившись, что нас не преследуют, объявил привал. Да ещё и часового выставил. Я помалкивала, понимая, что причина таких предосторожностей именно я, и только когда поели, решилась задать мучивший меня вопрос.

— Мармук, а почему ты попросил меня не убивать Женьму? Пожалел его или не хотел общей драки?

Мармук покосился на меня.

— Я ничего не просил.

— Ну как же, — опешила я — Сказал два раза, да ещё так громко.

Мармук посмотрел мне прямо в глаза.

— Натис, ты начинаешь пугать меня всё больше. Я *ничего* не говорил. Я только *подумал*. Неужели я начинаю слышать мысли, даже не желая этого? Но надо выяснить всё конца.

— А почему ты так подумал?

Мармук снова взялся за ложку.

— Потому что Женьма ни перед кем и никогда не встанет на колени по доброй воле. А когда вы замерли, глядя друг другу в глаза, я вдруг вспомнил твои слова, что ты никому не позволишь себя обидеть. И про того мужика, которого ты тоже заставила встать на колени и перерезать себе горло. Вот и подумалось. Теперь всё?

Оставалось только кивнуть.

Снова дорога, тряска, жара. Вечером, укладываясь спать, поймала на себе взгляд Манго. Остальные мужики вроде успокоились, во всяком случае, смотрели на меня если не равнодушно, то хотя бы нейтрально. А этот... Рыжий, конопатый крепыш, почему-то вызывавший ассоциации с викингами. Я никогда их не видела даже на картинках, но про этого сразу решила — викинг. Самый настоящий. И смотрел он на меня не как на женщину (хоть и пытался приставать в первый вечер), а скорее как мальчишка на забавную зверюшку. Есть у некоторых из них такая нехорошая черта — найти более слабого, ткнуть палкой, кинуть камнем, а потом посмотреть, как зверюшка будет скулить и визжать от боли. Вот и у Манго был похожий взгляд, будто он присматривался — куда побольнее ударить. Не со зла, нет. Просто равнодушное к чужой боли любопытство. И ведь он не отстанет, пока не удовлетворит свой интерес. Или я... Или пока я не сделаю что-то такое, что напрочь отобьёт

у него желание связываться со мной. Осталось только придумать — что именно я могу сделать. Влюбить в себя? Глупость. При местной простоте нравов он скорее завалит меня под ближайшим кустом, а потом ещё и похвалится перед остальными. Попробовать показать ему свою силу? Только какую? Драться я вообще не умею. Остается только убить своими мыслями, когда он следующий раз полезет, а я разозлюсь. Но надо ли мне это? Это ведь не его вина, что он такой уродился и живёт в полном соответствии с местными представлениями об отношениях между мужчиной и женщиной. Плюнуть на всё и уйти куда глаза глядят? Только что это изменит? При встрече с другими мужиками проблемы будут те же самые. Ну, разве что повезёт встретить местного прЫнца, он в меня безумно влюбится и начнет защищать от всех невзгод. Я даже хмыкнула. И на Земле прЫнцев можно встретить только в сказках, а уж здесь... Я не обольщалась. Так что всё придётся делать самой. Нравится или нет, но драться всеми возможными способами, вплоть до убийства.

Я замерла, стараясь не потерять вдруг промелькнувшую мысль. А почему, собственно, я обязательно должна убивать, чтобы защитить себя? Если у меня получается внушать другим желания и подавлять волю, заставляя совершать ужасные поступки, вплоть до собственного убийства, то кто мешает мне просто внушать ужас? Ведь у каждого есть спрятанные страхи и фобии, начиная от боязни темноты и кончая ужасом перед самыми безопасными насекомыми. Правда, для этого придётся лезть в чужие головы, да и время для этого нужно, но ведь и это не обязательно! Достаточно внушить, что он видит или слышит что-то ужасное. Какие-то шорохи, скрипы, царапанье огромных когтей. А можно внушить, что люди видят чудовищ, приближающихся к ним. Каких-нибудь хищников, мертвецов, привидений. Уж с этим проблем не будет, усмехнулась я. Сколько фильмов пересмотрено, сколько книг прочитано. Изобразить того же Чужого, у любого душа в пятки уйдёт. Правда, есть нехороший момент — ведь это только видения. Любой смелый человек, не верящий ни в бога, ни в чёрта, может броситься в бой и сразу поймёт, что его обманывают и показывают картинки.

Я помрачнела — хорошая идея накрылась тазом. Но подумав, решила, что не всё так плохо. Вроде в психологии описаны случаи, когда сильное внушение оказывает вполне реальное воздействие. Вернее, организм реагировал как на реальное физическое воздействие. Достаточно сказать, что приложенная к руке монета раскалена, и у внушаемого человека вздуется волдырь как от ожога. Вполне возможно, что на иллюзию льющейся в горло воды (или верёвки, сжимающей горло) он среагирует как на реальные воду и веревку, и просто задохнётся. Можно приказать оглохнуть, ослепнуть, перестать чувствовать ноги, руки. Да в конце концов, человека можно просто усыпить! И никакой крови, никаких убийств. Вот только надо подумать — должны ли мои жертвы помнить, кто и что с ними сделал? Меньше известность — меньше желающих свести со мной счёты. С другой стороны, если будут бояться, то достаточно сказать своё имя, и у большинства пропадёт всякое желание со мной связываться. Надо подумать. И потренироваться.

Думала я (и очень старательно) до глубокой ночи. Все уже спали (кроме Манго, оставленного часовым) а я всё пыталась стать «великой и ужасной». На словах это просто — представить себе какой-то звук, и добиться, чтобы остальные его слышали. Только вот почти сразу выяснилось, что у меня нет никакого музыкального слуха. Вернее, я и до этого знала, но оказалось, что я не могу представить в уме даже простейший звук. Вот у музыкантов это запросто. Внешне — что-то бубнят себе под нос, а в голове играет целый симфонический оркестр. И они даже могут записать это нотами, чтобы другие могли

сыграть это в реальности! А я... Не, если я раньше слышала какой-то звук и видела его причину, то потом обязательно узнаю. А вот изобрести свой, да ещё правдоподобно, во всех подробностях... Промучившись, я почти разуверилась в себе — звуки — это точно не моё. Вполне ожидаемо, но обидно до слёз.

Стала укладываться спать, но появилась новая идея. А зачем, собственно, что-то изобретать, если можно просто копировать чужие звуки? Я снова уселась, стала прислушиваться, но окружающий лес, как назло, будто вымер. Ни пения птиц, ни стрекота цикад ни привычного шума листьев. Я вслушивалась всё более сильно (если можно так сказать) и начала словно растворяться в окружающем лесу. Вскоре я даже различила шепуршание мышей в опавшей листве метрах в пятидесяти от меня. Но не буду же я пугать людей царапаньем мышиных лапок?!

И вдруг, словно пушечный выстрел над ухом, треск и щелчки нашего собственного костра. Он был малюсенький, почти прогорел, но в моём нынешнем состоянии звук показался таким громким, словно рядом горел огромный костёр. И звук врезался в память. Я выпала из своего транса, но звук запомнила. Посидела, приходя в себя, затем решила попробовать перенести его в глубь леса. Снова настроилась, выискивая звуки, потом очень-очень ясно представила — вон там, за отдельной густой группой деревьев метрах в ста от нас, горит костер. Вот он горит, горит, и... я так ясно представила звук, что даже сама вздрогнула. Краем глаза заметила, что и Манго вздрогнул. Замер, осторожно огляделся, прислушиваясь. Как только он немного успокоился, я снова повторила свой фокус, да ещё и два раза. Нервы у Манго не выдержали — посомневавшись, он разбудил Мармука, что-то ему сказал. Тот разбудил ещё двоих, и они уже вчетвером, крадучись, ушли в лес (видимо проверять — кто это расположился рядом с нашей стоянкой). Когда они вернулись, я уже не видела. Я спала со счастливой улыбкой, как ребёнок, которому подарили большую вкусную конфету.

Удачная шутка с «шорохами» добавила мне уверенности в себе и хорошего настроения. Всё утро я улыбалась как дура, не обращая внимания на несколько удивлённые взгляды наёмников. И позавтракала, не обратив внимания на то, что было в тарелке. Но как только тронулись в путь, и я, предоставленная себе, задумалась о дальнейших экспериментах, то настроение мгновенно испортилось. Ведь вроде просто — сделать так, чтобы на меня не обращали внимания или (в идеале) вообще не видели. Но как это сделать практически? В кино, если верить тому, что показывают, делается просто — тот предмет (фон, одежду, человека) окрашивают в редко встречающийся цвет. А дальше чистая физика — соответствующий светофильтр на объектив, и предмет, фон становятся невидимыми. Если перенести на меня и мои возможности, то мне вроде как надо сказать (внушить) человеку, что он меня не видит, как бы покрасить себя невидимой краской. Но чтобы сделать такое, мне, получается, надо залезть к нему в мозги, увидеть его взглядом себя саму, приказать запомнить и больше не видеть. Но если это как-то теоретически возможно в случае, если мы в спокойной обстановке, я не двигаюсь, то что будет, если я пошевелюсь, двинусь? Снова считать образ и запрещать его видеть? А если передо мной несколько человек и каждый видит меня под разными углами освещения, с разных ракурсов? Как мне внушать нескольким врагам одновременно? Да та же «мелкая» проблемка наличия тени? Народ здесь простой, привычный к опасностям, а потому очень наблюдательный, и уж появление тени, не имеющей «хозяина», однозначно заинтересует. Приказывать не видеть тень? А если несколько источников свет и теней соответственно много? А если поверхности разные, и

отражение тоже разное, тогда как? Чем больше я думала, тем больше проблем и нюансов выявлялось. Во всяком случае, чисто технически, в лоб, решение не просматривалось. Уже ближе к вечеру я сдалась — пока такие фокусы не для меня. Вот если бы мне какие-нибудь магические штучки, артефакты, заклинания невидимости... Но всё это сказки. Может и не сказки, но где-то очень далеко и для меня однозначно недоступное.

Вечером, проглотив свою долю каши, отошла в сторонку и снова принялась искать выход из положения. Значит, приказать меня не видеть я пока не могу. Может и могу, но не представляю, как это делать правильно. Значит следующий возможный шаг — отвлечение внимания. Со звуками у меня получилось почти сразу, пора попробовать что-нибудь визуальное. Если вспомнить тех же нинзя, то они бросали всякие световые бомбочки. А что, яркая вспышка, и пока все проморгаются, уже можно скрыться. И никто не подумает о моих каких-то особых способностях — мало ли какую хитрую химию кто придумал. И сделать это будет относительно просто — взрыв и вспышку можно показывать всем одновременно и одинаково — шар — он с любой стороны выглядит шаром.

Мысли плавно свернули на круглое — наверное, самое простое и понятное для изображения. Только вот словами «перед тобой взорвалось что-то круглое и яркое» мне не обойтись. Неизвестно, знает ли человек, что это такое — взрыв? И круглое и яркое — для каждого своё. И как он на это среагирует — может он всю жизнь мечтал посмотреть на жёлтый шарик, солнце в миниатюре? Значит мне самой для начала надо очень отчётливо, до мельчайших подробностей, представить нужный образ, и лишь затем передавать его окружающим.

Чем больше думаешь, тем больше проблем. Наверное, так в любом деле — посторонний видит только внешнее, конечный результат, даже не подозревая о бессонных ночах изобретателя, куче сложнейших формул, которые использованы, чтобы добиться нужного эффекта. Вот и мне предстоит подобное. Наверняка есть люди с похожими способностями, и наверняка все мои проблемы давным-давно решены и записаны в виде правил в толстой книжке. Только где она, эта книжка?

Но делать нечего, придётся до всего доходить самой.

Усевшись поудобней в позу лотоса (вроде бы это способствует концентрации внимания и правильному прохождению каких-то там энергий), положила руки на колени ладошками вверх. Несколько раз глубоко вздохнула, настраиваясь. И... Хрен его знает, что должно быть дальше. Закрыв глаза, попробовала представить себе сверкающий белый шарик, но я никогда не видела его в природе, и получилось нечто мутное и расплывчатое. Вот как представить себе то, чего никогда не видел, да ещё и во всех подробностях?! Помучившись, решила представить что-то более реальное. На память почему-то пришёл мыльный пузырь. А что, круглый, много раз виденный. Помнится, в детстве не одну пачку мыла извела на это баловство. А если добавить некоторые особо секретные ингредиенты, то результат резко улучшается. Я даже улыбнулась своим воспоминаниям, и легко воспроизвела в памяти один из удачных экспериментов. Вроде нормально помню. Но в моём воображении он просто висел в пустоте, сам по себе, а должна «увидеть» его как реальную деталь окружающей обстановки.

Вздохнув, открыла глаза. Вокруг слишком много отвлекающих мелочей, а мне нужно быть очень сосредоточенной и внимательной. Как же мне это сделать? Оглядела свою ладошку. Может сделать это игрой? Ладошка — баночка с раствором, палец — трубочка. Осталось выдуть из него пузырь. Глупо и смешно, но это и в самом деле помогло мне

настроиться. Вдохнув, я задерживала дыхание, как бы собирала его у себя внутри в комочек, а потом пыталась как бы протолкнуть через тело, руку, к пальцу. Странное и щекотное ощущение. Комочек получался беспокойным, и всё время старался исчезнуть, раствориться, убежать куда угодно, только не туда, куда надо мне. Но не на ту попал! После десятка неудачных попыток я всё-таки заставила его подняться до шеи, потом пройти по руке, по пальцу, и наконец этот смешной комочек моего дыхания начал просачиваться через кончик пальца, и там появился маленький, всего пару сантиметров диаметром, мыльный пузырь. Ощущение — бесподобное! Я почувствовала себя самой великой иллюзионисткой этого мира. Вот что значит подойти к проблеме с неожиданной стороны, выбрать нестандартное решение! Вместо того чтобы рисовать «головой», я просто представила ощущения тела, что было гораздо проще, а результат нарисовался уже как бы сам собой.

Шарик растаял через несколько секунд, но я совершенно не расстроилась — получилось раз — получится ещё. Как говорится, главное — *прочувствовать* движение. Уже более уверенно стала экспериментировать ещё. Оказалось, что шарик двигался легко только по «проторенной дорожке». Один раз пройдя по руке, он как бы запоминал (или расчищал) себе путь, а вот направить его в другой палец было уже труднее. Приходилось ему помогать, подталкивать. Направить в другую руку — снова трудно, снова надо помогать. Но, прочистив дорожки в пальцы, я решила пока на этом остановиться — для шариков мне и рук-пальцев хватит, а к чему применить остальные части тела? Во лбу вроде можно сделать третий глаз, который обладает волшебными свойствами. Или звезду как у Царевны Лебеди из сказки, но я пока без такого украшения обойдусь. Я даже немного похихикала, представив, как я, заморыш в обносках с чужого плеча, гордо и важно шествую среди людей, сверкая цветным прожектором посреди лба. Почему цветным? Не знаю, но почему-то я увидела себя именно такой. Ну, уж нет, без такого «отвлекающего фактора» я как-нибудь обойдусь.

Передохнув немного, начала пробовать уже непосредственно с мыльным пузырём. Размер менялся очень просто — достаточно было правильно дозировать количество дыхания, надувая его. Вскоре шары стали получаться на загляденье — размером с футбольный мяч, колыхающиеся от каждого движение руки и переливающиеся всеми цветами радуги. И исчезали уже только когда я стряхивала их с пальцев, а некоторые даже успевали пролететь несколько метров, прежде чем беззвучно лопнуть.

Я с увлечением пускала пузыри, и мне даже в голову не пришло, что мои опыты могут быть интересны не только мне. Наёмники сидели у костра, неспешно болтая о своём, я чуть в стороне, но вот Ксанф (его имя я запомнила потому, что он чаще остальных вел осла за повод) чуть отодвинулся от остальных и теперь внимательно и чуть растерянно наблюдал за мной.

В первый момент хотела даже заругаться на излишнее любопытство, но потом обратила внимание, что он смотрит не на моё лицо, а на мои руки. Я их тоже оглядела — ничего особенного, маленькие, грязные, как и должно быть при путешествии в таких условиях. Думала, что Ксанф отвернётся, но тот по-прежнему смотрел то на мои руки, то на лицо. Наконец я не выдержала.

— И чего уставился? На мне что-то интересное нарисовано?

Ксанф вздрогнул, будто просыпаясь ото сна, но смущаться и не подумал.

— Натис, что это было?

— Что *это*?

— Ну, эти переливающиеся шары, которые появляются у тебя на пальцах.

Я растерялась. О чём он говорит? Я же тренировалась «для себя», тренируя своё воображение! Как он мог что-то увидеть, ведь я никакой команды не посылала и ничего никому не приказывала! Или это мне не нужно, и если я что-то сильно представлю, остальные увидят это без всякого приказа?! Засомневавшись, я сделала новый шар и показала на него глазами.

— Ты об этом?

Ксанф быстро закивал.

— Да об этом. А что это?

— Как что? — не поняла я — Мыльный пузырь.

— А что это?

— Как что? — я уже начала злиться на его непонятливость, но тут до меня дошло, что те обмылки, к которым мне повезло прикасаться, грязь смывали (хоть и плохо), а вот пены от них почти не было. И для обычного наёмника полежать в пенистой ванне, поиграть с мыльными пузырями, наверное, такое же недоступное удовольствие, как и для меня... теперь. Даже если он и знает про мыльные пузыри, то может заинтересоваться — где я, посреди леса, умудрилась достать такое хорошее мыло?

Осторожно подбирая слова, я попыталась уйти от таившего неприятности объяснения.

— Это... иллюзия. Фокус.

Ксанф не стал вдаваться в подробности, но явно заинтересовался.

— А ещё что-нибудь умеешь? Покажи.

Надо было отнекиваться, свести всё к шутке, но мне самой стало интересно — а что я ещё могу? Тем более, что один человек вроде бы мои «выдумки» видит. Неизвестно как, почему, но видит. Посомневавшись, решила изобразить однажды виденное по телеку. Смысл простой и почти понятный. Шар, вокруг него ещё один, прозрачный, наполненный каким-то газом. К шарам подводится высокое напряжение и между ними появляются разряды в виде синеватых извивающихся молний. Вот я и решила представить себе такой шар (как самую простую форму). Сам шар получился быстро, но этим всё и ограничилось. Обычный, чёрный, невзрачный. А вот синие разряды не хотели появляться ни в какую. Вроде представляла очень ярко, но молнии не желали появляться, хоть тресни. Наверное, надо было добавить второй шар (внешний), напряжение (о котором я не имела ни малейшего представления), но я ведь не собиралась устраивать физический опыт! Почему мыльный пузырь получился, хотя я понятия не имею о физических законах, по которым он сохраняет форму и переливается всеми цветами, а этому нужно что-то ещё? Рассердившись, я сделала по рабочее — крестьянски, в лоб — представила в шаре множество мелких дырочек, через которые выходит моя сила-дыхание. Как ни странно, но это сработало. Шар превратился в покрытую синеватыми колыхающимися щупальцами медузу и поплыл от меня в сторону. Получилось совсем не так, как я хотела, но хоть что-то.

Ксанф проводил взглядом тающий шар и чуть снисходительно произнёс:

— Ну, это не так интересно, как в первый раз. Да и ощущение от него — он вдруг передёрнул плечами — какое-то неприятное. Лучше покажи что-нибудь красивое и яркое.

Посомневавшись, сделала новый шар, но теперь представила, что внутри загорелось пламя. Получилось замечательно — я подкинула шар, и маленькое солнце плавно поплыло над поляной, заливая её тёплым светом. Теперь на мои фокусы обратили внимание уже все наёмники, провожая взглядами необычный светильник. Вокруг стало светло как днём, а Манго вдруг кинулся к лесу, и вскоре вернулся, торжествующе держа в руках какую-то

железку.

— Уф, а я уж думал, что потерял насовсем — бросил он остальным, усаживаясь на свое место.

На этом, собственно, всё обсуждение и закончилось. Разве что Мармук, наблюдая за медленно гаснущим светом, с сомнением протянул:

— Неплохая игрушка. Может когда и пригодится.

Для первого раза результат можно было считать очень даже неплохим, и больше экспериментировать яне стала. Да и усталость навалилась, если честно. Мужчины потеряли ко мне интерес и я, быстренько размотав скатку, улеглась возле костра. Немного покрутилась, устраиваясь поудобней, и сразу поплыла, погружаясь в сон. И вдруг меня обожгло — что-то не так. Что-то совсем не так.

Быстренько перебрала в памяти события вечера. Вроде всё нормально — научилась делать шарики, мужчины их увидели, что ещё надо? Но сомнения не уходили. Еще раз перебрала все мелочи, прислушиваясь к ощущениям, и вдруг дошло — наемники не стали задавать вопросов, посчитав моё «солнышко» непонятной игрушкой, но Манго повел себя неправильно, будто на поляне и в самом деле стало светло как днём! А вот этого не могло быть в принципе! Я ведь создавала *иллюзию, образ*, и мужчины должны были увидеть только яркий шар, а не настоящее солнце. Или мое невольное внушение повлияло так, что у Манго обострилось зрение? С какой стати? Да и когда он бросился к лесу, я ведь тоже видела всё вокруг до последней травинки. Но не так, словно у меня появилось суперострое ночное зрение, а будто и в самом деле наступил яркий полдень. Так что произошло? Что же я сотворила на самом деле? Хорошую иллюзию, невольное внушение или что-то ещё?! Настроение резко упало — не, с моими непонятными способностями надо быть поосторожнее. Мало того, что я могу убить, просто сильно пожелав этого, так и ещё что-то могу сотворить, даже не имея представления что? А если сотворю нечто страшное, сама того и не желая? Ну уж нет! Неприятностей мне пока хватит, и без новых я как-нибудь обойдусь. Так что с этой минуты если и что и пробовать, то по возможности не рядом с наемниками, и как можно осторожнее. Мудрое решение для любого дела, но я додумалась до этого только сейчас. Стало немного спокойнее, и, покрутившись ещё немного, я быстро уснула.

Дорога становилась всё хуже и уже. Сначала было четыре «полосы», потом три, две, а теперь иногда и две повозки разъезжались с трудом. Вместо покрытия из плит теперь зачастую это была обычная булыжная мостовая (в лучшем случае). Ехать по ней можно довольно быстро, но буквально вытрясало душу, и вскоре я уже предпочитала идти пешком наравне с остальными. «Наравне» — это, конечно, слишком сильно сказано. Мужчины шли внешне неторопливо, но когда я пыталась их догнать, получалось смешно. Широкие шаги мужчин и моя семенящая походка. Я даже посильнее разодрала подол платья по бокам (чтобы не мешало шагать), но помогло это не очень. Десять минут — и я начинала задыхаться от усталости. Приходилось снова забираться на повозку, чтобы совсем уж не отстать. Но я дала себе слово — я должна научиться всё делать сама, и не хуже чем остальные. Даже такое внешне простое дело как ходьба. Мужчины ясно показали — я для них всего лишь «приблуда». Хлеба кусок дадут, а вот всё остальное — будь любезна сама.

Сосредоточится и немного потренироваться в наведении иллюзий удавалось только на стоянках. Правда, приходилось бороться с усталостью, бесполезными мыслями о моём возможном будущем. Поэтому и результаты на первых порах были весьма скромными, пока я случайно не обнаружила удобный для меня вариант «настройки». Я ведь как пробовала —

смотрела по сторонам и пыталась «вставить» в окружающий мир новый предмет, изображение. А в тот, удачный для меня, день налетел ветер. Порывы были настолько сильными, что меня буквально шатало. И в какой-то момент я решила не сопротивляться, а «слиться» с ветром. Странное и очень необычное ощущение. Ветер перестал толкать мое исхудавшее тело — я сама стала ветром. Мягкое движение руками, и вокруг меня закрутились мелкие вихри. Раскинув руки, закружилась словно в плавном танце, и ветер вместе со мной закружил по поляне, поднимая сухие листья и пыль. В какой-то момент даже появилось ощущение, что ещё немного, и я просто полечу без всяких крыльев и моторов. Но я испугалась. Я откровенно испугалась этого нового чувства, слишком уж острым и неожиданным оно было. А ещё в памяти всплыли невнятные ужасики из прошлой жизни о людях, которые по неопытности так погружаются в транс, что потом их не могли оттуда вывести, и они остаются до конца жизни в состоянии, напоминающем кому. Вот об этом я совершенно не мечтала. Да и где я могу применить иллюзию порывов ветра? С трудом, словно ветер уже стал частью мне, всё-таки смогла выйти из этого странного состояния. Но ощущение единения запомнила.

Теперь я смотрела вокруг совершенно другими глазами. Качнулась ветка — я пыталась представить — как это — гнуться под порывами ветра. Пролетела бабочка — я сам словно обретала крылья. Игра, дающая невероятные ощущения. А потом у меня получилась и первая полезная иллюзия.

На очередной обеденный привал расположились на очень интересной поляне. Интересной для меня. Вроде обычный лес, но вот трава была совершенно необычная. Зелёная, как на картинке, сочная, гибкая, упругая, ровная, словно её недавно подстригли. Я осторожно провела по ней ладошкой и поразилась той готовности, с которой она откликнулась на мою ласку, словно давно ждала меня. Уже привычно я расплылась, сливаясь ощущениями с этой удивительной травой. На этой поляне ей было хорошо. И земля вкусная, и родник недалеко дарил очень вкусную воду, и окружающие деревья почти не загораживали солнечный свет. Постоянное ощущение безмятежного счастья. Только почему-то её побаивались. Непонятно почему, но побаивались. И мало кто решался наступать на неё. Поэтому и росла такой сочной и зелёной. Я снова ласково провела ладошкой, и трава вокруг пошла волнами от удовольствия. Разумеется, всё это было только моими глупыми фантазиями, но мне это тоже было приятно.

Мужчины тоже не стали топтать поляну, а устроили костёр на самом краю, у деревьев. Ровная как ковёр трава породила новую фантазию — я вдруг представила, что через поляну к ним идёт кто-то большой и тяжёлый. Трава в моём воображении послушно выполняла желание. Ей было нетрудно пригнуть отдельные травинки и даже чуть любопытно — зачем мне это, если я и сама могу это сделать (пройтись по ней). А у меня перехватило дыхание — у противоположного края поляны появился отпечаток большой лапы, потом ещё, ещё и цепочка следов потянулась к мужчинам. Меня интересовала только правдоподобие, но оно оказалось даже излишним. Тернак, сидевший чуть сбоку, неожиданно вскочил и нанес своим мечом несколько рубящих ударов по чему-то невидимому. Остальные тоже вскочили и сбились в круг, ошетилившись мечами. Это было настолько неожиданно, что я даже немного испугалась. Торопливо шепнула траве: «Потом ещё поиграем» и отключилась от её образа. Следы на траве, которые я себе нафантазировала, мгновенно исчезли.

Когда я торопливо подошла к мужчинам, на меня почти не обратили внимания — все

настороженно смотрели по сторонам. Только через несколько минут Мармук негромко спросил Тернака:

— Что случилось?

Тот медленно опустил меч.

— Не знаю. Краем глаза заметил какое-то движение, а потом понял, что по поляне к нам кто-то идёт. Следы крупные, шаг не меньше метра. Решил, что у меня крыша едет, но следы были всё ближе и ближе. И тогда я решил не рисковать — мало ли какая нечисть бродит по местным лесам. Бил точно, как учили, но разрубил только воздух.

— И где же эти следы?

Тернак мрачно сплюнул.

— Можешь не верить, но я их видел!

Ругаться и выяснять отношения не стали. Двое стояли, внимательно следя за окрестностями, а остальные быстро поели. И задерживаться не стали. Мужчины были мрачными, и только я тихонечко попискивала от торжества — у меня что-то получилось! Я первый раз сделала осознанную иллюзию! И в неё поверили без всяких моих подсказок! А самое главное — я кажется поняла, *как* это надо делать!

Жизнь начала обретать если не смысл, то хоть какой-то интерес. Теперь я каждую минуту покоя и отдыха старалась использовать для одного — видеть и слушать окружающий мир. Если замечала что-то интересное, то пыталась «слиться». Ведь это так просто — чтобы получилась иллюзия, не надо ничего выдумывать! Надо просто почувствовать, а уж потом понять, что же ты хочешь представить. Получалось интересно и временами даже весело.

Совершенно по-другому считали наемники. Они и до этого шли как настоящие разведчики, настороженно прислушиваясь и всматриваясь в окружающий лес, а теперь ещё и я добавила им проблем. Ветка, которая вдруг начинала качаться при совершенно безветренной погоде. Птица, которая вдруг стала петь не своим голосом. Помню, как округлились глаза Саманта, когда он «увидел», как местный заяц, которого он собирался подстрелить из небольшого лука, вдруг встал на задние лапы, покосился на него, фыркнул и спокойно ушёл, всё так же на задних лапах. Я давилась от смеха, но прекрасно понимала Саманта — я бы тоже не рискнула связываться с зайцем, который ходит на задних лапах...

Последней каплей, в буквальном смысле этого слова, стала моя неудачная шутка с водой. Я уже третий день «впитывала» окружающий мир, многое было знакомо, и чтобы сотворить иллюзию, мне почти не надо было напрягаться. Короткое воспоминание, *как* это делается, и можно творить (в пределах физических ограничений). А тут нам на пути попала небольшая лесная речушка. Шириной метров пять, глубина от силы метр, но сейчас мне и это было интересно. Умывшись, уселась на берегу, болтая ногами в воде, а мужчины стали наполнять фляги, затем тоже присели передохнуть.

С водой наладить контакт почему-то не получалось. Я чувствовала её до последней капли, но именно как капли, собравшиеся вместе. Каждая жила своей жизнью, знала и повидала много интересного, но вместе они напоминали толпу на стадионе. Каждый старается сказать что-то своё, кто-то смеётся, кто-то плачет, кто-то песни орёт. А для стороннего наблюдателя — глухой шум, в котором невозможно ничего разобрать. Промучившись, и так ничего и не поняв, я неожиданно рассердилась — да что же это такое! Все меня слушаются, со всеми получается, а в простенькой речушке будто тысячи непослушных детей собрались! Схлопнула ладошки, собирая их вместе и заставляя слушаться. Эффект получился совершенно неожиданный — воду с ближайших десяти метров

будто стянуло в пятиметровую вертикальную волну, обнажая дно речушки. Руки неожиданно отяжелели, словно мне сунули огромную бултыхающую бутылку. Не удержав её, качнула руками, и волна послушно повторила движение, обрушившись на берег как раз перед сидевшими мужиками. Можно было посмеяться над ними, бросившимися врассыпную, но мне было не смеха — я опять сделала что-то не то. Эффектно, красиво, неожиданно, но я этим совершенно не управляла. Во всяком случае, я не планировала заранее, не представляла в деталях, я просто сдвинула ладони, а вода (или моё воображение) поняли это по-своему. Как я могла такое придумать, если никогда ничего подобного не видела и даже никогда не слышала?!

От нехороших мыслей меня отвлек Мармук.

— Натис, иди сюда.

Голос звучал с глухой угрозой, и я, как провинившаяся школьница перед грозным завучем, остановилась перед Мармуком.

— Натис, последние несколько дней вокруг нашего отряда творятся непонятные вещи. Сначала я решил, что в лесу появились новые звери, что я чего-то не понимаю. Но все странности начались с твоим появлением. И если необычные шорохи, звуки, тени, ещё можно как-то объяснить, то вот это — он кивнул в сторону речушки — я объяснить уже не могу. Или рассказывай в чём дело, или тебе придётся уйти — я не могу рисковать своими людьми.

Наверное, я перестаралась — наёмники стали мрачные и настороженные. Общее мнение подтвердил Ксанх.

— Или рассказывай, или уматывай!

Требование резонное, но что я могу им рассказать? Что я из другого мира, что я, наверное, экстрасенс, что у меня в знакомых пара богинь? Может просто посмеются над моим «враньём», а может и прибьют за него, посчитав издевательством. Осторожно подбирая слова, попыталась рассказать полуправду.

— Несколько месяцев назад в меня ударила молния — мужчины не отводили от меня взглядов — но я выжила. А через некоторое время совершенно случайно обнаружила, что если сильно разозлюсь, то могу делать очень нехорошие вещи. Например, убить. Убить, даже не прикасаясь к человеку.

Ксанх pokrutil головой и осторожно кашлянул.

— Так ты не обманывала тогда... у костра?

— Нет, не обманывала. Но я не хочу этого делать. Я вообще не хочу никого убивать. Но я всего лишь одинокая девушка, и мне надо как-то себя защищать. Вот я подумала, что если научусь делать иллюзии, которые будут пугать людей, то может мне и не придётся делать что-то ещё. Пока у меня получается плохо, но я стараюсь. Могу уже сделать иллюзию качающихся веток, ещё кое-что. А с водой у меня получилось случайно, я даже не поняла, что именно я сделала.

Маркук откровенно скептически показал глазами на речушку, вода в которой уже успокоилась, но была ужасно мутной от взбаламученного ила.

— Иллюзия, говоришь?

Я и сама не очень в это верила, но других объяснений у меня пока не было.

— Иллюзия — я постаралась, чтобы голос звучал уверенно — больше я ничего не умею.

Взгляд Мармука чуть смягчился.

— На вранье я тебя поймать не могу, а проверять, что же ты делаешь на самом деле,

совершенно не хочется. Мне вполне хватило тех ощущений, когда вода вдруг вздыбилась и обрушилась на берег перед нами. Такого я ещё не видел.

Мармук задумчиво разглядывал меня.

— Кто же ты на самом деле, девочка-заморыш, и чего ещё ждать от тебя?

Судя по тону, меня почти простили. И я совершила новую глупость. Очень уж захотелось оправдаться, показать, что не такая уж я и плохая. А может даже хорошая. Я чуть прикрыла глаза, вспоминая свои мечты, ощущения в счастливые минуты, когда мне удавалось что-то хорошее. В нескольких метрах от нас появилось туманное облачко, закружилось, уплотняясь и меняя очертания, и все увидели меня, идеальную, какой я хотела бы стать в своих мечтах. Рост стал сантиметров на тридцать выше, лицо — более взрослым, зрелым, что ли. Умный, чуть ироничный взгляд, лицо чем-то напоминало лицо богини Гернады. Пышные волосы волнами легли на плечи. Белоснежное платье из мягкой ткани приятно подчеркивало все округлости. И почему-то на самом видном месте, в ложбинке груди, ярко выделялся мой амулет богини (хотя я о нём вообще не думала).

Красивая, зрелая женщина, которая одним своим видом обещает радости жизни. Судя по улыбкам мужчин, достаточно нескольких слов, и они готовы будут выполнить любой приказ. Приятно хоть на несколько мгновений почувствовать себя владычицей чужих грёз, но...

Женщина заговорила мягким бархатистым голосом.

— Это не вся правда. Когда меня обижают, в минуты горя и ненависти я могу стать совершенно другой.

Я вспомнила свои ощущения в такие минуты, и контуры морока плавно поплыли, но на этот раз превращения были ужасны, совсем не такими, как я ожидала. Я хотела показать измученную женщину, которая хочет только покоя, но... Рост не стал меньше, и волосы остались волнистыми, и амулет ярко сверкал на груди, но лицо неуловимо исказилось, превращаясь в маску смерти, в оскал какого-то жуткого зверя. Это «нечто» потянуло к нам свои руки, и на скрюченных пальцах вдруг выросли огромные когти, напоминающие язычки черного пламени. Всех накрыла волна дикого страха, и мужики схватились за оружие.

Торопливо развеяв этот кошмар, я виновато склонила голову под взглядами наемников. Оправдываться, что я ничего подобного не хотела, что всё произошло помимо моей воли, непонятно как и почему — бесполезно. И бежать смысла нет, всё равно догонят. С минуту стояла тишина, затем Ксанф смущённо хмыкнул.

— Не, я, конечно, знал, что женщина в гневе может стать мегерой, но чтобы в маленькой Натис скрывались такие крайности... — он оглянулся на остальных и снова хмыкнул — Чем больше я её узнаю, тем меньше мне хочется её нечаянно рассердить. Ладно, она хоть предупредила, что это только обман зрения, а если кто не будет знать? Да ещё в темноте? Это ж сразу разрыв сердца будет, самое малое!

Остальные помалкивали, стараясь незаметно перевести дыхание. Больше всего я боялась слов Мармука, но тот проявил великодушие.

— Полезная иллюзия. Но когда-нибудь потом, когда мы доберёмся до места. А до тех пор запомни — раз уж мы взяли тебя с собой, то будем защищать. С этого момента — никаких, понимаешь, *никаких* иллюзий. А если проявишь самоволие — выгоню сразу. Или убью — он чуть снисходительно улыбнулся — Ты этого даже не поймёшь, а уже будешь встречаться со своими богами.

Он снова стал серьёзным.

— Всё, больше об этом не говорим. Двинулись, и так много времени потеряли.

Такое решение меня очень даже устроило. Наемники официально признали, что будут меня защищать (во всяком случае, пока не доберутся до своей крепости). С одной стороны, теперь можно смотреть по сторонам без прежней боязни. С другой — меня саму начали пугать мои нечаянные успехи. Что-то я делаю неправильно и не так. О том, что я и в самом деле одним движением смогла поднять в воздух несколько тонн воды, думать даже не хотелось. Лучше буду считать произошедшее очень удачной иллюзией. И лучше на время завязать с опытами, а то кто знает, что я сотворю через неделю или месяц. Надо успокоиться, привыкнуть, и может даже поискать учителя. Люди ведь тоже процентов на девяносто состоят из воды, и если я вдруг на кого-нибудь рассержусь и снова схлопну ладоши... От одной мысли, что может получиться, мне стало страшно. Нет, лучше этого не делать. Пока меня защитят наемники, а потом... Потом видно будет.

Мармук выразился вполне ясно, остальные приняли к сведению, и вечером после ужина были даже молчаливее чем обычно. Сидели, думали о чём-то своём и периодически косились на меня.

Первым проговорился Манго, но направление его мыслей оказалось совершенно неожиданным. Сидел задумчивый, потом взгляд стал мечтательным.

— Мне один *пришлый* рассказывал, что у него на родине есть таверны, где для услаждения взглядов танцуют женщины. Представляете, кругом одни мужики, выпивка рекой, а потом на помост выходит женщина. Красивая, гладкая, улыбающаяся. Звучит музыка, женщина плавно танцует, затем начинает медленно раздеваться. Пуговичку за пуговичкой, завязку за завязкой. Сначала рубашку, затем юбку, затем всё остальное... — Манго невольно слотнул — а затем она начинает изгибаться возле шеста, словно вся изнывает от желания. Можно смотреть сколько хочешь, а если дать ей денег, то она всё это сделает почти у тебя на коленях...

Я с любопытством смотрела на Манго — он что, рассказывает о каком-то местном варианте стриптиза? Для чего? Надеется, что сможет уговорить меня, и я стану танцевать для его услады прямо у костра? Не дождётся!

А Манго совсем поплыл — взгляд затуманился, голос стал глухим.

— Вот если попросить Натис, и она сделает нам иллюзии таких женщин? Пусть и не таких красивых как в первый раз, но каждому! И чтобы они раздевались, наклонялись к нам...

Похоже, Манго погрузился в мир эротических фантазий. Судя по взглядам остальных, они его прекрасно понимали. Я поразилась — неужели та иллюзия, что я показала, подействовало так сильно? Да, первый образ был прекрасен, но не настолько же, чтобы у мужиков поехала крыша? Или я чего-то недопонимаю?

Тернак заговорил в тон Манго.

— Да, это было бы здорово. Подходит всё ближе и ближе, наклоняется ниже и ниже, уж почти берётся рукой за... — Тернак сделал театральную паузу и вдруг закончил зловещим тоном — А потом у Натис резко меняется настроение, женщина превращается в чудовище и кляц зубами за нежное место!

Концовка была такой неожиданной, резкой, что все вздрогнули, а разомлевший Манго инстинктивно прикрыл руками свое мужское достоинство. Выглядел он настолько ошарашено-глупо, что я, не выдержав, захихикала, а следом заржали мужики. Несколько минут стоял хохот, и сыпались советы по более безопасному удовлетворению своих

желаний. И с дыркой от сучка в заборе, и... Не выдержав, я закрыла уши. Интересно и познавательно, но для женских ушей всё-таки грубо и обидно.

Манго сидел красный как рак, но постепенно пришёл в себя и тоже засмеялся.

— Да ладно вам, уж и помечтать нельзя.

— Мечтать можно, только о своих мечтах рядом с Натис лучше не говорить. А то вдруг она себе тоже что-нибудь намечтает в ответ. Например, какого-нибудь кобеля, который тебя на четвереньки поставит! — мужики снова зашлись в хохоте.

Веселились от души, и я словно впервые увидела наёмников как обычных живых людей. Оказывается, они и смеяться умеют, и шутки иногда отпускают вполне остроумные.

Разговор между тем плавно повернул на меня. Не, лично меня не трогали, но мужики вдруг заговорили о «военном» применении моих способностей. Что, как и почему я это делаю, не обсуждалось. А вот как применить... Начал военную тему Тернак.

— А здорово Натис нас напугала! До сих пор, как вспомню, так то млею, то вздрагиваю — Тернак криво усмехнулся — Наверное, и у остальных сейчас что-то подобное — он оглядел наемников, и те согласно закивали — Если Натис сможет показать это чудище в нужный момент, то победа нам почти обеспечена — все просто обделаются от страха. Хотя, если бы во время серьёзной стычки нам на помощь вышла бы парочка клыкатых котов, было бы ещё лучше. Им даже не пришлось бы ничего делать, просто выйти и рыкнуть. Вряд ли у кого хватит смелости драться с ними. А помните, как мы драпали, когда в пещере под Дарсом наткнулись на паука-людоеда? — остальные сразу перестали улыбаться и как-то напряглись — видимо воспоминание было совсем не из приятных. И сразу посыпалось — а помнишь... а как мы...

После десятка непонятных названий и повисшему напряжению я поняла только одно — наёмники говорят о чем-то конкретном и очень страшном, от которого любой нормальный человек будет бежать без оглядки. И это страшное не где-то там далеко, в сказках и легендах, а вполне реально, и может быть даже обитает в окружающих нас лесу. Сразу стала понятна та настороженность, с которой наёмники двигались даже по наезженной дороге. Можно понять желание заполучить таких тварей (даже виртуальных) себе в помощники, но... Чтобы изобразить их в деталях, мне ведь придётся приблизиться к ним, «слиться», почувствовать до последней мышцы, и может даже мысли... Я только на мгновение представила это, и меня всю передернуло. Ну уж нет! Добровольно, по собственному желанию — никогда!

Мармук, весь вечер молчавший, заметил мою реакцию. Негромко кашлянул, и все остальные сразу замолчали.

— Помечтали и хватит. Завтра днем должны добраться до Ганхора. Закупим продукты и сразу двинем дальше. Натис только учится, и что у неё получится в следующий раз — одни боги знают. А после третьего кольца будет уже не до шуток. Пока будем думать — что значит шорох или тень, новый это зверь или неудачная работа Натис — можем проститься с жизнью. Поэтому повторяю ещё раз и для всех — пока не доберёмся до места, все разговоры о иллюзиях Натис под запретом — он посмотрел мне прямо в глаза — И мысли тоже.

Оставалось только кивнуть в ответ. Я послушная. Да и самой, честно говоря, не хотелось рисковать — Мармук не догадывается, наверное, и о сотой доли моего непонимания «что, как и почему».

До Ганхора и в самом деле добрались уже к полдню следующего дня, и я впервые увидела «настоящий» средневековый город-крепость. Всё как положено — стены метров пятнадцати в высоту, сложенные из крупных каменных блоков, башни, массивные ворота,

стража. Я даже немного забеспокоилась о предстоящей проверке, но в город мы не пошли. Как раз перед воротами разместился местный рынок, окруженный полусотней домов. Туда мы и направились. Осла с повозкой под присмотром двоих наемников оставили у коновязи, Мармук в сопровождении ещё двоих отправился за покупками. Я тоже решила прогуляться. Денег ни копейки, но разве это когда-нибудь мешало женщине пройтись по магазинам? Нас ведь хлебом не корми, дай только посмотреть, пощупать, прицениться.

В основном продавали продукты — фрукты, овощи из местных огородов и лесов. Мясного было гораздо меньше. Из промтоваров в основном одежда и бытовая мелочь. Обычный средненький колхозный рынок (в моем понимании). Но я не могла отделаться от ощущения «неправильности» окружающего. Первое, что бросилось в глаза — слишком много наций и рас. За каких-то полчаса я столкнулась с людьми, похожими на китайцев, европейцев, негров, и даже на аборигенов Австралии. И в одежде такая же мешанина — от набедренной повязки чуть ли не до современного европейского костюма. В столице я списала это на развитую торговлю, портовый город. Мы двигались на север, и по идее, на окраинах государства, в лесу, национальный состав должен быть более однородным, а здесь всё наоборот. Почему, интересно? Интересно для меня, потому что остальные вели себя совершенно спокойно, как будто это было в порядке вещей. Никто ни на кого не косился, не скандалил. Если кто и повышал голос, то только в пылу торга.

Наёмники гуляли по рынку, делая закупки перед дорогой, а я просто таращилась по сторонам. Платье у меня есть, сыта, что ещё надо? По местным меркам уже хорошо. Украшения и косметика? Смешно. После всего произошедшего со мной я стала равнодушна ко всем этим побрякушкам.

Но вот мимо расклада с гадальными принадлежностями пройти не смогла. Как только увидела карты, прозрачные шары, курильницу, пучки ароматных трав, ещё какую-то ритуальную ерунду, так в душе что-то щёлкнуло — а почему бы не попробовать? Немножко таинственности и многозначительности в голосе, туманные фразы, полные намеков. Немножко подглядеть в памяти собеседника, несколько достоверных фактов из его прошлого, и доверие к моим словам возрастет до небес. А будущее... Главное — говорить что-нибудь приятное, а то ведь за плохое предсказание особо нервные могут и голову снести. Но если не зарываться, то чем не заработок?

Я стала более внимательно рассматривать разложенное на прилавке богатство. Особенно понравилась колода местных гадальных карт, напоминающих наши карты Таро. Большие, больше моей ладони, сделанные из странного материала, напоминающего одновременно и хрусталь (при соприкосновении карт между собой я слышала лёгкий звон) и чуть шершавую кожу. Вроде несовместимые свойства, но я держала эти карты в руках и так их и чувствовала. На обратной стороне (рубашке) одинаковое тиснение из орнамента, напоминающего восточный. А на лицевой стороне — картинки, настоящее произведение искусства — черепа, виселицы, звёзды, драконы, ещё какие-то волшебные твари. И всё это нарисовано невероятно тонко, в мельчайших деталях. Казалось, что существа на картах готовы были заговорить со мной.

Заметив мой интерес, продавец — мужчина в шутовском колпаке, бесформенной одежде с узорами, напоминающими связки рыболовных крючков, не стал меня уговаривать купить, а наоборот, даже скривился с пренебрежением.

— Золотой. Это не для тебя.

Я сама знаю, что не для меня, но руки сами тянулись к картам. Не успел торговец

заругаться, как я уже прижала их к себе, наслаждаясь теплом, идущим от карт. Наверное, меня бы прибили на месте как воровку, но сзади кто-то подошёл и продавец поумерил сердитый блеск в глазах.

— Могу предложить карты попроще — он указал на колоду карт, больше похожих обычные игральные.

Не выпуская «свои» карты, осторожно коснулась другой колоды и ничего не почувствовала — бумага, не более. Я отрицательно мотнула головой.

— Мне нравятся эти — продавец хотел уже просто отобрать понравившиеся мне карты, но я уклонилась — Могу предложить маленькое испытание. Я погадаю вам, а вы мне. Кому карты скажут больше, тот и заберёт их.

Продавец нахмурился.

— Я и без карт вижу тебя насквозь! Гаремная подстилка, только и способная, что своим нытьем тянуть из своего господина деньги и украшения. Бита плетью, и будущее твоё ясно как день — не пройдёт и года, как тебя повесят за воровство и обман.

Сказал он это так уверенно, что я ему почти поверила. Ведь я и в самом деле нищета, и обманывала, и воровала, и вряд ли я проживу здесь долго. Но на всякий случай решила уточнить.

— А сколько человек я убила?

Торговец неожиданно захохотал.

— Ты?! Убила?! Ну, если только цыплят для кухни!

Я облегчённо вздохнула — он видит только внешнее!

Раскладывая карты, чуть улыбнулась.

— Ты ошибся, торговец.

Смотрела на картинки, но мысленно попробовала осторожно коснуться памяти торговца. Это оказалось очень легко. Я даже не копалась в его воспоминаниях, но ответ появился сразу, словно он сам торопился ответить на мои вопросы.

— А вот ты убил восемь человек. Четверых на улицах, защищая свою жизнь, двоих при нападении на ваш караван. А двоих ты просто отравил, заподозрив, что они ходят к твоей жене во время твоего отсутствия.

Взгляд торговца растерянно заметался по разложенным картам.

— Они говорят о другом.

Я снова улыбнулась

— Ты будешь учить меня как понимать слова карт судьбы?

Торговец сердито поджал губы, покосился куда-то мне за плечо.

— Твои слова — это только слова. Ты ничего не докажешь! — чуть успокоившись, он вдруг хитро улыбнулся. — А что меня ждёт в будущем?

Вот об этом я знать не могла и не хотела, но что-то говорить всё-таки надо. Задумавшись, я смешала карты, потом развернула их веером и протянула ему.

— Если ты отдашь мне карты, у тебя будет одна судьба, не отдашь — другая. Выбери её сам.

Насторожившись, торговец осторожно вытянул карту, посмотрел на неё и вдруг стал бледнеть. Справившись с собой, взял другую, и постепенно на лицо вернулся нормальный цвет.

— Могу я взять ещё одну карту? — неожиданно спросил он.

Удивлённая, что он хочет проверить ещё какой-то вариант, я всё же согласно кивнула.

На этот раз молчание затянулось надолго. Торговец не испугался и не обрадовался, он будто впал в транс, разглядывая карту. Наконец с трудом отвёл от неё взгляд, сложил карты в красивый чехол и протянул мне.

— Благодарю вас, госпожа, что оказали мне честь, посетив мой скромный лоток.

Меня всю распирало от любопытства— что же он там увидел, но я сдержалась. Главное, что удачное для меня. Небрежно кивнула на прощание.

— Я тоже рада, что встретила вас.

Повернулась, чтобы уйти, но среднего роста мужчина, стоявший за моей спиной, и не подумал уступать дорогу. Вроде и руки не растопыривал, но такое впечатление, что загородил собой всё вокруг. Внешне — ничего особенного. Обычный мужик в обычной, относительно чистой и целой одежде.

— Может, и мне погадаешь, красавица? Сколько человек убил я?

Улыбался он открыто и добродушно, с долей ехидства, и я чуть не «купилась» на эту улыбку. Потом опомнилась, и уже хотела просканировать его память, но не понравился взгляд этого мужчины — чересчур острый, у простаков такого не бывает. Я постаралась перевести всё в шутку.

— Ага, а потом тебе придётся меня убить, чтобы скрыть свои тайны.

Мужик засмеялся.

— Ну, это я делаю не каждый раз. Для тебя тоже могу сделать исключение. Ну, так что?

Я тоже улыбнулась.

— Как-нибудь обойдусь без таких денег.

Взгляд мужчины вдруг стал нехорошим.

— Тебе не нравятся мои деньги?

Чувствуя, что разговор в таком тоне добром не кончится, я примирительно подняла руки.

— Кто я такая, чтобы судить других? И прошлое — это уже прошлое, его не изменить.

Стараясь отвести от себя подозрения и не вызвать гнев неудачной фразой, я веером протянула ему карты.

— Но я помогу тебе узнать свою судьбу. Выбирай её сам.

Мужик меня прекрасно понял.

— Хочешь чистенькой остаться? Ну-ну.

Подумав, взял одну из карт, долго её рассматривал, потом показал мне.

— И что это значит?

На картинке была изображена троица угрожающе скалящихся чудовищ. Я замешкалась, пытаюсь подобрать туманный ответ. Всмотрелась в карту, будто картинка могла дать подсказку, и вдруг в голове раздался тихий шепоток. Губы стали чужими, и я повторила вслед за шёпотом:

— Скоро тебе предстоит сделать выбор. Но что бы ты ни решил — ты всё равно умрёшь.

Мужчина воспринял мои слова спокойно.

— Так зачем что-то выбирать, если в итоге всё равно смерть?

— Умереть можно по-разному... Может даже с радостью. Возможно, своей смертью ты спасёшь чью-то жизнь.

Мужик удивлённо посмотрел на меня, а потом заржал.

— Умереть с радостью?! Ради кого-то другого?! Больше глупости я ещё не слышал — в его взгляде появилось сожаление — а жаль, девочка, я уже почти поверил, что ты что-то

можешь. Держи — он кинул мне монетку — Купи себе лучше что-нибудь для красоты. Гадание — не для тебя.

Усмехаясь, повернулся и ушёл. Я перевела дух, оглянулась на продавца, но тот был серьёзен, провожая взглядом смеющегося мужчину.

— А ведь ты права — неожиданно произнёс он — его смерть уже близко.

Ничего больше не объясняя, склонился над лотком и начал перекладывать товары с места на место. А у меня по спине как холодом потянуло. Пять минут разговора, и два человека узнали о своей судьбе, причём один — о скорой смерти. Выбирали сами, я только держала карты в руках, но что-то мне расхотелось гадать кому-нибудь ещё. Торговец сам придумал, как понимать карты, а вот второму мужчине о судьбе рассказала я. Вернее, всего лишь повторила. И что, теперь так и будет? Возможно, это всё мои фантазии, а если и в самом деле эти карты видят судьбы людей? И мне придётся узнать горе, страдания других? А если я захочу защитить кого-то, если изо всех сил воспротивлюсь картам и смогу сказать о другой судьбе? Карты послушаются, и у человека жизнь пойдёт по другому пути? Я превращусь в богиню судьбы?! Каждый раз буду видеть чужие страдания, преступления, горе? И так каждый день? Нет! Не хочу! Если уж и гадать, то только про любовь и девичьи вздохи. И не этими картами.

С огромным сожалением, через силу, я положила карты судьбы на стол торговца, и тот удивленно вскинул глаза.

— Госпожа, что случилось?

Я с трудом перевела дыхание, разрывая связь с картами, которые словно признали меня хозяйкой.

— Слишком много силы. Слишком много власти. Слишком много горя. Слишком тяжело... Не хочу такой судьбы для себя.

Торговец долго молчал, вглядываясь в меня, затем низко поклонился.

Когда вернулась к повозке, все уже были в сборе. От нескольких попахивало вином, но никто не шатался. Как говорят мужики — «промочили горлышко». Сама я уже и забыла, когда в последний раз пробовала вино, но, судя по кислому запаху перегара, ничего не потеряла.

Мармук почему-то мялся, глядя на меня, словно не знал что сказать.

— Что-то случилось?

— Да нет, не случилось. Просто это последний город на нашем пути.

— И что?

— Как что? — Мармук снова убред уверенность — Ты пошла с нами, не зная, куда мы идём. Я тоже не спрашивал, как далеко ты готова с нами идти. Но теперь шутки кончились. Впереди будет всего несколько деревень, а вокруг сплошные джунгли. Если хочешь устроить свою жизнь, то тебе лучше остаться здесь.

Такая «заботливость» оказалась хуже ковши холодной воды за шиворот. Я даже вздрогнула. Всё правильно, всё честно, но... Даже такая жизнь, как сейчас, всё-таки лучше, чем бороться с этим миром в одиночку.

— А что будет после деревень?

— Снова джунгли. Потом крепость, казармы и много изголодавшихся по женской ласке солдат. И тебе там лучше не появляться. Во всяком случае, без сильного покровителя. А иначе... Сама понимаешь.

Я понимала. Если в той крепости, куда мы идём, нет строгой дисциплины, то очень

скоро она превратится в сотворенное моими желаниями кладбище. Или меня саму там закопают.

Я повернулась в сторону городских стен, попыталась прислушаться к своим ощущениям, и почти сразу поняла — это — не мой город. В нём много разного, и хорошего и плохого, но я сюда не хочу. Здесь мне будет плохо.

— А если я не буду задерживаться в крепости и пойду дальше?

— Дальше?! — Мармук вдруг стал очень серьёзен — Если у тебя есть небесный покровитель, то можно и дальше.

Я невольно вспомнила о Гернаде. Кто я для неё? Всего лишь одна из жриц, поклявшихся служить. Но может в трудную минуту она всё-таки не забудет обо мне?

Выпрямившись, я постаралась придать голосу уверенность.

— У меня есть небесный покровитель.

Мармук не засмеялся над такой самоуверенной похвальбой. Долго пытливо всматривался в меня, но потом всё-таки улыбнулся и даже с каким-то облегчением.

— Ну что ж, свой выбор ты сделала — он оглянулся на остальных — Ну что, двинулись?

Снова дорога. Я настороженно осматривалась по сторонам, и некоторые странности бросались в глаза весьма сильно. Резко начал меняться окружающий лес — появилось много растений с крупными листьями, стволы и пространство между ними всё гуще переплетены лианами. Лес действительно всё больше напоминал джунгли где-нибудь в Южной Америке. Деревушки попадались всё реже и выглядели всё более странно. Мало того, что почти все отличались по стилю (где африканские бугнало, где чуть ли не украинские мазанки), так ещё и появились ограды из брёвен. И чем дальше, тем более защищёнными выглядели деревни. Может от хищников, может от бандитов. Но тогда получалось, что там, куда мы идём, хищников и бандитов будет очень-очень много.

На следующий день дошли и до Третьего Круга. Я нафантазировала себе непонятно что, но в реальности оказалось весьма прозаично. Лес вдруг расступился, и мы оказались на странной просеке. Шириною метров сто, без единого деревца. Не похоже, что за ней специально ухаживали, но росла здесь только невысокая травка. И такой «проспект» тянулся насколько хватало взгляда в обе стороны от дороги.

На всякий случай я решила уточнить.

— Третий Круг?

Стоявший ближе других Ксанф кивнул, а остальные молча смотрели по сторонам, думая о чем-то своем.

Через пару дней прошли Второй Круг. Что это и зачем, я спрашивать не решилась. Если всё это рукотворное, то и причина должна быть очень весомая и очень страшная, если люди пошли на создание таких кругов. А где-то впереди должен быть ещё и Первый Круг. А за ним... Что там за ним? Желание идти вперёд и в одиночку резко пошло на убыль. Я даже начала немного жалеть, что не осталась в таком далёком и таком надёжном Ганхоре, но кого это сейчас интересует? Остаётся только одно — вперёд.

Шедший впереди Мармук неожиданно замедлил шаг, всматриваясь в дорогу, потом вдруг резко вскинул руку со сжатым кулаком. Остальные без всякой команды (а может вскинутая рука и была сигналом), тоже замерли, причём образовав круг, и каждый глядел только в свою сторону, держа руку на оружии. Мармук сделал несколько шагов, затем показал два пальца, и махнул вправо от дороги. Самант и Ксанф осторожно двинулись в кусты, и через некоторое время оттуда послышался негромкий свист. Всё так же

настороженно оглядываясь по сторонам, остальные двинулись за ними.

Зрелище было не очень приятным. В какой-то паре десятков метров от дороги, в кустах, лежали изрубленные тела трёх мужчин в простой одежде. Один из них, пожилой, с распоротым животом, был ещё жив, но сил хватало только глухо стонать и пытаться удержать вываливающиеся внутренности. Наши молча обступили лежавших, рассматривая их спокойно, даже равнодушно. Лишь Мармук присел, но его больше интересовали раны. Он даже несколько раз коснулся их, будто ища подтверждения каким-то своим догадкам. Похоже, судьба этих мужчин его совершенно не интересовала. Во всяком случае, грозить кому-то, обличать, требовать мщения он не собирался. Встал, огляделся, подошёл к валявшимся невдалеке распотрошенным узлам с тряпьем, но ничего трогать не стал, только покачал головой. Да и чего тут особо гадать — напали, ограбили, убили.

Раздавшийся где-то неподалёку хохот и весёлые выкрики я сначала приняла за собственную галлюцинацию, но наёмники мгновенно насторожились и выхватили оружие. Мармук снова знаками отдал команды, и наёмники осторожно двинулись на звуки. В настоящем бою толку от меня никакого, поэтому я тихонечко пошла следом за ними, стараясь не слишком шуметь и не путаться под ногами.

Примерно через сотню метров вышли на край поляны. С другого края, у большого дерева с десятков мужчин в обычной одежде наёмников стояли толпой, разглядывая что-то на земле. А в центре толпы... Видимо, эти бандиты захватили ещё и женщину, но просто убить её им показалось слишком скучным. Её раздели догола, скрутили руки за спиной, завязали глаза и поставили на колени. Один из бандитов, тоже голый, развалился у дерева, раскинув ноги, и, схватив женщину за волосы, заставлял тыкаться лицом ему в пах. При этом с улыбкой что-то говорил, а остальные бандиты ржали над каждым его словом.

Я не ханжа. Каждый развлекается как умеет. Да и пребывание в этом мире здорово изменило мое представление о романтизме и реалиях жизни. Но то, что творилось на поляне... Ни о какой добровольности или взаимном удовольствии речь вообще не шла. Самое подлое, гадкое, извращённое изнасилование. За которое надо убивать без суда и следствия.

Я оглянулась, надеясь, что сейчас наши вмешаются, прекратят это скотство, накажут виновных, но то, что я увидела, стало ещё большим шоком, чем происходящее на поляне.

Никто и не собирался вмешиваться, драться, защищать. Все смотрели настороженно, оценивающе, но не враждебно, словно происходящее было пусть и некрасиво, пусть и грубо, но вполне привычно и обыденно. А у некоторых во взгляде появилось даже вожделение, будто действие на поляне их возбуждало, и они были не против присоединиться к гогочущим мужикам. Разочарование, шок были настолько сильными, что это как-то проявилось, потому что наёмники одновременно повернулись ко мне и сразу же стали отводить глаза, а некоторые даже попятились. Но я сразу забыла о них. Внутри заплескалась такая ненависть к насильникам, что всё вокруг будто почернело.

Не таясь, я вышла на поляну и направилась к этим уродам. Почти сразу меня заметили, и на лицах мужчин пробежала целая вереница чувств. Сначала настороженность, быстрые взгляды по сторонам, руки на оружие. Затем радостные улыбки — ну как же, ещё одна дура пришла помочь им развлечься. Всё было так понятно, так ясно написано на их лицах. Я даже почувствовала, кто из них первый бросится на меня. Но он не успел. Дойдя до середины поляны, я без всяких хитростей просто выплеснула свою ненависть на стоявших, и этого оказалось достаточно. Почти одинаковыми жестами мужчины схватились за головы, будто

их настигла страшная головная боль, и один за другим попадали на землю. Уже мёртвыми, я это чувствовала, но ненависть была слишком сильной, и чужая боль на её фоне просто затерялась.

Тот, голый, ничуть не испугался. Отпихнул женщину, схватил короткий меч, лежавший неподалёку, и встал в боевую стойку, с интересом глядя на меня. Крепкая фигура зрелого мужчины, рельефные мышцы, и, наверное, по местным меркам он был даже красив. Да и на меня он глядел скорее с улыбкой успешного самца, а не опытного воина. От этой усмешки у меня аж челюсти судорогой свело, и я швырнула в него что-то очень жуткое. Тело мужчины вдруг вспухло напрягшимися мышцами, но не для броска, не в ожидании атаки, а словно через него пропустили ток огромной силы. Несколько мгновений страшного напряжения, и мне даже почудился треск рвущихся мышц и хруст ломающих костей. Ещё несколько мгновений, и мужчина рухнул переломанной куклой. Он был ещё жив, но я выплеснула на него все остатки своей ненависти, и он умер мгновенно.

Несколько минут я стояла с закрытыми глазами. Такое ощущение, что вместе с ненавистью я выплеснула из себя и все остальные чувства, остались только апатия и равнодушие. Уже спокойно огляделась по сторонам — всё по-прежнему. Насильники мертвы. Женщина жива, но в шоковом состоянии и уже на грани безумия. Оглянулась на своих наёмников, но те благоразумно остались на краю поляну и не пытались подойти. И правильно. Сейчас я могла и их убить за те взгляды, что они бросали на «развлечение».

Надо было помочь женщине, но у меня хватило сил только разрезать верёвки на её руках и снять повязку с глаз. От неё буквально веяло безумием, но единственное, чем я могла ей ещё помочь — это впитать её боль и самой стать безумной.

Вернувшись к наёмникам, я лишь устало махнула рукой на лежащие тела.

— Приберитесь там...

Мармук проводил взглядом Натис, которая шла пошатываясь, не разбирая дороги, и кивнул Тернаку и Ксанфу:

— Проводите и присмотрите. На глаза не суйтесь, но если хоть один волос... — наёмники понятиливо кивнули.

Женщину укрыли плащом, отвели в сторону и старательно напоили вином. Не панацея, но смешанное с обезболивающими и успокаивающими настойками, оно давало хоть какой-то шанс, что она останется живой и в рассудке. Сейчас для неё главное — уснуть и спать как можно дольше. Если удастся довести до ближайшей деревни и найдутся родственники — это будет уже их заботой. Жалко, конечно, бабу, но он уже столько навиделся на своем веку, что... Всех не пожалеешь и не защитишь. А над каждым плакать — сам долго не проживёшь — сердце не выдержит. Поэтому и приходится жить и поступать иногда грубо, иногда жестоко. Но это жизнь. У каждого своя. У него — такая.

Вздохнув, Мармук принялся осматривать погибших. Странная и страшная смерть. Ни ран, ни синяков, ничего. Нет, он, конечно, видел, что могут вытворять боевые маги. Но там как-то более-менее понятно. Сожжённые, изуродованные, разорванные тела. А тут... Ни единой раны, только лица обезображены гримасами нестерпимой боли. Особенно досталось голому — такое впечатление, что он побывал в кольцах гигантского удава. И это точно не яд — девчонка просто не успела бы его применить, в каком бы виде он ни был. Да и не было у неё ничего — пришла в одежде с чужого плеча, из своих вещей только символ богини, но это хоть и красивая, необычная, но всё-таки безделушка. На мгновение он засомневался — а вдруг это сильный амулет? Хотя, откуда он у бездомной девчонки без монетки в кармане?

Да и на магичку она совершенно не похожа. Уж те точно не станут шляться в одиночестве и без денег. Тем более — девчонка. Есть ещё ментальные маги, но тех вообще единицы, да и убивают они крайне редко. Так кто же эта девчонка? Сначала показывала фокусы, потом быстро научилась отводить глаза, нагонять страху. А теперь начала убивать. Одна против десятка крепких мужиков. Просто подошла, и они умерли. А чего ждать от неё дальше? Каких чудес или ужасов? А если это будет идти по нарастающей? Мармук даже вздрогнул. В любом случае лучше иметь её в друзьях. Мужики теперь точно не рискнут в её присутствии ущипнуть какую девку за упругую попку — одни боги знают, как Натис на этоотреагирует. Но если наладить отношения, то имея мага (предположим) за спиной, таких дел можно наворотить... Ведь никакая охрана, никакие враги не будут страшны. И сама спрячется, и отряд прикроет. А если ещё и по чужим со всей своей силы ударит, то... Он снова оглядел мертвецов. Будет очень даже хорошо.

— Так, ребята, у мертвых собрать оружие и всё ценное. Тела порубить, будто они погибли в бою — заметив недоуменные взгляды, озлился — Что сделано, то сделано, мертвых не оживить. Но одно дело — наёмники, попавшие в засаду, и совсем другое — погибшие непонятно как и почему. Лишнее внимание к отряду и Натис совершенно ни к чему. Деньги заберём, а оружие выбросим где-нибудь в речку — не хватало нам ещё разборок с другими наёмниками — он помолчал — И это, бабу не забудьте. Довезём до ближайшей деревни, может, примут. А не то Натис нам... — он невольно оглянулся назад — Короче, шевелитесь.

Я медленно брела по дороге, и мне становилось всё хуже и хуже. В какой-то момент я вдруг поняла и причину. Дело в убийствах. Нет, не так, дело во мне. Я ни на мгновение не усомнилась в правильности содеянного, и если бы пришлось, сделала это снова и снова. Но это ничего не меняет. Я поняла, что меня гложет — я превращаюсь в убийцу. Даже не в убийцу, а в *палача*. Я заменила собою всех — и следователя, и судью, и суд присяжных. И для вынесения приговора мне нужно всего одно мгновение и лишь собственные чувства. Но ведь это неправильно! Я не знаю как правильно, но не так. И на Земле не было никаких доказательств вины тех парней, кроме моих видений. И здесь, наверное, можно было убивать не всех подряд, а только одного-двух, самых виновных. Кто я такая, чтобы в чужом мире судить чужие поступки? Сама ведь заставила мужика перерезать себе горло только за то, что он посмел схватить меня. Чем я лучше? Если уж подходить строго, то я сама заслуживаю смерти. А что меня ждёт впереди? Я даже остановилась. А ждёт всё то же самое — мужчины, грубые поступки, моё желание убивать за подлость и надругательство над женщинами. И снова смерть, смерть, смерть.

И это надо делать, но почему обязательно я? Почему не мужчина, который будет этим гордиться? Почему бы не оставить это дело благородному рыцарю, с руками по локти в крови подлецов? Зачем поручать это мне, одновременно наградив способностью чувствовать чужую боль? Убила — почувствуй сама что это такое! Для равновесия?!

А кто сказал, что я вообще имею право на убийство?! От такой простой мысли подкосились ноги, и я уселась прямо на землю. Сняла амулет Гернады и осторожно погладила его. Неужели я всё поняла неправильно? Ведь Гернада — мать — воительница. В первую очередь — мать, и лишь во вторую — воительница. А я что творю? И что я вообще должна делать? Зачем вообще такие способности, если я их использую только для убийств?! Не проще ли научиться махать какой-нибудь саблей? Может тогда будет хоть немного более честно? Обвинила — докажи мечом. Не можешь — сдохни сама за ложное обвинение. А так

— всего лишь палач женского рода.

Поднявшись, снова пошла по дороге. Странное состояние полубреда. Я словно разговаривала с кем-то, что-то доказывала, что-то требовала, что-то просила.

Продолжалось это бесконечно, и возникший чуть ли не перед самым носом забор из брёвен я сначала не восприняла как нечто рукотворное. С удивлением ощупала гладкие стволы, и только потом начала немного приходить в себя.

Огляделась вокруг и ещё больше удивилась. Оказывается, я пришла к какой-то деревне, а сзади, в каких-то десяти метрах от меня стоял Мармук с остальными наемниками. И повозка была здесь. Когда они успели меня догнать? Не помню.

Стучаться в ворота не пришлось — над зубьями заостренных бревен уже виднелось с десяток голов, и несколько человек целились в нас из луков. Но Мармук стоял спокойно, будто чего-то ждал. Через некоторое время ворота чуть приоткрылись, и в узкую щель протиснулись трое мужчин. Крепкие, в простой холщовой одежде, но с мечами в руках. Остановились, не отходя от ворот, и снова наступило непонятное ожидание. Через некоторое время, наигравшись в молчанку, Мармук подошел к повозке и приподнял плащ.

— Нашли на дороге — он кивнул на лежавшую в беспомощности женщину — Кому отдать?

Один из мужчин чуть приблизился, рассматривая женщину.

— Одну?

— Рядом, в лесу, нашли ещё троих мужчин и десяток наемников. Все мертвы.

— Кто?

— Мы нашли мертвых, а женщина была не в себе. Если очнётся — может, расскажет. Кому отдать?

Мужчина почему-то указал на меня.

— Эта тоже не в себе. Также там нашли? Может она что-то видела?

Мармук ощутимо напрягся.

— Нет, она с нами. Увидела такое в первый раз, вот и...

Мужчина понятиливо кивнул.

— Ладно, заходите. Расскажешь всё подробно.

По улочке нас провели на главную площадь деревни, вокруг которой тесным кольцом стояли дома. Наемников обступили набежавшие жители, и вскоре женщины заголосили, узнав причину нашего появления.

Я отошла в сторону и присела на лавочку. Жить по-прежнему не хотелось. И видеть и слышать других — тоже.

Когда какая-то женщина подошла ко мне, встала на колени и начала что-то говорить, протягивая мне свёрток тряпья, я испытала только раздражение. Ну, что, что ещё надо?! Хотела даже оттолкнуть её, пнуть, но женщина, похоже, готова была на всё, даже когда я нахмурилась. А от моего «нахмуривания» последнее время шарахались даже мужчины с мечами.

— Сестра, прошу тебя! Госпожа Натис, прояви милость!

И так бесконечно. Отупелые мозги, наконец, удивились — какая я ей сестра? Какая я ещё госпожа для этой незнакомой женщины? Откуда она знает моё имя? Наконец я сдалась — надо разобраться, ведь всё равно не отстанет.

— Ну что тебе?

Женщина тут же сунула свой свёрток мне. И снова:

— Сестра, прошу тебя! Госпожа Натис, прояви милость!

Недоумевающая, развернула свёрток и чуть не швырнула его на землю, задохнувшись от отвращения и ужаса. Внутри лежал ребёнок месяцев шести, но в каком виде! Больше всего он напоминал паучка — синюшнее лицо, худенькие, словно веточки, ручки и ножки, огромный, раздувшийся живот. И запах... Запах гниения и смерти. Уж этот запах я теперь ни с чем не спутаю. Ребёнок вызывал одновременно и жалость и отвращение. Я с ещё большим недоумением посмотрела на женщину.

— Что ты от меня хочешь? Его нужно срочно нести к врачу.

Но женщина будто потеряла рассудок, и стала хватать меня за ноги, и снова это бесконечное:

— Госпожа, только на вас надежда. Помогите!

И тут ещё кулон богини неожиданно наградил меня болью, словно требуя от меня решительных действий. Я вздрогнула, пытаюсь понять приказ. Неужели Гернада требует от меня убить и этого малыша?! Он мне не нравится, вызывает отвращение, но неужели только за это он заслуживает смерти от меня?! Внутри всё воспротивилось такой несправедливости. Я замерла, пытаюсь разобраться в своих чувствах, но удары боли последовали один за другим — делай, делай, делай. Тело от боли дергалось так сильно, что женщина испуганно попятилась, глядя на меня округлившимися глазами.

Но я не сдавалась, и удары вдруг прекратились. Я посидела немного, приходя в себя. Провела рукой по лицу, и она стала такой мокрой, словно я зачерпнула воды из ведра. Поддавшись невольному порыву, ладонью протёрла мордашку ребёнка и снова вздрогнула — ребёнок буквально горел. Теперь ребёнок вызывал больше жалость — такой маленький, и так разболелся. Но что я могу для него сделать? Осторожно ощупала, но причина была понятна и так — живот был раздут и твёрд как камень. Скорее всего, у него запор и газы. Нужна опытная бабка, может надо напоить отваром укропа, может ещё что. Наверняка есть местные аналоги, но я о них понятия не имею. Что же делать?

Задумавшись, положила ребёнка себе на колени и стала осторожно массировать его. Ребёнок был настолько горячим, что его жар словно передался мне на кончики пальцев. Это было временами даже больно, но я терпела. Очень-очень осторожно, по часовой стрелке (где-то слышала об этом) стала разминать животик. Временами в нём чувствовались ещё более твёрдые комочки, и я пыталась размять и их. Прошло, наверное, с полчаса, как вдруг малыш сильно напрягся, закричал, лицо побагровело. С невольным ужасом я подумала, что это всё, конец, ребёнок умирает. Но этот засранец... Этот засранец (в буквальном смысле этого слова) закричал ещё сильнее, поджал ножки, и... начал какать. Сначала ему было очень тяжело, какашки выходили ссохшиеся, багрово-черные. Я продолжала массировать его животик, и вскоре из него полезло как из тубика с пастой. Зелёное, зловонное. Немного передохнёт, побздит, и снова какает. Сначала я пыталась вытирать его тряпками, но когда какашки полетели брызгами, испачкав подол моего платья, мысленно махнула рукой — да ладно, отмоюсь, лишь бы ему полегчало.

Мальчишке и в самом деле становилось легче, но прошел ещё час, прежде чем его мордашка порозовела, а в животике перестали прощупываться твёрдые комочки. Наконец я устало опустила руки и со спокойной совестью сказала матери, всё время стоявшей рядом:

— Забирай, я сделала что могла. И... помой этого негодника.

Дважды повторять не пришлось. Женщина осторожно забрала ребёнка, прижала к себе, и вдруг снова бухнулась на колени, склонилась до земли.

— Госпожа, отныне наши жизни принадлежат тебе!

Я только устало махнула рукой.

— Иди уж, а то он скоро и есть, наверное, захочет.

Женщина удивлённо посмотрела на сына, словно уже забыла, что такое возможно, затем торопливо ушла.

Я начала вставать, и тут меня зашатало. Оказывается, я устала вся, а не только руки и занемевшая шея. Я бы, наверное, упала, но меня подхватили какие-то женщины. Я видела только ребёнка, а вокруг, оказывается, собралось довольно много народа.

Я только успела сказать:

— Мне надо помыться и застирать платье.

И меня сразу куда-то повели.

Дальше я помню смутно. Какой-то дом. Мне помогли раздеться, помогли умыться, положили на кровать и я сразу отключилась...

Проснулась я как-то сразу. С удивлением огляделась. Чужой дом. Я лежала на кровати, прикрытая лёгким покрывалом. На спинке стула моё платье, чистенькое и поглаженное. Торопливо оделась, и тут меня накрыли запахи. Стол в комнате был буквально завален всякими вкусностями. Зелень, фрукты, несколько видов рыбы и мяса, сладости, булочки. Удержаться я не смогла и сразу набросилась на еду. Даже если это моя последнее пиршество, я наемся до отвала.

Вскоре появился Мармук. Встал у двери и молча наблюдал за мной. Через некоторое время я всё-таки додумалась спросить:

— А хозяева не заругаются, что я вот так, без спроса у них за столом команду?

— Не заругаются. Это всё для тебя.

Я замерла с набитым ртом.

— Что значит «для меня»? Я их никого не знаю.

— Зато тебя теперь знают очень хорошо.

Я насторожилась.

— Я что-то сделала не так?

Мармук улыбнулся.

— Если бы сделала не так, то кормить бы тебя не стали.

— Да что я сделала?!

— Ты спасла жизнь ребёнку.

— Ах, это — я немного успокоилась — Подумаешь, животик помассировала. Любая бабка-повитуха сделала бы это гораздо лучше и быстрее.

Я снова принялась за еду. Мармук уселся с другого края стола, долго наблюдал за мной, но как-то странно, словно видел меня в первый раз. Словно встретил что-то необычное.

— Бабки смотрели этого ребёнка и все отказались от его лечения. Даже приглашали лекаря из города, но и тот отказался лечить. Сказал, что ребёнок гниет изнутри, началось омертвление. Как-то так. Ребёнок мог не дожить до завтрашнего утра. А теперь он громко кричит и требует материнскую грудь.

— Его надо кормить осторожно, помаленьку, а то животик может снова заболеть — забеспокоилась я, и вдруг до меня дошел смысл и остальных слов Мармука — Ты что, хочешь сказать, что я... его вылечила?!

Мармук даже не улыбнулся.

— Вокруг ребёнка сейчас всё время несколько женщин. И бабка-лекарка проверила его

на несколько раз — с ним всё хорошо. И ему уже дали второе имя — «Спасенный богиней».

— Мармук, честное слово, я... — я замаялась, не зная, в чём мне оправдываться.

— Не надо ничего объяснять — Мармук смотрел спокойно — отдыхай, набирайся сил. Захочешь идти с нами — мы подождём сколько надо. Захочешь остаться в деревне — жители будут только счастливы. Когда будешь думать, учти одно — нам осталось идти всего пару дней. Если не заладится там — всегда можешь вернуться в деревню. Только что ты будешь здесь делать? С твоими руками и способностями — он чуть усмехнулся — на хлеб надо зарабатывать совсем другим.

Пока я пыталась понять — на что это он намекает, Мармук ушёл. А у меня сразу пропал аппетит. Растопырила пальцы и внимательно осмотрела свои ладошки. Обычные, худые, загоревшие до черноты, с грязными обломанными ногтями. Это что угодно, только не руки врача (лекаря по местному). Да и всё, что я делала, это только лёгкий осторожный массаж. Единственной мыслью было размять твёрдые комочки, ведь я считала их проявлением запора, но никак не страшной болячкой, которую надо вылечить. Но ребёнок, если верить словам Мармука, выздоровел. Так что я сделала?! Или это сделала не я, а... Гернада? И таким образом показала, что я могу не только убивать, но и спасать чужие жизни? Хороший пример, но какой от него толк? Я ведь понятия не имею, как это делать. Приди ко мне любой крестьянин, попроси вылечить банальный насморк, и мне придётся беспомощно развести руками. Пара таких случаев, и весь мой авторитет развеется как дым. Ждать, пока кто-то соберётся умирать и надеяться, что уж тогда-то я смогу проявить себя? Я вдруг осознала, что вопрос — оставаться или нет — уже решён. Может здесь и будет сытно и спокойно, но я откровенно боюсь. Всё что я делаю, получается случайно, когда я очень сильно этого захочу. А надеяться на вдохновение, обнадёживая ни в чём не повинных людей, я не смогу. И роль недоучки-студента, изображающего из себя великого доктора, точно не для меня.

С грустью посмотрев на все великолепие стола, попыталась наесться впрок, но кусок в горло не лез. Я вдруг подумала, что на улице меня *уже* может ждать какой-нибудь больной. И как он на меня посмотрит, когда я скажу, что ничем не могу ему помочь... Внутри всё перевернулось. Торопливо схватив несколько особо аппетитных кусков, завернула в лежавшее на столе полотенце (надеюсь, хозяева простят) и выскочила на улицу.

Искать наемников не пришлось — они расположились как раз у дома, где отсыпалась и я. Умытые, сытые и чуть сонные. Стоило Мармуку глянуть на меня, и я торопливо выпалила:

— Я готова идти.

— Ты хорошо подумала?

Я кивнула.

— Ну и ладно — Мармук зевнул — Сегодня передохнем, а завтра с утра...

— Нет, — перебила я его — лучше прямо сейчас.

Наемники мгновенно насторожились.

— Что-то случилось?

— Нет, не случилось. Но... это очень важно... для меня.

Несколько мгновений тишины, переглядываний, и Мармук подвёл итог.

— Раз важно, то и нечего рассиживаться. Подъём!

Наемники разошлись собираться, а я решила уточнить мучивший меня вопрос.

— А что с женщиной?

— С какой? А, с той, из леса... А что с ней может быть? Мы подоспели вовремя, она

ещё сможет начать новую жизнь. Да и лечебными настойками мы накачали её под самую завязку. Недельку будет как в тумане, но хотя бы не сойдёт с ума. Да и с чего там сходить? Для взрослой бабы побаловаться с парой мужиков — это почти что ничего — заметив, как у меня изменился взгляд, Мармук поперхнулся и заговорил уже торопливо, как бы оправдываясь — И вообще, она из *пришлых*. Если бы не мы, то их бы никто и не хватился. Подумаешь, несколько лишних скелетов в лесу, которые звери растащат через неделю. Так что этой бабе, можно сказать, повезло — она теперь под защитой, её все жалеют. Судя по фигуре, работать в поле она умеет, так что не пропадёт.

Деревенские переполошились от наших торопливых сборов, но стоило Мармуку многозначительно произнести: «Так решила Натис», и все сразу успокоились. Надо так надо. И еду мне можно было не воровать — на прощание нам выделили пару корзин с продуктами. А когда Мармук добавил, что мы в ближайшее время будем в крепости, то народ и вовсе повеселел — пара дней дороги по местным понятиям — вообще ничего.

Снова дорога. Снова тряска в повозке, снова настороженные наемники, прислушивающиеся к каждому звуку. Обо мне проявили неожиданную заботу, даже местечко в повозке постарались сделать помягче, набросав всякого тряпья. Надо радоваться, но не получается — наемники перестали смотреть мне в глаза. Вроде и разговаривают нормально, чуть ли не дружески, но смотрят словно куда-то вбок. А ещё хуже то, что стоит мне задержать на ком-то взгляд, посмотреть чуть дольше, чем это необходимо, и человек начинает нервничать. Кто-то больше, кто-то меньше, но нервничали все. И вдруг до меня дошло — они меня боятся! Я никому из них ничего плохого не делала, но они что-то увидели, что-то поняли. А может наоборот — они чего-то не понимают, и этим я их и пугаю. Но как объяснить им то, что я не понимаю сама? Можно оставить всё как есть, и наслаждаться чужим страхом и собственной кругостью. Можно уйти от этих людей, ставшими уже немного привычными, и начинать всё с начала. Искать защиту, заработок, понимание.

И решение придётся принимать в ближайшие дни, как только доберёмся до мифической Большой Скалы. Очень не хочется начинать всё с начала, но придётся. В конце концов я решила не забивать себе голову — что будет, то будет. Устроившись поудобней, решила побольше спать — и время быстрее пройдёт, и сил надо набраться. Кто знает, что ещё меня ждёт...

К крепости мы вышли как-то неожиданно. Только что шли в сумраке деревьев, и вдруг в глаза ударил яркий солнечный свет. Зрелище было великолепным. Огромная скала высотой, наверное, метров двести, одна из сторон которой словно срезана ножом. Стена гладкая, но вся словно изъедена какими-то гигантскими червями, оставившими многочисленные дыры. У основания скалы полукругом мощная крепостная стена метров двадцати высотой. Даже на мой взгляд, крепость выглядела несокрушимой.

Я повернулась к Мармуку.

— Это и есть Большая Скала?

— Это? Нет, это Большое Гнездо.

— Но ты же говорил стражникам, что мы идем к Скале!

Мармук хмыкнул.

— Правильно подмечено — стражникам. А сама Скала — он махнул рукой куда-то на восток — очень далеко. Быстрее, чем через месяц, не добраться.

Мармук ещё некоторое время всматривался в крепость, выискивая понятные только ему

приметы.

— Вроде нормально. Надо поторопиться, а то после захода солнца могут и не пустить.

Большое гнездо

Метров на семьсот вокруг крепости раскинулось чистое поле. Причем рукотворное — пока шли к воротам, замечала тут и там следы рубки, словно кто-то очень тщательно уничтожал всё, что хоть немного выступало над землёй. Слева от ворот раскинулись грядки местного огорода. Соток двадцать, не меньше, радовали глаз сочной зеленью на тщательно прополотых грядках. Заметила характерные хвостики моркови, помидоры, тыквы. Были ещё какие-то культуры, но я их не знала.

Вполне разумно, если подумать. И наши военные тоже, насколько я знаю, частенько заводят подсобное хозяйство, чтобы обеспечить солдат свежими продуктами. А уж для отдаленного гарнизона, при отсутствии холодильников, снабжение должно быть на первом месте. Наверняка и ближайшие деревни поставляют продукты, но прокормить такую прорву народа (если судить по размерам крепости) они вряд ли смогут. Скорее всего, периодически и обозы с продуктами приходят. Может поэтому и дорога, по которой мы шли, не выглядела заброшенной?

У ворот нас уже ждали двое солдат, одетых, несмотря на жару, в лёгкие кожаные доспехи и шлемы. Когда мы подошли метров на двадцать, один из них вскинул руку.

— Стоять.

Мы послушно остановились, тем более, что на нависающей над нами стене появилось ещё несколько солдат с луками в руках.

— Кто такие?

Мармук чуть вышел вперёд и поднял в руке небольшой кусок зеленой ткани.

— По найму к барону Мику.

Солдат не стал подходить, проверять, удовлетворившись одним видом зелёной тряпки.

— Проходите.

Мы вошли в прохладу арки, и я заметила известные по книгам тяжелую решетку, узкие бойницы в стенах и под потолком. Ворот оказалось двое — наружные и внешние, которые при необходимости могли образовывать тамбур для «досмотра» или уничтожения нежелательных гостей. Нам, слава богам, такую честь не оказали. Появился ещё один солдат, отвёл нас вовнутрь и приказал сесть у стены и ждать начальство. Вроде без явной враждебности, но вокруг в радиусе метров пятидесяти вдруг появились ещё с десятков солдат. Может, им нечем было заняться, может просто любопытно, но приглядывали за нами они очень внимательно.

Наёмникам на это было наплевать. Уселись у стеночки, в тенёчке, и как будто собрались спать. Может накопившаяся усталость сказывалась, а может лучше меня знали местные порядки и не надеялись лицезреть начальство раньше вечера.

Я тоже устроилась рядом с ними, но уснуть не смогла — слишком уж любопытно было увидеть настоящую военную крепость. Многие были знакомы по фильмам. Просторная площадь, окруженная мрачноватыми казармами. Коновязи, несколько чучел, изображающих многоруких противников, ряд мишеней для стрельбы, полоса препятствий, на которой свалили в кучу брёвна, и всякий мусор. Скорее всего, этот плац и был центром местной жизни. В глубине, почти у самой скалы, возвышался почти настоящий дворец. Во всяком случае, он имел не такой мрачный вид, оконные проемы более высокие, и имелось даже несколько балконов. Скорее всего — дом для начальства.

Взгляд невольно переместился на скалу, и тут я заметила, что отверстия в ней не совсем обычные. Почти все круглые, раскиданные без видимой системы, но почти у всех нижняя часть закрыта отчетливо различной каменной кладкой. Это что получается, там живут, что ли? Или это часть общей обороны? А ведь из них и стрелять удобно. Первый рубеж — стена, и даже если враг ворвётся внутрь крепости, он всё равно будет как на ладони для лучников, разместившихся на скале. Наверное, там не только лучники есть, но и какие-нибудь большие самострелы, способные стрелять настоящими брёвнами. Голова задиралась всё выше, и сразу появилось сомнение — но ведь можно спуститься с верхушки скалы по верёвкам, и вся оборона рухнет в один момент! Не знаю, с чего у меня вдруг проснулась страсть к военным вопросам, но я, не удержавшись, затормошила сидевшего неподалёку Мармука. Выслушав меня, он только зевнул.

— Наверху есть ещё одна стена, которая не позволит забраться на верх скалы.

— Но её же придётся охранять, распылять силы!

Мармук хмыкнул.

— Там такой крутой заросший склон, что пробираться можно только ползком. Десятка лучников достаточно, чтобы остановить любую армию.

— Так ты уже был здесь? — дошло до меня.

Мармук молча кивнул.

— И снова хочешь служить?

Снова кивок.

— И как здесь служба?

— Как повезёт — Мармук вдруг помрачнел — Можно и год простоять в карауле и ничего не случится. А может... Из тех, кто служил перед нами, за два дня в живых остались в лучшем случае один из пяти. Как повезёт — снова повторил он.

А мне почему-то подумалось, что раз его снова позвали на службу, значит...

Начальство появилось только через час. Высокий, под метр девяносто, мужчина лет тридцати. «Белокурая бестия», «чистокровный ариец», почему-то подумала я. Мечта любой девчонки. Крепкая, но не тяжелая, накачанная фигура. Прямая осанка, лицо с правильными чертами, чуть высокомерная усмешка. Человек, привыкший к власти и беспрекословному подчинению. Настоящий воин, и если бы не выражение спесивого превосходства на лице, он бы мне почти понравился. Во всяком случае, за его спиной можно чувствовать себя как за каменной стеной.

Завидев его, Мармук торопливо отдал команду, и наёмники выстроились в шеренгу. Не зная, что делать, я тоже пристроилась чуть сзади и сбоку от Мармука. Барон Мик (если это был он) молча взял у Мармука зелёную тряпочку, внимательно осмотрел, словно там было написано что-то важное, затем так же молча прошёлся перед шеренгой, всматриваясь в наемников. Наверное, хороший командир с одного взгляда определит кто перед ним — опытный боец или шантрапа, нацепившая оружие. Наемники от этого взгляда сразу подтянулись и стали походить на настоящих солдат. Вернувшись к Мармуку, Мик негромко спросил:

— Ты вроде уже служил здесь?

— Да, четыре года назад.

— Хорошо, значит тебя учить не надо. Как остальные — сборные или команда?

— Моя команда, господин барон.

— Очень хорошо. Значит будешь отвечать за них и дальше. Поступаешь в третий взвод, к

Ардану. У него сильный недобор.

— Слушаюсь.

Мик кивнул и вдруг уставился на меня, словно только что увидел.

— А это ещё что за девка?

Мармук напрягся, но потом довольно твердо ответил.

— Она тоже в моей команде.

— Девка?!

— Она тоже может убивать.

Я чуть не запаниковала — он что, хочет «похвалиться» моими «подвигами»?! Но для Мика эти слова ничего не значили.

— Убить может любой. А мне нужны солдаты, которые будут стоять на посту, которых я могу послать в лес, которые смогут бежать десять километров, а потом вступить в бой. Она стоять-то сможет, если на неё надеть доспехи? Меч удержит?

Мармук неожиданно воспротивился.

— Она в моей команде — мрачно повторил он.

Мик прищурился, но сдержался от резкости.

— Это твои дела. Но платить за неё я не буду. И охранять в казарме не собираюсь.

Мармук тут же вытянулся.

— С деньгами мы решим сами. А для неё будет вполне достаточно койки в казарме у кухарок.

Мик оглядел меня ещё раз, более внимательно.

— На шлюху вроде не похожа. На бойца — тем более. Зачем же ты им нужна, девочка?

Не зная, что отвечать, я опустила голову.

— Ну да ладно — Мик снова превратился в командира — Сегодня обустройвайтесь, отдыхайте, а завтра будете заниматься по общему распорядку. А ты, девочка, запомни — места у нас дикие, народ простой. Сможешь постоять за себя в казарме и в лесу — твоё счастье. Нет — искать твои кости никто не станет. Поняла?

Я торопливо кивнула.

— Ближайший обоз будет не раньше чем через месяц. Выживешь до его прихода — твоё счастье.

Мик подавлял своей властностью, и когда он ушёл, не только я одна незаметно переводила дух. Не то, чтобы сильно испугалась, но... чувствовала я себя неуютно. И эта его фраза про мои косточки оптимизма тоже не добавляли. Опять же, Мармук говорил, что тут уж кому как повезёт. И повезёт ли конкретно мне? Может и в самом деле вернуться, пока ещё не поздно, в деревню?

Из задумчивости меня вывел необычный, словно извиняющийся голос Мармука.

— Натис, ты не сильно рассердилась, что я причислил тебя к своей команде?

Я улыбнулась.

— Да какой от меня толк? Мик ведь правду сказал — я даже меч поднять не смогу.

Мармук сразу приободрился.

— Меч — это не главное, это мы и сами умеем. А вот ты можешь сделать гораздо больше.

Наверное, он намекал на то, что я сотворила с насильниками в лесу, и я решила прояснить наши отношения до конца.

— Макмук, я не убиваю по приказу. И я не знаю, кого я убью следующим.

Прозвучало это очень нехорошо, и наёмники помрачнели. Мармук долго молчал, но потом очень серьёзно ответил.

— Надеюсь, что мы не дадим повода, и тебе не придётся убивать *нас*.

Странное обещание от наемника, привыкшего чужой кровью зарабатывать себе на жизнь. Остальные переглянулись, потом каждый, как бы давая безмолвную клятву, кивнул головой. Теперь все ждали моего решения. Станный молчаливый разговор, когда для битых жизнью мужиков почему-то важно решение девчонки. И ведь они не играли, для них это было действительно важно.

Не хотелось их обидеть, и не хотелось давать обещания, которые я не смогу выполнить. Я заговорила, медленно подбирая слова:

— Я ничего не буду обещать и ничего не буду требовать. Пусть остаётся по-прежнему — мы — рядом, но решения, что и как делать, я буду принимать сама. Если это можно назвать, что я в вашей команде, пусть так и будет. Но если... — я замаялась, не зная как сформулировать — если вы сделаете что-то очень плохое, то я вас убью. Или просто уйду, ничего не объясняя.

Грубые, нехорошие слова неблагодарной стервы, возомнившей о себе невесть что, но по-другому я сказать не могла. Я была благодарна этим грубым мужикам за то, что они для меня сделали, но...

Наемники помрачнели ещё больше, но Мармук не обругал меня, не послал... идти лесом и в одиночку.

— Легкая смерть — об этом наёмнику можно только мечтать — он даже улыбнулся. Потом обернулся к остальным и как-то очень многозначительно произнёс — Мы прошли от третьего до первого круга, не потеряв ни одного человека. Может это счастливая случайность, а может это заслуга Натис. Надеюсь, что и дальше будет не хуже.

Он снова повернулся ко мне.

— Но в группе главный всё-таки я!

Я облегченно вздохнула.

— Другой бы спорил, драться лез. Но я не буду.

На этом выяснение отношений и закончилось.

Благодаря тому, что Мармук уже служил здесь, бытовые вопросы решились быстро. Сначала перетаскали вещи в одну из казарм. Таскали мужики, а я уж так, за компанию. Посмотрела, как живут настоящие солдаты. Пробыла там всего минуту, но этого хватило, чтобы бежать без оглядки. Внешне — чистота и порядок. Просторные комнаты, в которых рядами стояли двухэтажные нары (или деревянные кровати, не знаю как правильно). Тумбочки, ящики для вещей, стеллажи, стойки для оружие. Но меня чуть не убил неистребимый запах мужского пота и преющей кожи. Понятно, что в жарком и сыром климате, в джунглях, так и должно быть, но ощутить это самой... Можно привыкнуть ко всему, но в первый момент ощущение было не из приятных.

Потом всей толпой отвели нашего осла на местную конюшню, располагавшуюся в одной из нижних пещер. Вот тут мне понравилось — сухо, прохладно, запах свежей травы. Судя по пустующим стойлам, тут можно было содержать чуть ли не сотню лошадей, но сейчас стоял от силы десяток.

Потом пошли в столовую, и нас без всяких разговоров накормили. Густой жирный суп с мясом, свежий хлеб без ограничений. После походной еды он показалось невероятно вкусным. Когда все наелись и начали сыто отваливаться, Мармук привел полную женщину с

характерными чертами индианки. Пошептался с ней, показывая на меня глазами. Я даже различила: «за кормёжку», но мне было всё равно — сейчас мне хотелось только спать. Женщина критически оглядела меня, затем буркнула: «Пошли». Я покосилась на Мармука, и тот утвердительно кивнул.

— Я договорился, будешь пока работать на кухне.

На кухне так на кухне. Хотя бы сытой буду. Еле переставляя заплетающиеся ноги, поплелась за женщиной. Та провела меня в соседнее здание, показала на деревянную кровать, ничем не отличающуюся от солдатской (тоненький матрасик с подушкой, без всякого белья).

— Будешь спать здесь.

У меня хватил сил только заползти на кровать. Наверное, я просто расслабилась, что наконец-то появилась хоть какая-то определённость. Уже засыпая, успела подумать — а всё равно хорошо!

Спала я как убитая, но на следующий день долго валяться мне не позволили. Дали (женщина, которая «приняла меня на работу») быстренько растолковала мои обязанности. Очень важные, очень нужные, без которых не может обойтись ни одна кухня — обязанности посудомойки. То здание, в котором нас покормили в первый раз, использовалось скорее как склад для продуктов, хотя и там была своя кухня. А в обычное время готовка и кормежка проходили под несколькими навесами (типа летней кухни). Под одним навесом стояли столы, за которыми могли усесться человек двести (хотя больше пятидесяти одновременно я ни разу не видела). Может из-за специфики службы, но солдаты приходили группами человек по двадцать-тридцать. Это уже потом я узнала, что это патрули, дозоры, и ещё как их там называют. Кто-то отправлялся на задание, кто-то возвращался, и таких кормили тем, что было. Те, кто в карауле, приходили со своими бачками и питались отдельно, у себя, по своему графику.

Мытьё посуды — наверное, самая привычная работа для женщины, и самая нудная. Вроде чего проще — очистить тарелки от объедков, помыть в корыте с горячей водой, сполоснуть в теплой, расставить на стеллажах для просушки. Но из-за ненормального графика кормёжки это растягивалось в нудное занятие на целый день. А ещё кастрюли, сковородки, протереть столы, подмести пол, вынести ведра с объедками, и пр. и пр.

Как и на любом новом месте, первые дни пролетели совершенно незаметно. Я только и видела, что тарелки, тарелки, тарелки...

Солдаты ели очень хорошо, но объедки всё равно оставались, и дней через пять мне доверили и новую обязанность — относить ведра с помоями животным. Ничего трудного, хоть и ничего приятного. Большая часть доставалась свиньям. Некоторая часть очисток от овощей — лошадям, а пара ведер, с самым «вкусным», полагались собакам. Собаками их можно было считать весьма условно — скорее уродливые уменьшенные копии льва — голая куца задница, грива волос на шее и плечах, а к плоской морде будто приткнули кирпич. Если бы ещё этот «кирпич» периодически не открывался, являя миру огромные зубы, то над ними можно было даже посмеяться. Но работу свою они делали исправно (их использовали как сторожевых / пограничных собак). И ухаживали за ними соответствующе, вплоть до выделения официальной пайки и специального человека для присмотра за ними. К собакам меня не подпускали (вроде как еду они должны брать только у своих поводырей), но в этот раз старший куда-то отлучился. Я постояла немного, ожидая его, а потом мне это надоело. Чего я стою? Кормушки рядом, всего и делов-то, что вывалить туда содержимое ведер. Не

обращая внимания на рычание собак, подошла, и вдруг одна из собак заворчала как-то по-другому, не как остальные. Вроде смесь из рычания и слов человека, пытающегося говорить с набитым ртом. Необычно, но мало ли чего ни бывает на свете. Потом сквозь рычание промелькнули вполне различимые слова. Что-то вроде «гр-р сучка вонючая, гр-р провонявшая помоями гр-гр». Я и сама была не в восторге от своей работы, а тут ещё и какая-то собака позволяет себе материть меня?! От неожиданного оскорбления у меня у самой губы задергались. Бросив ведро, я пошла на собаку.

— Ах ты сучий потрох! Ты ещё смеешь пасть разевать на меня?! Да твоя мамаша была так уродлива, что на неё позарился только крокодил, который и наградил тебя такой уродливой мордой! Да я тебе уши обрежу и засуну тебе в задницу, спущу шкуру и сделаю коврик в отхожем месте. Да я... — не находя бранных слов, я сама зарычала — гр... рр.

Собака опешила, попятилась от меня, но я уже так завелась, что подошла к ней вплотную и врезала кулаком по носу. Это уж потом я сообразила, что собака могла откусить мне руку по локоть одним движением чудовищных челюстей, но в тот момент меня просто трясло от ярости. И удар у меня совершенно не смертельный, но собака, наверное, от удивления, упала на задницу, глаза стали круглыми (насколько это возможно для собаки). Поднеся кулачок к её морде, я угрожающе прорычала:

— Только твякни ещё раз, шавка бесхвостая.

Собаки притихли, разглядывая меня. Гордая собой, забрала ведра, но на выходе наткнулась на главного собачника. Оказывается, он стоял сзади и наблюдал за нами непонятно сколько времени.

— Неплохо, девочка, но следующий раз так не делай — порвут на кусочки.

— А вы смотрите за ними получше, чтобы они языки не распускали!

— Чего?!

— Таво! Ещё раз кто вякнет, я им... — оглянулась на собак, но те сидели спокойно и внимательно прислушивались к разговору — Ладно, проехали.

Происшествие глупое, но собаки «ткнули меня носом», что я начала опускаться. Замотанная однообразной работой, начала забывать, что на свете есть не только грязные тарелки и вонючие тряпки.

Вернувшись на кухню, сразу отправилась к Дали. И с ходу:

— Мне нужно сменное рабочее платье, а то скоро я превращусь в кусок грязи!

Я настроилась на скандал, что Дали сейчас начнёт орать на меня, попрекать куском хлеба, но та ответила просто.

— Давно бы сказала. Я думала у тебя есть во что переодеться.

Пока я наливалась яростью — ведь видела прекрасно, что никаких чемоданов у меня нет, Дали ненадолго отлучилась, а вернувшись, протянула мне скомканные тряпки. Развернув их, обнаружила серое прямое платье (очередной мешок с рукавами, но хотя бы чистый) и фартук, поставивший меня в тупик. Покрой самый обычный — лямка через шею, закрывает грудь и подол, завязки, но материал... Самый настоящий белый латекс! Ровный, гладкий, явно фабричного производства. Откуда он здесь?!

Видимо, Дали почувствовала моё раздражение, потому что прислала в помощь женщину, которая занимала этот пост до меня. Работа сразу пошла веселее, но я всё равно была заведенная, злая на себя и на весь свет непонятно за что. Даже тарелки, казалось, почувствовали моё раздражение. Ни одна не пыталась выскользнуть из рук, а мылись они сегодня на удивление легко — одно движение руки, и тарелка сразу начинала сверкать

чистотой. И только закончив мытье в рекордные сроки, я немного удивилась — что же такое сегодня готовили, что посуда моется так легко? Женщина, помогавшая мне, сделала ещё один подарок.

— Натис, не дуйся, иди, приведи себя в порядок, столы я сама помою.

Уговаривать меня не пришлось — я буквально всей кожей чувствовала слой грязи и жира, липнувшего ко мне. Горячей воды в котлах было хоть залейся, и, наполнив пару ведер, я отправилась приводить себя в порядок. Для этих целей, как я заметила, использовали небольшой закуток, отгороженный метрах в ста от нашей казармы. Несколько железных корыт, стиральные доски, небольшая емкость с мыльным раствором, большая ёмкость с холодной водой (хотя какая она холодная на такой жаре?)

Долго ожесточенно стирала платье, долго мылась сама, чуть ли не сдирая кожу, долго сидела, прислушиваясь к своим ощущениям. Потом вдруг поняла — что-то должно произойти. Не стала ждать, пока платье высохнет, и отправилась гулять по крепости в «подменном» платье. Простенькое, но зато чистое.

Был уже вечер. На улице тепло, свежо, и заходить в душные помещения совершенно не хотелось. Примерно так же думали и все остальные. Во всяком случае, в проходах между зданиями и на плацу народу было непривычно много, и оттуда периодически доносились взрывы хохота. Любопытство и кошку сгубило, и для меня оно никогда не заканчивается хорошо, но не прятаться же от людей! Да, там на плацу куча народа, сплошь грубые мужики, но в столовой они вели себя относительно прилично и если не считать того, что меня (мысленно) не один десяток раз раздели и изнасиловали, то ругать их пока было не за что.

Развлечения были такими же простыми и грубыми. С десятков солдат собралось в одном углу плаца и тягали вверх-вниз гантели и штанги, сделанные из камней. В другом старались с расстояния прицельно попасть в камни, лежащие на земле, причем имело значение и в какой камень попасть, сдвинется он после этого и ещё какие-то нюансы. Смысл игры я не поняла, но страсти кипели нешуточные. Потоптавшись немного рядом с игроками, заметила и «свою» команду. Эти расположились на скамейках вокруг импровизированного ринга. Солдаты и наемники сидели попеременно, лениво перебрасываясь словами. Время от времени на ринг выходила пара солдат, кланялись остальным и начинали драться. Кто на кулаках, кто на деревянных мечах, то на копьях. Наверное, всё-таки не всерьёз, потому что не смотря на крики, громкие звуки ударов, крови почти не было. Местный реслинг? Они, поди, ещё и ставки делают?

Пробравшись к скамейке, на которой сидели «наши», присела с краю, рядом с Мармуком. Тот покосился на меня.

— Ну, как дела?

— Да какие дела могут быть у посудомойки? — улыбнулась я — Грязная посуда, грязные тряпки, помойные ведра. Вот и все развлечения.

— Не обижают?

— Пока — нет. А у вас как дела?

Теперь хмыкнул уже Мармук.

— Да какие дела могут быть у наемников на службе? Тренировки, наряды, пот и стонущие мышцы. Вот и все развлечения — закончил он, повторив мои слова.

— Не обижают?

Мармук снова хмыкнул.

— Готовую команду обидеть трудно. А если вовремя не остановиться, то дело

закончится кровью, а за это по местным законам наказание только одно — смерть. Поэтому если и цепляются, но осторожно. Вот и это соревнование больше для нас организовали.

— А что здесь делают?

— Разве не видишь — дерутся.

— Зачем?

— Чтобы было понятно кто есть кто. Сержант нас уже проверил, но его мнение, хоть и весомо, но всё равно не окончательно. Здесь собраны солдаты и наемники-одиночки, которым всё равно где и с кем служить. Но есть и несколько готовых групп, которые на задание отправляются только со своими. Если кого-то из них зацепить, то на защиту бросятся уже все. А чтобы не лить лишнюю кровь, и устраивают такие соревнования — группа вызывает на поединки другую группу. У кого больше побед, тот и будет задавать тон. Вон, видишь мужика с двумя косичками в виде рожек? Это Анхель, его группа считалась самой сильной до нашего прихода. Сейчас идут бои одиночек, а потом он бросит нам вызов от своей группы.

— И вы будете драться толпа на толпу?!

— Нет, каждый вызывающий выбирает себе противника сам.

— А вдруг он заведомо сильнее? Отказаться можно?

— Можно. Только это будет позором для всей группы, и с ней больше никто считаться не будет. Да и что значит «отказаться»? В бою тоже будешь выбирать противника послабее? Нет, конечно. Что досталось, с тем и бейся!

Я притихла, пытаюсь переварить услышанное. Наверное, это правильно, учитывая местные условия. Но было бы понятнее, если бы были одиночные бои без привязки к группе, типа рейтинга бойца. Поняла бы, если бы дрались группа на группу, определяя слаженность. Но поодиночке, чтобы узнать чья группа главнее? Больше похоже на мальчишеское мерянья пиписьками.

Между тем «разминочные» поединки закончились, и на ринг, обозначенный расставленными скамейками, вышел детина с рожками, о котором говорил Мармук. Горделиво покрутился, оглядывая присутствующих.

— Моя группа хочет в очередной раз показать всем, что она в лучшая в Большом Гнезде. Мы вызываем новичков, группу Мармука!

Все притихли, ожидая ответа. Мармук неторопливо встал, тоже огляделся, как бы проверяя, что его слушают внимательно.

— Мы принимаем вызов!

Толпа сразу зашумела, потом снова притихла, ожидая первую пару. Анхель вернулся к своим, они о чем-то переговорили, и на арену вышел откровенный коротышка. Ростом чуть выше меня, в три раза шире. В руках копьё. Крутанув его, ткнул им чуть ли не в лицо Манго.

— Ты.

Манго спокойно встал, вышел на арену и ему тут же передали копьё для поединка. Короткий поклон зрителям, и бойцы бросились друг на друга.

Саму схватку я не поняла, настолько она была скоротечна. Дробный стук сталкивающихся копий, несколько круговых отбиваний, и противник Манго вдруг перекосялся от удара копьём в бок. Ладно хоть копыя были без наконечников, а то бы Манго точно проткнул коротышку. Зрители, понявшие гораздо больше меня, одобрительно зашумели.

Тернаку пришлось драться на мечах, а Ксанфу на кулаках. С трудом, но оба выиграли, и

это совсем не понравилось Анхелю. Внешне он был спокоен, но я — то чувствовала его раздражение. И когда он вышел на арену, даже немного пожалела Мармука. Сейчас Анхель (как старший в группе) его вызовет, а чем дело закончится, я бы даже не рискнула предсказывать.

Анхель, действительно, подошел к нам, но ткнул пальцем не в Мармука, который готов был встать, а в меня.

— Ты!

— Я?! — судя по гулуголосов, удивлена была не только я. Кто-то даже крикнул.

— Побойся богов, Анхель, она же девчонка!

Но тот совершенно не смутился. Ткнул пальцем в Мармука.

— Ты говорил, что она член твой команды?

Кто-то из местных остряков тут же выдал:

— Да какой же она *член*? Ты бы хоть пощупал её сначала, прежде чем такое говорить!

Мужики заржали, но Анхель остался серьезен и не сводил взгляда с Мармука.

Тот кивнул.

— Ты говорил, что она может убивать?

Снова кивок.

— Она будет сражаться, или ты признаешь поражение?

На этот раз Мармук с ответом задержался. Повернулся ко мне, долго смотрел прямо в глаза, затем снова повернулся к Анхелю.

— Она будет сражаться.

Анхель удовлетворенно кивнул. Вернулся в центр арены и с усмешкой бросил:

— Я жду!

Честно говоря, состояние было шоковым. Я, против этого громилы?! Захотелось убежать далеко-далеко, но меня остановил, словно пригвоздил к месту твёрдый взгляд Мармука. И его слова были неожиданными.

— У меня только одна просьба, Натис — не убивай его. В остальном ты вольна делать что пожелаешь.

— Ты что, считаешь, что у меня есть шанс выстоять против Анхеля? — моему удивлению не было предела.

— Я гораздо больше боюсь за него, чем за тебя — Мармук был серьезен.

И ещё мой амулет Гернады ударил болью: «Действуй!» Я с надеждой повернулись к остальным наемникам, но и те почему-то не выглядели обеспокоенными или испуганными. Они что, тоже считают меня великим бойцом?!

Это было неожиданно, но помогло успокоиться. И в самом деле, чего я боюсь? Со мной уже было столько странного, я уже столько натворила... А сейчас передо мной всего лишь мужчина, который надеется на свою грубую силу. Для меня сейчас важны всего две вещи — чуть разозлиться, чтобы моя сила возросла, и не переусердствовать, не убить сторяча. Что я могу сделать с этим бугаем? Да что угодно, я уже ощутила поднимающуюся внутри силу. Будет полезно полечить его немного от излишней самоуверенности. Уже одно то, что он вызвал на бой не матерого наемника, а сопливую девчонку, не очень-то хорошо характеризует его. И какие бы ни были у него причины и цели, за такое надо наказывать. Лишь бы моя собственная уверенность не оказалась пустышкой.

Зрители притихли в ожидании. Решившись, я мягкой походкой двинулась на Анхеля. Расплывшись в улыбке, он чуть наклонился, расставив руки, и чуть переступил с ноги на

ногу, выбирая устойчивое положение. Я послала в его сторону легкий приказ: «у тебя отнялась левая нога», и Анхель тут же рухнул. Завозился, пытаюсь встать, и я добавила новый приказ: «У тебя отнялась правая нога». Анхеля словно парализовало ниже пояса. Надо отдать ему должное — даже не понимая, что происходит, он всё-таки сел, опираясь на одну руку, а вторую, с зажатым ножом, выставил вперёд. Новая команда: «у тебя парализовало руки», и он рухнул на землю беспомощным мешком.

Я неспешно подошла к нему. Глаза полны непонимания, бессильной ярости. Если бы была возможность, он разорвал бы меня на кусочки голыми руками. Очень хотелось наступить ему ногой на горло и произнести что-нибудь победно-пафосное типа: «Ну, кто ещё хочет комиссарского тела?», но я вдруг подумала, что за это придётся отвечать. Я ни сделала ни единого лишнего движения, не творила заклинания, но как только я коснусь его, всем сразу станет ясно, что это сделала именно я. А как здесь обращаются с ведьмами, я уже испытала на своей шкуре. Конечно, только полный дурак решит, что происходящее — всего лишь случайность, но что-то удержало меня от откровенного унижения Анхеля.

Поэтому я только постояла над ним, аккуратно обошла его кругом и вернулась на свое место. И всё это в полной тишине. Дав команду: «У тебя всё в порядке, руки-ноги работают», заметила, что Анхель начал чуть шевелиться, и скромно уселась на свое место.

Никто не смеялся и не ругался — все как замороженные следили за Анхелем. Тот вел себя словно после эпилептического припадка — руки подергивались, а встать он смог только с чужой помощью. Люди из его команды помогли ему подняться, увели с арены, и тогда поднялся Мармук.

— Есть ещё желающие бросить вызов моей команде?

Желающих, разумеется, не нашлось. У каждого, наверное, мелькнула мысль — если уж слабая девчонка в команде творит такое, то на что способны взрослые мужики? Как это ни называй, хоть колдовством, хоть проявлением особого боевого транса, но испытывать подобное на себе никто не захочет. Ни в бою, ни тем более в мирное время.

Лишь один наемник, сидевший неподалеку, негромко спросил:

— Она всё время так бьется?

Мармук ответил серьезно.

— Нет, сегодня она была очень доброй...

Открыто вражды никто не выказывал, но Мармук не стал задерживаться. Коротко бросил:

— Уходим!

Я пристроилась за ним, остальные окружили меня, и мы, настороженные, неспешно ушли. Я думала, что мы будем прятаться, но Мармук отвел нас к моей казарме. Внутрь заходить не стал, а просто уселся прямо у стенки. Остальные тоже без всякой команды уселись. Одна я не могла сидеть спокойно — у меня начался «отходняк», и меня потряхивало от возбуждения. Хотелось говорить, говорить, что-то делать и я не понимала, почему наемники так спокойны. Наконец я не выдержала окружающего молчания.

— Мармук, у нас теперь будут неприятности?

— С чего вдруг?

— Ну... Я ведь... Я ведь дралась не по правилам.

— Анхель сделал ошибку, не выбрав оружие при вызове, так что ты была вправе использовать что угодно, вплоть до боевых артефактов. — Мармук мечтательно прикрыл глаза и улыбнулся — Смотреть было приятно, как ты его «сделала». Понадеялся, зараза, что

справится с тобой в любом случае, хотел поиздеваться, а теперь, наверное, не знает куда глаза девать от стыда. Хотя... Проиграть в поединке боевому магу — ничего позорного нет. Победить — слава, а проиграть — ну что тут поделаешь.

Я сразу насторожилась — это он про меня, что ли?

— Я не маг! И тем более — не боевой!

— Как скажешь, Натис — покладисто согласился Мармук — А показать тебя всё равно надо было. Лучше уж так, по-честному, при всех, чем если бы ты прикончила кого в тёмном углу. А теперь никто не посмеет сказать, что не знал, с кем связывается. Осталось пережить разговор с Миком, и будет полный порядок.

— А о чём с ним говорить?

Все заулыбались.

— У него в крепости появился такой боец, а он даже не поинтересуется?! Ну, ты даешь! Но будь осторожна — говори только то, в чём уверена. Если Мик поверит, что ты настоящий маг — я еле удержалась, чтобы снова не возразить — то у тебя сразу будет и хорошая должность, и деньги, и отдельное жильё. А если заподозрит, что врешь, набиваешь себе цену, то отдаст на расправу Холсу, опыты проводить.

— А это ещё кто?

— Боевой маг крепости. И кем бы ты себя не считала, но против него ты будешь навряде беспомощного котенка.

Обрадовал, называется. И почему-то про опыты я сразу поверила. Но вместо того, чтобы дрожать ещё больше, вдруг успокоилась, в душе появилась мрачная решимость. Опытты так опытты. На Земле я от них сбежала, а здесь бежать просто некуда. Может я и котенок против этого мага, но даже у котенка есть коготки. Маленькие, но очень остренькие. И кусаться я буду до последнего, пока не сдохну.

Мармук не ошибся. Не прошло и часа, как за мной явился солдат в полном боевом облачении. Покосился на сидящих наемников, но твердо заявил:

— Натис, тебя вызывает барон Мик.

Я согласно кивнула, и тут к нам подошел Мармук. Солдат сразу насторожился.

— Мармук, вызывают только её.

— Я слышал. Но я командир группы, и отвечаю за своих. Может и я смогу что рассказать.

Солдат немного успокоился.

— Как знаешь. Но если прикажут тебя выкинуть, то не обессудь, приказ будем исполнять, даже если придётся рубить тебя.

— Да знаю я, что такое приказ, и обид не будет. Но с девочкой мы пойдём вместе.

— Как хочешь.

Солдат привел нас к особняку, и только сейчас я впервые рассмотрела его в подробностях. Оказалось, что он двухэтажный, но светилось всего три окна на первом этаже. Когда зашли в холл, я сразу забыла про цель прихода сюда — я впервые в этом мире увидела настоящую роскошь. Затертый ногами, но всё ещё сверкающий сочными цветными узорами мраморный пол. Огромная хрустальная люстра невероятной красоты. А на боковой стене... Я вообще «выпала в осадок» — на фоне гор и синего неба огромный, невероятно живой, парящий жемчужный дракон с маленькой фигуркой человека на спине. Я словно «провалилась» в картину. Вернее это было мозаичное панно, но сложенное буквально из крупинок, будто светившихся изнутри. Это не была фантазия, художник, кем бы он ни был,

изобразил настоящего, живого дракона, которого он знал. Невозможно нафантазировать такие переходы цвета между чешуйками, шрамы на крыльях, небольшой сломанный коготь на правой лапе. Я находила всё новые и новые детали, и даже начала различать черты лица наездника. Ещё немного, и я бы увидела его лицо по-настоящему, но меня кто-то начал теревить за рукав.

— Натис, Натис, потом посмотришь. Сейчас нам надо идти.

Я с трудом вернулась в реальность. Оглянулась на Мармука, который смотрел на меня обеспокоенно, на сердитого солдата, уже готового тащить меня силком. Ах да, надо о чем-то поговорить с начальством. Ладно, сделаю ему одолжение, а потом вернусь и рассмотрю картину во всех деталях.

Кабинет, куда мы вошли, был странной смесью кабинетов начальника погранзаставы и аристократа. Большой стол, заваленный бумагами. Цветная карта на стене, на которой отчетливо выделялись «круги». Одна из стен увешана самым разнообразным оружием — мечи, ножи, странного вида копья. И ещё... я подумала, что у меня у начались галлюцинации — пара вполне привычных автоматов и несколько пистолетов! С трудом отведя от них взгляд, обратила, наконец, внимание на хозяина кабинета. Мик был прекрасен — породистый аристократ в своей стихии. Даже костюм, похожий по покрою на форму спецназовца, был сшит из великолепного материала, а широкий пояс с металлическими накладками и великолепный кинжал стоили, наверное, целое состояние. Я даже чуть улыбнулась — он что, ради меня так вырядился? Хотя... На груди у Мика висел странный (в моем понимании) медальон, похожий на стилизованное изображение солнца, только вот лучики у него были словно живые и синим цветом напоминали пламя газовой горелки. Но одежда не горела, и я снова засомневалась в собственном зрении. И ещё обратила внимание на одну странность — Мик держался прямо, заложив левую руку за спину (у нас вроде аристократы тоже так делают для лучшей осанки), но у меня снова появилось ощущение, что это не просто так, что у него в руке что-то есть, и он просто спрятал это «нечто» от наших глаз. Справа от него в глубоком кресле сидел мужчина лет пятидесяти, коротким ежиком светлых волос, крючковатым носом и настороженными, чуть навывкате глазами напоминавший сову. Телохранитель? Так слишком уж неудобно он уселся — случись что, он даже не сможет быстро встать. Советник? Или страшный маг, как его, Холс?

Пока я таранилась по сторонам, солдат доложил, и Мик отпустил его небрежным движением руки. Снова молчаливое разглядывание. Наконец Мик соизволил заговорить.

— За сегодняшний день мне уже дважды докладывали о твоих странных поступках, девочка. Настала пора познакомиться поближе.

У меня аж язык зачесался спросить — о чём он? Про Анхеля я и сама знаю, а ещё что? Плохо посуду помыла?

Не дождавшись вопроса, Мик продолжил сам.

— Как тебя зовут?

— Натис.

— Это настоящее имя?

— Настоящее — Наташа, но потом меня называли Натис, и я решила, что это имя подходит мне больше.

— Чем?

— Ну, не знаю. Просто подходит, и всё.

— Откуда ты?

Я чуть замялась.

— Родной город называется... Е-бург.

— Где это?

— Не знаю. Я долго скиталась и теперь даже не представляю, в какой он стороне.

Мик покосился на «сову», и тот чуть прикрыл глаза, словно подтверждая мои слова. Я насторожилась ещё больше — он что, типа «детектора правды» и проверяет, не вру ли я?

— Зачем ты пришла сюда?

Я откровенно удивилась.

— Что значит «зачем»? Искала место, где можно спокойно жить. Случайно прибилась к группе Мармука, он пришел сюда.

Мик даже замер на мгновение.

— Ты считаешь, что Большое Гнездо — самое спокойное место в нашем мире?!

Я пожала плечами.

— Пока меня почти всё устраивает, а дальше посмотрим.

— А если тебе что-то не понравится?

— Пойду дальше.

— Куда?

— Куда глаза глядят — это я уже сказала чуть резковато.

Мик помолчал и всё-таки задал свой главный вопрос.

— Ты — маг?

Я улыбнулась, радуясь возможности говорить правду, только правду и ничего кроме правды.

— Нет. Никогда им не была, не знаю, что это такое, и никогда с ними не сталкивалась.

— А как же ты справилась с Анхелем?

— Понятия не имею. Это получается у меня само собой, когда человек мне не нравится.

— Другими словами, если кто-то из солдат зажмёт тебя в уголке, то ты...

— Я могу сделать с ним нехорошие вещи, и может даже убью — честно ответила я.

Вдруг заговорил «сова». Или уж называть его магом, Холсом?

— И ты не можешь это контролировать?

— Я не знаю что это и как это должно быть на самом деле — осторожно ответила я.

— И давно это с тобой?

Я попыталась посчитать.

— Наверное, с полгода назад, после удара молнией.

— Какая она была?

— А я откуда знаю? Молния как молния, разве что она не прошла сквозь меня, а окружила коконом.

— А ты хотела бы научиться управлять своими способностями осознанно?

— Научиться убивать? Не хочу. Лучше я вообще никогда ничего не смогу сделать!

Маг чуть кивнул, будто получил подтверждение каким-то своим мыслям, и вдруг задал неожиданный вопрос.

— А что это за происшествие с собакой?

— А что не так?

— Ну, ты стукнула собаку по носу, а на такое решится далеко не каждый.

— А нечего был язык распускать! — мгновенно завелась я.

— Она тебя лизнула?

— Если бы! Эта шавка меня обматерила! Ну, я и не сдержалась...

— Обматерила?! — маг, не удержавшись, улыбнулся.

— Ну... Я поняла это так.

Маг встал и подошел к нам.

— Мармук, эта девочка опасна?

— Она *может* стать опасной, если посчитает что-то подлым, враждебным.

— Был повод убедиться?

— Был...

— И как же вы, грубые наемники, путешествуя с ней, остались живы?

— Натис сразу предупредила нас об этом, и мы старались сдерживать себя... А теперь у нас договор — мы вместе, но я ей не приказываю, и она вольна поступать как считает нужным.

— И зачем она нам такая неуправляемая? Может проще выгнать её из крепости, и пусть идёт куда хочет?

— Стены и ворота её вряд ли задержат. Хоть снаружи, хоть внутри.

— Даже так? — маг пристально смотрел на Мармука, но тот выдержал взгляд — Похоже, ты знаешь что-то ещё.

— Вам лучше спрашивать у Натис. Но мне будет намного спокойнее, если она останется в моей группе.

Маг подошел ко мне, гипнотизируя взглядом, и вдруг от его ладоней ко мне потянулись какие-то непонятные ленты. Я терпела сколько могла, но когда они почти коснулись меня, не выдержала и резко отступила вбок. Ленты сразу исчезли. Маг не выразил ни злости, ни радости. Отошел к своему креслу и уже оттуда произнес:

— Возвращайтесь в казармы. Девчонку не охранять — это уже Мармуку — Выполнять.

Приказной тон, да ещё в присутствии коменданта крепости, неприятно покоробил, но Мик спокойно подтвердил:

— Выполнять!

Дверь закрылась, и мужчины несколько минут молчали. Мик убрал в специальный кармашек на поясе серебристый цилиндр, который он всю встречу сжимал в руке.

— Ну, что можешь сказать?

— Странная, очень странная девчонка. Ни разу не соврала, хотя несколько раз отвечала не совсем правду. Пришла издалека, я даже не слышал о таком городе, а говорит чисто. Я несколько раз вставил аргунские и берканские слова, и она их прекрасно поняла, даже не заметив, что они из другого языка. Аура яркая, но в течении разговора несколько раз очень сильно менялась. Явно видит следы магии — я направил в её сторону простенькое учебное заклинание и она на него среагировала. Даже начала сама творить что-то очень мощное, дикое, но как только опасность исчезла, сразу успокоилась.

— Выводы?

— Похоже на дикого необученного мага-универсала, но я не уверен до конца.

— Что будем с ней делать?

— Я бы оставил всё как есть. Присмотримся повнимательнее, потом и решим.

— А если она угробит кого?

— Значит несколькими дураками станет меньше. Заодно и посмотрим, как она это делает.

— Если бы она была обычной посудомойкой и убивала обычным оружием, то я бы не

возражал. Но бесконтрольный маг, который не собирается никому подчиняться — это уже чересчур.

— Кстати, об оружии — маг встал на то место, где раньше стояла Натис, покрутил головой с закрытыми глазами, будто что-то вспоминая, затем подошёл к коллекции оружия на стене и очертил круг примерно с метр — Девочка задержала взгляд на этих образцах, словно они ей были знакомы.

Маг положил руку на автомат.

— Как ты думаешь, откуда она может знать о подобном? Это её цель или обычный вид оружия в тех местах, откуда она пришла?

— Чего проще? Под пытками всё скажет.

— А если загубим талантливого мага? А если она знает такое, о чем мы даже не подозреваем и просто не будем знать что спрашивать?

— Разве мало было таких?

Маг помрачнел, но сдержался.

— Ещё один маг крепости не помешает.

— Если он будет выполнять мои приказы. А если в самый неподходящий момент девчонка взбрыкнёт? Мне что, ходить и оглядываться? Проще её выгнать или вообще уничтожить. На всякий случай.

Маг долго молчал.

— Решать тебе — он склонил голову.

— Да, решать мне! И за людей и за крепость отвечать тоже мне! — Мик зло сжал губы, но маг стоял не шевелясь, со склоненной головой, и постепенно выражение злости на лице барона исчезло — Ладно, — добавил он уже примирительно — понаблюдай за ней. Но условие одно — в случае серьёзной заварухи она или будет выполнять все мои приказы, или... Отвечаешь головой.

Начальство не сказало ничего конкретного, и меня это вполне устроило. Главное — не ругались, ничего не требовали и не выгоняли. Уже хорошо. Вернувшись к себе, я с чистой совестью улеглась спать. И утром настроение было вполне нормальным. Немного напрягали взгляды солдат, ставивших тарелки на стол для грязной посуды, но я списала это на впечатление после вчерашнего «боя».

Странности начались днём. Время было уже обеденное, но ни один из солдат не появился. Очень странно, учитывая, что поесть любили все, но мало ли что случилось. Может у них какие-то учения, может ещё что. Радуюсь возможности побездельничать, уселась в тенёчке и решила поспать. Появление Мармука с остальными наемниками заметила уже сквозь дрему, но меня это напрямую не касалось — я ведь не на раздаче. Но наемники почему-то не стали обедать, а подойдя ко мне, уселись рядышком.

— Что-то случилось?

— Случилось. Ребята увидели, что ты моешь посуду, и теперь может начаться буза.

Я с трудом выбралась из дремы.

— Мармук, я наверное полная дура, но я не понимаю, какая может быть связь между моим мытьёмпосуды и мятежом в военной крепости?!

Мармук был мрачен.

— Ночью ко мне пришли на разборку Анхель и ещё с десятков солдат. То да сё, и мне пришлось рассказать, как ты одним взглядом убила десятерых. Поверили или нет, но на разборки с тобой они не пошли — проиграть магу не стыдно, а вот разбираться с ним один

на один — дураков нет. А утром они увидели, что ты снова моешь посуду...

— Далась тебе эта посуда! При чем здесь она?!

— Ты что, не понимаешь?!

Я честно замотала головой.

— Эти люди каждый день рискуют головой, и каждый день может стать для них последним. А тут боевой маг, вместо того, чтобы помогать и защищать их, моет посуду! Вот что после этого можно подумать?!

— А что тут думать? Эту работу нашел мне ты, начальству всё равно, я не против.

— И что из этого следует?

Мне это надоело.

— Слушай, не говори загадками, а просто объясни в чём дело!

— Уже то, что ты, девчонка, в одиночку, добровольно, пришла в Большое Гнездо, говорит о том, что ты сильный маг.

— Не вали в кучу всё подряд! Куда идти — мне было без разницы. И не в одиночку, а с вами. Вы меня защищали.

— Защищают преданные люди. Или те, кому ты заплатила.

— У меня не было выбора.

— А что ты сказала в первую ночь?

Я попыталась вспомнить, но вроде никакого криминала не было.

— Ничего особенного не помню.

— Ты пообещала всех убить!

— Ах, это... — я невольно смутилась.

— Какая «обычная» девчонка будет себя так вести?

— Ну, хорошо, хорошо, наверное, моё поведение можно объяснить и так. Но при чем здесь бунт и мытьё посуды?

— Ты говорила с Холсом и он тебя отпустил.

— Не нашел во мне ничего интересного — хмыкнула я.

— Если бы он хоть на мгновение заподозрил в тебе шарлатанку, то живая бы ты оттуда не ушла.

— И что из этого следует?

Мармук смотрел на меня серьезно.

— Много чего следует. Что ты пришла сюда с каким-то особым заданием. Что начальству на солдат наплевать, раз они предпочитают использовать тебя как посудомойку, а не как боевого мага, защитника. Что вы с Холсом в чем-то не сошлись, и в любой момент между вами может начаться война. Что ты хочешь отравить солдат.

Тут я не выдержала.

— А это ещё зачем?! И каким образом? Я ведь только мою тарелки, а не готовлю еду.

— Для мага это не проблема.

Я только на мгновение задумалась — как это вообще можно сделать, но Мармук это заметил.

— Зря я это сказал. Теперь и я начну бояться брать еду из твоих рук.

— Больших глупостей я ещё не слышала! Высосано из пальца, притянута за уши, переверано, совершенно дикие выводы... — до меня вдруг дошло — Меня выгонят из посудомоек, а может даже из крепости?

Мармук кивнул.

— Люди не понимают, что происходит, и это их беспокоит. Пока не появится хоть какая-то определённая, ты для всех будешь постоянной угрозой. Даже попытка выгнать тебя, разозленного мага, может обернуться неизвестно чем.

— Я не злой маг, а уставшая испуганная девчонка, которая хочет спокойно жить — я откинулась на стену и попыталась переварить услышанное — Не, ну какой бред! Ну как могут взрослые мужики придумать себе такое?!

Мармук тоже откинулся на стену.

— Может и глупости. Может и бред. Но речь идёт о их жизнях, и они готовы поверить во всё что угодно. Кто-то что-то сказал, кто-то неправильно передал другим, а дальше всё нарастает как снежный ком.

— А виноватой оказалась я... У вас теперь тоже будут неприятности?

— У нас? Пока ты рядом, никто не посмеет и слова сказать.

Я горько усмехнулась.

— Вы защищаете меня, а я защищаю вас.

— На то мы и команда — Мармук сказал это серьёзно — Подождём, к вечеру так или иначе, но всё решится.

Ждать пришлось достаточно долго. Я и подремать успела, и о своей судьбе подумать, но вокруг ничего не происходило. Лишь ближе к вечеру раздался громкий звук трубы, подавая какой-то сигнал. Мармук сразу вскочил.

— Все, кто не на стенах, должны собраться на плацу.

Остальные тоже вскочили, и мы толпой торопливо зашагали к месту сбора Солдат оказалось неожиданно много — не меньше двухсот. Порядок всё-таки был, и они строились ровными прямоугольниками по какой-то невидимой линии. Мармук с наемниками встал в последний ряд одной из таких «коробочек». Я, не зная, что теперь нужно делать, тоже.

Несколько минут построения, и наступила тишина. Все смотрели на стоящее посреди плаца начальство. Мне даже показалось, что Мик сейчас поднимет руку и посмотрит на часы (как киношный командир, устроивший проверку). Но Мик не стал этого делать. Неторопливо подошел к началу строя и пошел вдоль рядов солдат, внимательно вглядываясь в их лица. Шел медленно, не говоря ни слова, но солдаты сразу подтягивались, словно признавая его власть. Когда он дошел до меня, на секунду задержался, коротко бросил:

— Натис, подойди к Холсу, он хочет с тобой поговорить — и так же не спеша пошел дальше.

Я вопросительно посмотрела на Мармука, но тот только кинул, словно говоря: «Надо!» Я сама понимала, что надо, что мне не отвертеться, но как же не хотелось идти на показательную «порку»! Но надо.

Солдаты немного расступились и я пошла, как и приказали, к Холсу. Спину аж заломило от взглядов солдат, но я старалась не сбиться с шага. Не быстро, чтобы не подумали, что я боюсь. Не медленно, чтобы не восприняли как пренебрежение. Обычным шагом. Это в спокойное время мы идём не задумываясь, что и как, а попробуй это сделать, когда на тебя смотрит двести мужиков, а впереди ждёт неизвестность. На краткий миг даже мелькнула мысль пройтись «по-женски», вихляя бедрами, но я сразу её отбросила. Кому и что я докажу? Что я дура, пытающаяся в трудную минуту спрятаться за своими женскими причиндалами? Здесь этот номер не пройдет, да и дорога после этого будет только одна — в местные шлюхи, потому что ни один мужик, привыкший уважать силу, больше не будет воспринимать меня всерьёз.

Холс ждал меня посреди плаца. Тоже не отводил взгляда, оценивая каждое движение. Когда я подошла, долго молчал, словно ожидая, что я первая начну разговор. Но о чем нам говорить? Всё, что рассказал Мармук — бред сивой кобылы. Но раз уж об этом говорят солдаты, раз уж начальство решило устроить общий сбор, значит в этом бреде есть и какой-то кусочек правды, которую я пока не понимаю. Каяться мне не в чем, что-то изменить я не могу, так что осталось только выслушать приговор. Наконец Холс заговорил.

— Неплохо, очень неплохо, девочка. Не прошло и суток, а гарнизон уже готов взбунтоваться.

Я пожала плечами.

— После вчерашнего разговора я легла спать, а утром мыла посуду. Это всё, в чём меня можно обвинить.

— Зато постарались твои дружки.

На этот раз я промолчала. Выгораживать Мармука? Я не знаю, что он наговорил остальным, да это и не важно. В отдаленном гарнизоне, при большем желании могут казнить просто по подозрению. И чем сильнее я начну защищать Мармука, тем хуже ему придётся. А я, судя по всему, и есть главарь заговора. Осталось дожидаться приговора, а там уж действовать по обстоятельствам.

— Чего ты добиваешься?

Вопрос был таким неожиданным, что я даже немного растерялась.

— Чего я могу добиваться, если не знаю, что вы мне можете дать? Но сытную должность на кухне я уже, похоже, потеряла.

— Потеряла — подтвердил Холс — Но ты можешь поступить на службу как солдат.

— Я?! Солдат?! Это даже не смешно. И я не убиваю по приказу.

— Значит, тебе здесь делать нечего.

— Я уже поняла.

Грустно, конечно, не по своей воле всё бросать и уходить, но что делать? Я оглянулась на стоящих солдат. Стройные ряды, внимательные взгляды. Разговор они слышать не могут, но видят прекрасно. Стоит мне сделать шаг, и они всё поймут. Наверное, им станет спокойнее. Может, и Мармука с его группой не тронут. Вдруг сбоку раздался голос Холса.

— И куда ты пойдёшь?

— На север, как и раньше.

— Почему на север?

— Может хоть там найду место, где можно жить спокойно.

— Может и найдешь — в голосе Холса мне почудилось нехорошая издёвка и я не сдержалась.

— Обязательно найду! Стану там хозяйкой и сама буду устанавливать правила — что можно, а что нельзя!

Обычные слова, разве что с толикой бравады, но на Холса они почему-то подействовали очень сильно. От него буквально повеяло холодной яростью. На груди засверкала яркая звездочка, а из одежды словно стал сочиться туман, окутывая мага. Затем из тумана ко мне потянулось несколько щупалец. Неожиданно я поняла, что Холс хочет меня убить. Непонятно за что и почему, но очень хочет. Я невольно сделала легкое движение руками, плечами, вспоминая ощущение ветра, и вокруг меня закрутился беззвучный вихрь. Вихрь всё ускорялся, мгновенно разметав непонятные щупальца и медленно стал расширяться, стирая туман на теле мага. Медленно, постепенно, но это только вопрос времени. А потом я сама

его убью, вдруг решила я. Сделаю тонкую, огненную иглу и воткну её точно в переносицу мага, между сверкающих ненавистью глаз. Я представила это так ярко, что сверкающая игла сразу возникла у моего лица. Ещё немного стереть туман, потом тихая команда, и игла устремится вперёд...

Холс вдруг отступил на шаг и примирительно поднял руку.

— Натис, давай поговорим!

Поговорить?! Со злости я чуть не швырнула в него свою воображаемую иглу. Это что, у него такие шутки?! Сначала выгонять, потом пытаться убить (я была в этом уверена), а теперь «поговорить»?! У левого виска непонятно как возникла ещё одна игла, и маг отступил ещё на шаг, вокруг него возник полупрозрачный купол.

— Натис, только поговорим.

Я с трудом себя сдержала.

— Ну что ж, давай попробуем.

Холс немного помолчал.

— Есть вариант, который на некоторое время устроит всех — я предлагаю тебе стать моей ученицей.

Странное предложение от человека, только что хотевшего меня убить. Что он задумал? Наверное, полагалось задавать стандартные глупые вопросы — зачем, почему, что это даст мне, но маг и окружающее его пространство всё время неуловимо менялись, и я промолчала, сосредоточившись на этих изменениях. Не дождавшись моих вопросов, Холс немного занервничал.

— Натис, солдаты решили, что ты — настоящий маг. Но ты моешь посуду, и они этого не понимают. Объявив тебя ученицей, мы успокоим солдат и ты сможешь остаться в крепости — я молчала — Никто не посмеет тебе приказывать, кроме меня, даже барон Мик.

Я продолжала молчать — похоже, это злило (или пугало) мага гораздо сильнее, чем злобные крики.

— Если ты согласишься, то это будет выгодно нам обоим — мы сможем учиться друг у друга.

— После того, как ты попытался меня убить?

Маг дернулся от моей улыбки, но ответил твердо.

— Я не буду объяснять причины своих поступков, со временем ты сама их поймешь.

Какое-то время мы стояли молча. Можно было попробовать прочесть мысли мага, как я уже умела, но он, внешне бесстрастный, внутри был напряжен, словно змея перед броском. Малейший намек на опасность, и он ударит изо всех сил. И я не решилась.

Зачем это ученичество? Для мага (по его словам) — успокоить солдат. А на самом деле? Выиграть время? Приготовить ловушку, а потом ставить на мне опыты? Какие-то ещё резоны? А для меня? Пожить некоторое время в крепости? Узнать что-то новое? А надо ли мне это? Может проще уйти сразу? Вернуться в деревню, попросить немного продуктов, ножик (на всякий случай), узнать дорогу и вперёд, как и говорила, на север? Свет клином не сошелся на этих солдатах, этой крепости, этом маге.

Но на всякий случай я спросила:

— Как долго продлится моё ученичество?

— Нисколько — тут же ответил маг — Звание ученицы — только чтобы успокоить солдат. Будешь жить в нашем особняке, иногда сопровождать меня. В остальном вольна делать что пожелаешь.

— И каждую минуту ждать, что ты ударишь мне в спину?

— Я тоже тебе не верю, так что мы в одинаковом положении.

— Так зачем всё это?

— Иногда лучше пустить события на самотек. Проблема или разрешится сама, или она вообще неразрешима.

— Другими словами — или умру я, или ты, или случится нечто такое, после чего наши отношения покажутся мелочью?

— Примерно так — чуть усмехнулся маг.

— Когда я смогу уйти?

— Как моя ученица — в любой момент. Но только как моя ученица — солдаты воспримут это гораздо спокойнее.

— А если...

— Всем будет гораздо хуже — вокруг мага снова начались непонятные изменения.

Драться совершенно не хотелось, и я, с огромным сомнением, надеясь только на то, что интуиция меня не обманет, сдалась.

— Хорошо, я согласна. Что я должна теперь делать?

— Медленно приложи правую руку к груди и медленно поклонись. Потом встанешь за моим левым плечом.

Не спуская с него взгляда, я медленно поклонилась. Холс удовлетворенно кивнул. Потом повернулся к ожидающим солдатам, а я сдвинулась к нему за плечо.

Голос у Холса оказался весьма зычным.

— Я, Холс, боевой маг Большого Гнезда объявляю Натис своей ученицей!

По рядам солдат словно пробежала рябь — они переглядывались, перебрасывались короткими фразами, и снова всё замерло. Барон Мик снова прошелся вдоль строя, и на этот раз перед ним вытягивались гораздо охотнее. Удовлетворенно кивнув, он коротко скомандовал:

— Разойдись!

Холс внимательно наблюдал за солдатами.

— Ну, что ж, вроде обошлось — сказал он через некоторое время.

— И часто у вас бывают такие развлечения? — не удержалась я.

— Не часто — маг был серьезен — Но девочки — мага — посудомойки у нас точно ещё не было. Теперь же всё ясно и понятно. Осталось сходить в казарму и убить нескольких недоумков, которые ещё не поняли, кто ты на самом деле, и будет вообще прекрасно.

Заметив мою ярость, торопливо добавил:

— Знаю, знаю, что ты не убиваешь по приказу. Сейчас пойдёшь в особняк, скажешь Такнте, чтобы она устроила тебя в женской гостевой.

— Такнта — это кто?

— Женщина, которая отвечает за хозяйство. Она всё знает. Приведи себя в порядок и отдыхай. День-два у тебя есть.

— А потом?

— А потом я скажу, чем тебе заниматься.

Барон Мик подошел к магу, задумчиво смотревшему вслед уходящей Натис.

— В чем дело, Холс? Ты меняешь свои решения по несколько раз! Вроде ясно решили, что девчонку надо выгнать, и вдруг ты решаешь её убить!

— Это было заметно?

— Ну, ещё бы! Ты засверкал как драгоценный камень, а уж я-то насмотрелся, что происходит после этого.

— Девчонка проговорила, что хочет идти на север и установить там свои порядки.

— И что? Мало их было? Только на моей памяти сгинуло с десятков таких желающих. Зачем ты её остановил?

— Слишком много уверенности в себе.

— С каких это пор ты оцениваешь человека по его самомнению, а не по реальным возможностям? Девчонка возомнит себя богиней и что, будешь ей в ножки кланяться? Раз решил убить, так убил бы сразу, чтобы не создавать проблем.

— Я вдруг подумал, что уничтоженная крепость этого не стоит.

— Даже так?! — Мик невольно оглянулся вслед уходящей Натис.

— Даже так — повторил маг — Девчонка не имеет ни малейшего понятия о грамотной защите, но для нападения изобретает совершенно невероятные вещи. Но стоило перестать на неё давить, и она почти сразу успокоилась. Думаю, вариант с ученичеством пока наилучший. Мы ей не приказываем, она никуда не лезет, солдаты спокойны.

— И в любой момент она может стать угрозой — её целей мы по-прежнему не знаем.

— Главное — не провоцировать. Послезавтра смена постов на Первом круге. Отправим её туда вместе с командой, пусть отдохнёт.

Мик зло поджал губы.

— Слушай, Холс, ты хоть сам знаешь, чего ты хочешь? Я уже запутался. То ты не хочешь отпускать девчонку, то сам же отправляешь поближе к Землям Туманов. А если она сбежит? А если что-нибудь устроит?

— А зачем ей бежать? Здесь у неё теперь есть всё — положение, кров, защита. А вот посмотреть как она себя поведёт в джунглях было бы весьма интересно. Если и сгинет от какой напасти, так мы вроде как и ни при чём — слаба оказалась. Так что пока я вижу одни плюсы от своего решения. Единственная просьба к тебе, Мик — Такнта сегодня её отмоет, приведёт в порядок, и в какой-то момент девчонка может на краткий миг показаться тебе чуть-чуть симпатичной. Возможно, тебе даже захочется часок поразвлечься ... Это будет ошибкой, и может даже смертельной.

Мик хмыкнул.

— Я не самоубийца, чтобы пытаться насиловать магичку. Может как-нибудь потом, осторожно обработать, чтобы она сама пришла в мою постель...

— Дело твое. И жизнь твоя.

Солдат у входа в дом не пытался меня остановить, просто смотрел, ожидая, что я скажу.

— Мне нужна Такнта.

Солдат кивнул, дернул за шнурок, висевший у входа, и где-то в глубине дома раздался лёгкий звон колокольчика. Через некоторое время вышла женщина средних лет. «Дебелая голландка» почему-то подумалось мне. Среднего роста, крепенькая, но фигура ещё не расплылась. Судя по взгляду солдата, тот сразу забыл про свою службу, да и вообще про всё на свете. Всё правильно, мужики таких любят — есть за что подержаться. Правильное европейское лицо, голубые глаза, чистая белая кожа без единой морщинки. Не красавица, но очень приятная на взгляд и на ощупь. Рядом с ней я, в своем задрипанном платье, остро почувствовала себя жалкой неудачницей, гадким утенком. Стараясь преодолеть смущение, пробормотала:

— Холс сказал, что я теперь буду жить в женской гостевой.

Женщина не стала ничего уточнять и коротко кивнула:

— Пойдём.

Мы прошли через уже знакомый холл с панно на стене, поднялись по широкой лестнице на второй этаж. «Женской гостевой» оказалось всё левое крыло. Первая комната, куда мы вошли, была «для отдыха», как небрежно сказала Такнта. Высокие потолки, старинная мебель (во всяком случае, вся изогнутая, из темного дерева, с позолотой и инкрустациями). Одна из стен — сплошные полки, уставленные книгами. Следующая комната — спальня с огромной кроватью с балдахином из полупрозрачной сетки. Зеркало на полстены, а перед ним полочки с многочисленными флаконами и баночками. Судя по нескольким пуфикам, «место для наведения красоты». Посреди следующей комнаты огромная круглая ванна чуть ли не в три метра диаметром. У одной из стен — самые обычные унитаз и биде. Пока я таранилась на этот верх технического прогресса, Такнта стала снисходительно объяснять мне их назначение. Потом открыла краны, и в ванну побежала вода.

— Мыться.

Меня начал раздражать смех — она что, меня за полную дуру держит? Хотя... Если не знать, что я из другого мира, и для меня всё это давным-давно — обыденность, то ведёт она себя вполне правильно, объясняя замарашке, как пользоваться краном и затычкой в ванне. Да и местные реалии, касающиеся гигиены и красоты, я ведь и в самом деле не знаю. Поэтому я согнала улыбку и стала внимательно слушать.

— Мыть руки (на кусок мыла). Мыть голову (на несколько разноцветных стеклянных бутылочек). Тереть тело (на мочалку-рукавичку и щетку на длинной ручке). Подстригать ногти (на небольшие щипчики). Помоешься, одежду бросишь в угол. Я потом выкину.

— А в чем же я ходить буду?

Такнта отвела меня в спальню и жестом фокусника сдвинула одно из зеркал, оказавшееся входом в гардеробную. В центре комнаты десятки стоек (как в магазине), а на вешалках сотни и сотни платьев, юбок, блузок, комбинезонов. Всех цветов и фасонов, всех времён и народов. Я прошлась по комнате, осторожно касаясь этого богатства. Откуда всё это?! Много совершенно нового, но часто попадалась и одежда со следами перелицовки. Полки у одной из стен разбиты на ячейки, заставленные обувью. Снова безумная мешанина времён и стилей — от банальных тапочек до модельных туфель на высоченном каблуке. Мокасины, ботинки, сапожки. Разве что валенок не было, да и то только по причине жаркой погоды. Такнта внимательно наблюдала за мной, но я её разочаровала — удивилась, да, но у меня даже мысли не возникло примерять это на себя. Слишком далеко я ушла от этого, слишком мелким казалось теперь хвататься за яркие тряпки. Когда я направилась к выходу, Такнта меня остановила. Достала несколько больших пакетов, открыла, а там... Женские украшения — сотни колец, перстней, цепочки и бусы, заколки, брошки. Было даже несколько диадем из золота и серебра, ещё из каких-то металлов. Я зачерпнула горсть, посмотрела, как богатство сыплется между пальцев.

— И что?

Такнта поджала губы — видимо ожидала совсем другой реакции.

— Можешь надевать. Будешь уходить — придётся оставить. Пока ты здесь — всё твоё.

Я равнодушно пожала плечами — куда я с *этим* пойду? Перед кем красоваться? Хвалиться побрякушками, которые все — чужие? Вот если бы можно взять часть с собой, чтобы расплачиваться за еду, тогда да, было бы интересно. А так... побрякушки.

Такнта, видя моё равнодушие, ещё сильнее поджала губы.

— Ужин подам через час.

Наполнив ванну до краев, вылила в воду содержимое одного их бутылочков, запах которого понравился мне больше других. Погрузилась в воду, оставив на поверхности только нос. Температура воды была примерно как у тела, и вскоре я перестала её ощущать. Глаза закрыты, и полное ощущение, что ты в невесомости. Нет тела, есть только Я, плывущее куда-то. И мысли такие же медленные, невесомые.

Сначала только одна — до чего же хорошо! Первая ванна, которой я могу наслаждаться за черт знает сколько времени. Но всё вокруг чужое, на время. Чего я собственно добилась (вернее, до чего докатилась)? Формально — стремительный взлёт — ученица боевого мага крепости. А на самом деле? Должность — только чтобы успокоить солдат. Маг готов меня убить непонятно за что, хотя сам иногда меня боится. Я по-прежнему ничего толком не знаю об окружающем мире, не представляю, что я могу и как я это делаю. Мне и в самом деле нужна помощь опытного мага или экстрасенса. Может и нужно-то всего ничего, какой-то толчок, зацепка, чтобы разобраться в собственных способностях. Если бы кто-нибудь умный и знающий сказал: «Ты можешь то-то и то-то, сюда не суйся, а это даже не пытайся», то я, наверное, послушалась бы. У меня ведь нет королевских амбиций, меня вполне устроила бы и жизнь обычной девушки. А что делать сейчас? Маг говорил о возможной учёбе, но, скорее всего, только для отвода глаз. А вот убить меня он собирался на полном серьёзе, так что расслабляться мне рано. Вот почему меня отправили сюда? Ведь вполне можно было оставить жить в казарме для кухарок. У меня что, как у ученицы мага, такой высокий статус?! Или всё гораздо проще и меня поместили сюда специально, ведь любая вещь здесь может быть отравлена, превращена в смертельную ловушку, оружие.

Я ещё немного поплавала, но нечаянная мысль о возможной ловушке, появившись раз, свербила всё сильнее. И ощущения стали какие-то странные, словно не совсем мои. Ничего конкретного, но желание плюхаться резко пропало.

Быстренько помывшись, торопливо вылезла из ванной. Полотенца или купального халата не было, пришлось обсыхать «естественным» образом.

Постояла немного у зеркала, разглядывая себя. Волосы, о которых я почти не вспоминала, отросли до плеч, и почему-то стали золотистого цвета. Мордашка исхудала, загорела, а взгляд стал совсем не девичьим — серьёзный, с непонятной смесью усталости, жесткости и властности. Неудивительно, что многим становится не по себе, когда я смотрю пристально. Выпирающие ребра, руки-ноги, худые как спички, невольно вызывали мысли об узнике концлагеря. Интересно, смогу ли я когда-нибудь отъестся, стать прежней, розовой и гладкой? А то ведь жениха, о котором я мечтала в первую ночь, мне точно не найти. Разве что какого-нибудь извращенца.

Горько усмехнувшись, пошла выбирать себе одежду. Быстро разобралась, что платья развешана по размерам. Мой, как обычно, находился с краю, в разделе «Детский мир». Выбрала несколько, даже прикинула на себя перед зеркалом, но все они вызывали только глухое раздражение. Всё не то! Из зеркала на меня смотрела девочка-кукла, место которой в приличном доме с няньками, а не в приграничной крепости рядом с солдатами. Но я себя такой уже давно не ощущала. Может как-нибудь потом, чтобы обмануть кого, такой наряд и пригодится, но не сейчас!

Я снова и снова перебирала платья, и неожиданно нашла одежду по своему настроению. Нечто, напоминающее форму для пейнбола или одежду нинзя. Куртка и штаны из мягкого материала серо-зелёной расцветки. Множество карманов, шнурков, завязок. Я тут же его

примерила — сидел как влитой! Вернее, вообще не ощущался на теле. Нигде не давит, не жмёт. Нашлась и подходящая косынка, которую я повязала на манер банданы. Не хватало походных ботинок, но нашлись хорошие сапожки из мягкой, но прочной кожи. Теперь я смотрела на себя в зеркало почти с удовольствием. Если маг разрешит оставить эту одежду себе, то я ему всё прощу!

Настроение резко улучшилось, и сразу захотелось примерить какое-нибудь украшение. Долго перебирала, но даже огромные бриллианты не вызвали никакого отклика в душе. Понравился только скромный ободок из серого металла с большим синим камнем. Долго крутила ободок в руках, прислушиваясь к своим ощущениям. Непонятно чем, но он привлекал. Наконец я решилась. Сняв бандану, надела ободок, глянула на себя в зеркало, и даже вздрогнула. Ободок оказался великоват, и опоясал голову очень низко, почти у самых бровей. Цвет камня почти сливался с цветом глаз, и это создавало странный эффект — стоило чуть расслабиться, и появлялось ощущение, что у меня *три* глаза! Глаза словно плыли, менялись местами, а то и сливались в один, большой. Очень странное ощущение, но я всё-таки решила не снимать ободок — посмотрим, как на него среагирует маг!

Ужина по-прежнему не было, и я решила прогуляться по остальным комнатам. Раз не запрещали — значит можно. Ещё пара комнат были обычными, жилыми, а вот третья, в которую я зашла, оказалась тренажерным залом. Вдоль стен всяческие станки для любителей изматывать себя, несколько манекенов для отработки ударов. Здесь меня привлекла очередная коллекция всех времен и народов. На этот раз — оружия. Намного меньше, скромнее, чем в кабинете Мика, но всё равно весьма приличная, не меньше сотни орудий для убийств. Ещё мне показалось, что всё это оружие — женское, больно уж аккуратное, изукрашенное, и почти миниатюрное по сравнению с тем, что я видела у наемников и солдат. Сабли и шпаги я отмела сразу — откровенно не моё, да и как с ними обращаться, я видела только в кино. Долго водила пальчиком по железякам, прислушиваясь к своим ощущениям (где-то читала, что оружие должно «откликнуться»), и наконец выбрала себе небольшой кинжал. Короткое, сантиметров пятнадцать в длину, лезвие больше походило на плоскую иглу, сделанную из стекла. Небольшой упор между лезвием и рукоятью, покрытой мягким упругим материалом. Взяла кинжал в руку, изобразила несколько ударов, и почувствовала себя настоящим бойцом. Во всяком случае, заколоться теперь есть чем. Ножны соответствовали кинжалу — скромная кожаная отделка с тиснением, но она мне всё равно понравилась. Прицепив кинжал к поясу, решила, что в положении ученицы мага есть и свои плюсы — помылась, оделась, прибрахла. Ещё бы поесть, и я согласна побыть ученицей ещё некоторое время.

Ужин уже ждал меня. Такнта прикатила небольшой сервировочный столик, а на столе стояло несколько тарелок, три хрустальных фужера, слева и справа от тарелок по три вилки и ложки разных форм и размеров, два ножа. В принципе, ничего для меня нового, но неужели они здесь так ужинают каждый день? Всё-таки военная крепость, а не дипломатический прием. Видимо, Такнте очень хотелось посмотреть на мою реакцию, но, встретившись со мной взглядом, сразу отвела глаза и засуетилась.

Как только я села, Такнта налила суп, отступила к стене и замерла. Для меня теперь главное было не суетиться, всё делать не торопясь. Я тоже не каждый день обедала с аристократами, но пару раз бывала в ресторанах, да и в кино кое-что видела. Салфетку на колени, сидеть прямо. И ещё подумать, кто же она, Такнта? Выглядит так, словно каждый день посещает косметический салон. Кожа белая, будто вообще не выходит на улицу. В

первые минуты нашей встречи вела себя как хозяйка, а теперь прислуживает мне. Может, она чья-то жена, может прислуга, а может быть и «два в одном». Слышала рассказы, что у моряков, уходящих в море, проблемы с женщинами, вернее из-за их отсутствия. И если всё-таки повезло, и повар оказывается женщиной, то обычно она принадлежит кому-то из начальства. Возможно, и здесь так же — Такнта обычная домоуправительница, отвечающая за этот особняк. Это объясняет и ухоженный вид, и замашки. А по ночам услаждает барона Мика (для этого здоровяка Такнта подходит больше всего). Представить себе вместе Такнту и Холса как-то не получалось.

Служанка-госпожа. Очень уверенная в себе, и очень ревниво относящаяся к любому покушению на её положение. Хотя, с моей стороны ей беспокоиться не о чем — Холсу я понадоблюсь только для опытов, а Мик, как настоящий мужик, «не собака, на кости не бросается». Неплохо бы наладить отношения, поболтать, но от Танкты буквально веяло раздражением и страхом. Раздражение — это понятно, но откуда страх? Мы ведь и не разговаривали толком. Чем же я её пугаю?

Ужин прошел в молчании. Задумавшись, я ела не торопясь, маленькими кусочками. Как примерная аристократка держала спину прямой. Закончив с блюдом, откладывала вилку или нож, и молча ждала, пока Такнта сменит тарелки. Суп, отличное мясо, рыба под соусом, фужер охлажденного вина. Закончив ужинать, промокнула губы салфеткой и так же молча ушла в спальню, даже не взглянув на Такнту. Скорее всего, я приобрела себе врага — слишком уж резким для Такнты был переход от госпожи к служанке.

Вечер тоже прошел скучно. Я думала, что придёт Холс, начнутся расспросы, но он не появился. Я побродила по комнатам, но ничего интересного больше не нашла. Собралась спать, но на кровать лечь не рискнула. Оттащила одно из кресел в угол, чтобы видеть двери и окна, и так и провела в нем ночь, настороженно ожидая непонятно чего.

Утром снова «аристократический» завтрак, бессмысленное шатание по комнатам. Хотела почитать, но книги были на незнакомых языках (да и странно было бы ожидать книг на русском). Картинок мало, да и те частенько больше походили на иллюстрации к сказкам, чем на что-то серьёзное. Иногда отдельные куски текста походили на формулы, но что бы они значили?

Мое пребывание в особняке начало напоминать пребывание в комфортабельной тюрьме — никакого общения, никакой свободы. Я даже дала себе слово — если до вечера ничего не изменится, то просто уйду отсюда. Пойду гулять по крепости, пойду на разборки с Холсом, устрою скандал с первым встречным, лишь бы не сидеть в четырёх стенах.

Ситуацию спас Мармук. Ближе к вечеру раздался осторожный стук, а затем он протиснулся в чуть приоткрытую дверь. Взглянул на меня и тут же отвел глаза. Здоровый дядька, а мнетса как первоклассник.

— Ну? — немного резковато спросила я.

— Завтра отправляют на смену постов на Первом Круге. Если захочешь, то можешь поехать с нами.

Я готова была ехать куда угодно, но теперь у меня было пусть и формальное, но начальство.

— Наверное, мне надо спросить об этом у Холса.

— Он сам отдал приказ об отправке нашей группы на Первый Круг. А про тебя сказал, что ехать или нет — решать тебе, он не против.

— Ну, и я не против — сразу взбодрилась я — Когда едем?

— Рано утром. Тебя разбудят.

— Кто?

— Часовой или Такнта, я им скажу.

Только-только светало, но на плацу была уже куча народа. Грузенные лошади, солдаты в полном боевом облачении (во всяком случае я так поняла — у всех шлемы, доспехи, мечи, ножи, у некоторых луки). Я в своей форме, с тоненьким кинжалчиком у пояса, рядом с ними выглядела ребёнком, собравшимся на утренник. Но усмешек не было. Смотрели внимательно, серьёзно, с уважением. Неужели у меня такой авторитет, что они даже мою внешнюю слабость воспринимают как проявление моей силы?!

Я заявила последней, и как только подошла к Мармуку, сразу раздались команды, все стали садиться на лошадей. Мне досталась небольшая смиренная лошадка, но даже на неё я смогла забраться только с помощью Мармука. Стыдоба, конечно, так позориться перед солдатами, но Мармук без всякого смущения опустил передо мной на колено, подставив руки как ступеньку. Усевшись, я покосилась по сторонам, но никто не улыбался, словно подобное было в порядке вещей.

Снова команды, ворота крепости открылись, и всадники стали вытягиваться в колонну. За стенами крепости двигались уже вполне оформившейся колонной по три всадника в ряд. Через пару километров выехали на широкую поперечную дорогу. Вернее, на широченную, метров двести шириной, просеку, тянущуюся в обе стороны насколько хватало взгляда. Никакой растительности, кроме низенькой травки, а посередине просеки — отличная дорога метров пяти в ширину, выложенная каменными плитами. Отряд без всякой команды разделился примерно поровну. Часть поехала налево, мы — направо. Постепенно, словно разогревшись, лошади перешли на лёгкую рысь, и я с удовольствием покачивалась в седле, таращась по сторонам, хотя смотреть-то особо было не на что. Джунгли, бесконечные джунгли. Лишь изредка появлялись небольшие просветы, напоминавшие старые заросшие дороги, но мы проезжали мимо не задерживаясь.

Километров через десять добрались и до первой башни. Чисто внешне — огромная копия шахматной ладьи. Метров пятнадцати в высоту, без окон и дверей, из черных, словно отполированных каменных блоков. Станным было основание башни. В моем понимании стены должны подниматься вертикально вверх из земли, а здесь основание больше напоминало волнолом опоры моста — огромная круглая плита высотой метра два, край которой срезан под углом в сорок пять градусов. Никаких признаков ступеней и совершенно непонятно, как к этой стене подбираться. Парапет с зубцами наверху башни тоже почему-то выступал за стены чуть ли не на метр.

Всё выглядело странным. За каким чертом потребовалось ставить одинокую башню посреди этой просеки?! Стояла бы она у узкого прохода в горах, у речной переправы, было бы понятно, но здесь?

Когда до башни осталось метров пятьдесят, отряд остановился, и вперед выдвинулся один из солдат. Поднял правую руку, словно в приветствии, и сверху сразу раздалось:

— Пароль?

— Айценхоль! Отзыв?

— Бурмилль!

Солдат повернулся и бросил:

— Всё нормально!

К нему подъехало ещё пятеро, а колонна, не задерживаясь, двинулась дальше.

Я невольно спросила Мармука:

— А чего они так орали? Ведь теперь пароль знают все?

Мармук покосился на меня.

— Пароль одноразовый. Для каждой башни и каждой смены он свой.

— А зачем он вообще нужен? Солдат немного и все друг друга знают.

— Таков порядок. Может набрали новеньких, может случилось что-то — на каждый случай свой пароль. Да и видно только тех, кто снаружи, а вот кто сидит внутри — неизвестно. Лучше уж выучить десяток паролей — так будет спокойнее всем.

Ещё десять километров и очередная башня, как две капли воды похожая на первую. Обмен паролями, и снова вперед. Ближе к обеду добрались до третьей. На этот раз вперёд вышел Мармук. Обмен паролями, и заметно уменьшившаяся колонна ушла дальше, оставив нашу группу.

Некоторое время стояла тишина, затем из-за парашюта выдвинулась стрела деревянного крана, и вниз плавно опустилась веревка с крюком. Между зубцами высунулась голова.

— Загружайтесь!

Лошадям спутали ноги, чтобы не убежали, затем все сумки и мешки, которые мы привезли, поочередно цепляли к крюку, и они быстренько перекочевали наверх. Я думала, что и нас поднимут наверх краном, но нам сбросили веревочную лестницу с деревянными перекладинами. Наверху нас ожидала шестерка настороженных мужчин. Тоже в полном боевом облачении, но более помятые, уставшие, что ли. Никаких улыбок. Один, разглядев меня, немного удивлённо протянул.

— У нас что, теперь и баб на посты отправляют? Хорошо устроились.

Мармук негромко ответил:

— Это ученица Холса.

Солдат сразу сменил тон.

— Прощу прощения, госпожа! По глупости и незнанию ляпнул.

Я небрежно отмахнулась.

— Проехали.

Действительно, чего злиться? Для мужчин в этой глуши любая женщина вызовет только одни мысли, совершенно не связанные с её умом или ещё какими заслугами. Просто баба, которую желательно сначала использовать по прямому назначению, а уж потом разговаривать. Я к этому уже привыкла и не обижалась.

Словно стараясь замять возникшую неловкость, Мармук предложил:

— Ну, что, пойдём принимать хозяйство?

Все, за исключением часового, внимательно смотревшего по сторонам, спустились внутрь башни. Пока мужчины что-то там «принимали», появилась возможность спокойно осмотреться и мне.

Верхняя площадка башни (или крыша, не знаю как правильно) представляла собой правильный круг метров десяти в диаметре. Парапет был высоким, почти мне по шею, да ещё зубцы, образующие узкие, расширяющиеся наружу амбразуры. Неудивительно, что мы никого не видели снизу. Гладкий пол с едва заметными стыками каменных плит. В центре винтовая лестница, ведущая на нижние этажи башни. Над центром площадки странный сетчатый купол, собранный из толстых железных прутьев (своеобразная решётка, закрывающая от неба). Зачем?! Может просто основа для какого-нибудь тента, защищающего от солнца?

Чуть в стороне стояла пара треног, на верхушках которых закреплены металлические зеркала чуть ли не полуметрового диаметра. Какая-то сигнализация? Или их, судя по наклону, используют для освещения? Одно ловит солнце, отправляет второму зеркалу, а то направляет свет вниз, в самую башню?

Ещё очень удивили две деревянные конструкции, которые можно было назвать катапультай и баллистой (во всяком случае, я их так поняла). Одна должно было бросать камни своим рычагом, а другая напоминала большой самострел. Я осторожно погладила потемневшие от времени и непогоды брусья этого странного оружия. Явно очень старое, но вполне работоспособное оружие. Интересно, а с кем здесь собрались воевать?

Кран, с помощью которого поднимали наши вещи, оказался г-образной вращающейся конструкцией, собранной из брусьев и ручной лебёдки. Верёвочных лестниц оказалось целых четыре (по сторонам света). Зачем, если смена состояла всего из шести человек? Персонально каждому?!

Пока я пыталась понять назначение предметов, мужчины управились довольно быстро. Снова выбрались на площадку, построились в две шеренги, лицом друг к другу.

— Смену сдал.

— Смену принял.

Я думала, что сейчас повторится процедура выгрузки с помощью крана, но мужики решили вопрос быстро и незатейливо — просто выбросили вниз сумки со своими вещами. И по веревочной лестнице спускались не в пример нашим — ловко, словно занимались этим каждый день. Распутали ноги лошадям, уселись в седла, помахали на прощание и весьма быстро скрылись из виду.

Мы провожали их взглядами, потом Мармук чуть слышно вздохнул.

— Ну, всё, смена началась. Манго на пост, остальным обжигаться.

Всё что сделал Манго — это молча кивнул, а остальные начали перетаскивать мешки внутрь башни. Я от такой работы всегда отлынивала, а уж теперь, в моем новом положении, мне, наверное, это не полагалось и по «по статусу». Мармук тоже не стал хвататься за мешки, рассматривая окрестности, и я не удержалась.

— Мармук, а что или кого мы будем охранять?

Наемник покосился на меня.

— Мы ничего и никого не охраняем. Наше дело смотреть и слушать.

— И всё?!

— И всё. А если что случится, успеть поднять тревогу.

— А что может случиться?

— Всё что угодно — видя моё непонимание, терпеливо стал объяснять — Вокруг джунгли, и кто или что из них выйдет, когда, не скажет ни один маг, ни один предсказатель.

Слова простые, но я вообще перестала что-то понимать. Огромная крепость, суровые солдаты, Первый Круг, эти странные башни, и всё это только для того, чтобы наблюдать за животными?!

— И что, увидев оленя или ещё какую зверушку, мы будем поднимать тревогу?!

Мармук посмотрел на меня как на глупого ребёнка.

— Ты всё поймешь, Натис. Просто очень внимательно смотри вокруг и слушай, я очень надеюсь на тебя. Если даже на мгновение что-то покажется тебе странным или несущим угрозу, сразу говори мне. Я не буду ставить тебя на пост, можешь делать что хочешь, но если хоть что-то почувствуешь... Ладно, пойдём, покажу тебе башню.

Винтовая железная лестница образовывала колодец, идущий до дна башни. Смысл такого колодца был непонятен, разве что я убедилась в своей догадке, заметив несколько зеркал, висевших на этажах. Луч от верхнего зеркала падал вниз, и отразившись от «этажных», давал света не очень много, но вполне достаточно, чтобы можно было двигаться без боязни расшибить лоб.

Верхний этаж был заставлен, завален самым различным оружием. Большие связки стрел, луков, копий, мечей, щитов и ещё чего-то непонятного. Наверное, этим можно было бы вооружить ещё сотню солдат или шестерым защитникам стрелять непрерывно несколько дней. Второй этаж (сверху) — жилой. Несколько рядов двухэтажных нар. Для шестерых — более чем достаточно, но башня при необходимости вполне могла разместить не менее пятидесяти человек.

Третий этаж — продуктовый склад — сплошные стеллажами с ящиками, мешками, пакетами, связками трав. Снова излишек на «непредвиденный случай».

Четвертый — санитарный (или туалетный, если так можно сказать). У одной из стен — две водяные скважины с самыми обычными ручными насосами, у другой — три «унитаза» с бачками для смыва. Мармук сразу объяснил и без всякого стеснения показал как воду качать, как заливать в бачки, как смывать. Даже моих знаний хватило понять, что такое совмещение в местных условиях — неправильно.

— Мармук, брать воду рядом с туалетом — это плохо кончится — можно заразиться и заболеть. Да и пить такую воду, представляя, что туда натекло... брр... — меня передёрнуло.

Мармук хмыкнул.

— Не ты первая с таким вопросом. Я не знаю, как это устроено, откуда вода берётся и куда уходит, но можешь быть спокойна — с этим полный порядок. Хотя да, были особо брезгливые, которые предпочитали бегать в кусты, а воду брать в ближайших ручьях — я сразу стала примеривать это на себя, но Мармук жестко закончил — Только они очень быстро закончились.

Когда мы поднялись наверх, у парапета появилась небольшая печка с трубой типа «буржуйки», и Ксанф уже что-то варил, негромко напевая себе под нос. Мы уселись рядом с другими наемниками на охапки травы, которые предназначались, как я потом поняла, для отдыха свободных от дежурства.

Мармук оглядел нас.

— На крыше дежуришь по часам — он кивнул в сторону небольшой ниши, в которой стояли самые обычные песочные часы — Днем по одному, от заката до рассвета — по двое. Порядок — он обвел взглядом наемников, и все понимающе кивнули.

— Натис дежурит когда и сколько захочет, но остальных это от службы не освобождает. Если она вдруг задумается или будет долго смотреть в одну сторону... Ну сами знаете... — остальные снова кивнули, а меня кольнуло подозрение — это что, уже не в первый раз и они уже давно что-то заметили?

— Хотя бы один человек всё время должен быть внутри башни. Сегодня сделаем послабление, но с завтрашнего дня... Или спит, или чистит оружие, или ещё что.

— А зачем это? — не удержалась я — На посту — это понятно, но в башне-то зачем сидеть?

— Были случаи, когда все, кто был наверху, просто исчезали, а те, кто внутри, этого даже не замечали. Есть надежда, что сидящий внутри хоть что-то заметит и сможет рассказать. Да и главная наша задача — наблюдать, что бы ни случилось. Пока жив хоть

один — он должен стоять на посту... Да, ещё. Любого жучка-червячка, бабочку, которых вы найдёте в башне, нужно немедленно прибить, а остатки, не прикасаясь руками, выкинуть.

— А их-то за что?

— Они могут быть ядовитыми.

— Все?!

— Может и ни один. Но проверять на себе вряд ли кто захочет. Если, конечно, он не полный идиот.

На этом «инструктаж» закончился. Молча поели из общего котелка и разбрелись по своим делам. Мне делать было совершенно нечего, и я устроилась у стенки, наблюдая за остальными. Через некоторое время внимание привлекли манипуляции Ксанфа — мытьё посуды он решал весьма странным способом. Тщательно выскреб котелок от остатков каши, сложил всё на несколько больших листьев. Протер котелок травой и тоже сложил на листья. Замотав всё в узелок-сверток, привел в готовность катапульту, но вместо камня положил сверток с мусором. Легкий удар молотком по стопору, и сверток улетел в сторону джунглей. Короткий шум побеспокоенной листвы, и всё стихло. Меня всю распирало от любопытства.

— Ксанф, а зачем ты так сделал?

— Незачем приучать зверьё к мысли, что здесь еда.

— Так они всё равно нас и услышат, и запах готовящейся еды унюхают.

— С этим мы ничего поделать не можем, а вот устраивать помойку под стенами башни совсем ни к чему.

Оставалось только согласно кивнуть — паранойя с мерами безопасности начала понемногу проникать и в меня.

Служба, несмотря на все запугивания Мармука, шла без происшествий. И вечер и ночь прошли спокойно. Ближе к обеду проехала колонна солдат, возвращавшихся с дальних постов. Ехали они достаточно бодро, судя по численности — без потерь, и у всех отлегло на душе.

А дальше началась откровенная скукотища. Я честно пыталась быть хоть чем-то полезной, старательно всматривалась и вслушивалась, но вокруг были лишь обычные джунгли. Пару раз, правда, я почувствовала нечто непонятное, переполошив остальных. Один раз это был огромный хищник, наблюдавший за башней из-за деревьев. В другой раз я даже не поняла, что это было — странное, аморфное, но совершенно чуждое окружающему лесу. Мармук, заметив мою настороженность, сразу поднял тревогу. Все увешались оружием, даже зарядили баллисту толстым копьём, но из леса к башне никто не вышел, а через несколько часов непонятные существа и сами ушли.

Я мучилась от стыда за мизерность своей помощи, но остальные, похоже, готовы были простить всё мое безделье за своевременно поднятую тревогу. Через день-два по трое спускались с башни, чтобы нарвать свежей травы для подстилок и нарубить дров для печки. Далеко в лес не заходили, рубили с краю, но меня даже в такую прогулку с собой не брали, предлагая «слушать лес».

Я отоспалась, отъелась. От скуки облазила всю башню, все пересмотрела и перещупала. Даже пару раз полы подмела. Сделала грубое подобие шахмат, но наемники просто не поняли смысл игры. А играть с ними в кости мне самой надоело через полчаса.

Так и мучилась от безделья. Пыталась расспрашивать Мармука об окружающих джунглях, но он пересказывал в основном чужие истории. Кто-то куда-то поехал, потом люди пропали. Или их нашли мертвыми, с непонятными следами на теле, которые не могли

оставить обычные животные. Иногда животные нападали и на крупные отряды, и это могло быть что угодно — жуткие насекомые, гигантские змеи, ящеры (судя по описанию). Иногда появлялись и «пришлые» люди. Никто из них не знал местного языка, и одеты они были в самую невероятную одежду. Многие были перепуганы, и не могли объяснить, как они здесь оказались. Этим пытались как-то помочь. Но иногда появлялись и крупные отряды, одержимые только одним — убивать. Бывало, что от таких нападений спасали только высокие стены крепости и башен.

— Так мы из-за них должны поднимать тревогу?

— В любом случае, если видим большую угрозу.

— А как мы это сделаем? Гонца посылать?

— Если в карауле есть грамотные, то могут дать специальных птиц, которые отнесут донесение — «почтовые голуби», перевела я для себя.

— В обычных случаях используют «ревуна» — Мармук кивнул в сторону железной палки с упорами для рук-ног, в середине которой прикреплена железная коробка с вращающейся ручкой. Наверное, местный вариант ручной сирены — Соседние посты, услышав его, передадут дальше, в крепость.

— А для особых случаев старшим караулов башен Холс выдает вот это — Мармук вытащил из-за ворота синеватый кристалл на цепочке — достаточно разбить его, и в крепости сразу будут знать, что надо высылать подмогу.

Судя по всему, охраной здесь озабочены весьма серьёзно. Один только Первый Круг (огромная просека, которую никто не чистит, но она всё равно не зарастает) чего стоит. Я невольно посмотрела на север, куда так стремилась, не представляя всех опасностей.

— Если уж всё так серьёзно, то почему бы тогда не отправить туда армию, чтобы разобраться со всеми опасными животными, непонятными людьми?

— А там ничего нет. И что-то есть. Небольшой отряд может гулять там месяц, не встретив никого и ничего. Но есть легенды, что целые армии исчезали бесследно за несколько дней.

— Так что же там?!

Мармук поднял глаза к небу, словно говоря — «А хрен его знает».

— Наше дело маленькое — нести службу и постараться остаться в живых. А с такими вопросами тебе лучше к Холсу. Вернёмся — у него и спроси.

— А когда мы вернёмся? — вдруг озадачилась я таким простым вопросом.

— Когда сменят. Или продукты закончатся. Если всё будет нормально, то обычная смена — пятнадцать дней.

Значит через десять дней, тут же посчитала я. Ну, как-нибудь вытерпим. А пока и в самом деле надо внимательнее смотреть по сторонам и слушать окружающий лес.

Время тянулось медленно не только для меня. Единственной обязанностью были обязанности часовых, в остальное же время можно было делать что угодно. Хотя «что угодно» в наших условиях — это большое преувеличение. Спать можно сколько влезет — Мармук считал, что главное — это бодрый часовой. Можно приготовить что-то вкусненькое, но сколько можно жрать? Да и набор продуктов состоял в основном из круп, высушенного мяса, сухих же ягод и специй. Все оружие вычищено и смазано на несколько раз, везде чистота и идеальный порядок. Разговоры? Но при мне о бабах старались не говорить, а слушать про оружие, драки, неинтересно уже мне. Некоторым развлечением было смотреть на тренировки наемников с оружием, и я даже сама как-то попыталась поучаствовать, но...

Стоило мне достать свой ножичек и изобразить некое подобие боевой стойки, как мужики стали торопливо отворачиваться, чтобы не хохотать мне в лицо. Через некоторое время Мармук, багровый от едва сдерживаемого смеха, соизволил объяснить:

— Натис, именно маленький кинжал, пока он в ножнах, и твой независимый вид говорят, что ты очень опасна и можешь ударить очень сильно, но совсем не железом. Это заставляет тебя уважать. А как только ты достала нож... — он с трудом сдержал улыбку — Лучше так не делай. Во всяком случае, не в настоящем бою.

Смены мы всё-таки дождались и точно по графику. Я уже с интересом и пониманием «опытного солдата» наблюдала за приближением колонны всадников, обменом паролями, подъемом грузов. Лица некоторых новоприбывших были знакомыми, и мы даже кивнули, приветствуя друг друга. Короткая передача «хозяйства», обычные разговоры. Лишь один раз коротко помянули меня. Старший новой группы спросил Мармука:

— Было что-нибудь неприятное?

— Пару раз Натис заметила что-то, так что мы были наготове и к башне никто не вылез. Старший покосился на меня.

— Интересно было бы посмотреть на неё в деле, но и спокойная смена многого стоит.

Мармук протянул ему руку.

— Надеюсь, и у тебя всё будет в порядке.

Старший ответил пожатием.

— Я тоже надеюсь.

Мы перекидали свои сумки на землю, довольно легко (даже я) спустились по веревочной лестнице. Распутать ноги лошадям, усесться, и уже мы машем на прощание остающимся.

Какое это всё-таки наслаждение — двигаться, шевелиться, шагать, скакать, чувствовать себя живым человеком! Наверное, целый час я была счастлива как ребёнок и любила весь мир. И даже огромный жеребец, доставшийся мне в этот раз, казался верхом совершенства. С широченной спиной, на которой можно было сидеть как на диване. И умный до невозможности. Наверное, он раньше выступал в цирке — стоило мне подойти, как он опустился на колени, и я смогла забраться на него даже без посторонней помощи. Насладившись круглыми от удивления глазами наемников, вскоре вообще бросила поводья — настолько хорошо конь понимал мои мысли и желания. Вообще, жизнь была прекрасна, и меня переполняло ощущение какой-то светлой силы внутри меня.

Без всяких приключений добрались до второй башни, помахали и новой смене. Проехали ещё немного, и вдруг меня накрыло ощущение чужого взгляда. Совершенно дикое ощущение — я словно увидела саму себя со стороны. Невольно придержала коня, затем и вовсе остановила. Соскользнула на землю и медленно направилась к краю просеки. Джунгли стояли сплошной стеной, и рассмотреть что-то в этом месиве было невозможно, но у меня был четкий ориентир — чужой взгляд. Не враждебный, но очень пристальный и настороженный. Я чуть задержалась, чуть повернулась, чтобы видеть саму себя в лицо, и направилась прямо к непонятному наблюдателю. Зачем он мне нужен — непонятно, но пройти мимо такой странной аномалии, не разобравшись, я просто не могла. Навстречу плеснуло нарастающее удивление, беспокойство, затем началась борьба между желанием убежать и убить. Я ещё замедлила шаг, но решила всё равно разобраться до конца. Лес всё ближе, ближе, и я не отводила взгляда от той точки, откуда на меня смотрели.

И сидевший в лесу не выдержал. Резкий шум листвы, и на просеку выпрыгнуло нечто

странное. Существо напоминало густо заросшего волосами негра. Или вставшего прямо огромного шимпанзе. Во всяком случае, его кожа была черного цвета, стояло оно прямо, руки и ноги почти как у человека. Расплющенный нос, скошенный лоб. Рост под два метра, а плечи бугрились такими огромными мышцами, что его руки были, наверное, толще, чем я в плечах. Талию и ниже прикрывало некое подобие пояса — набедренной повязки, на которой различались накладные кармашки. В руке толи короткое копьё с огромным листообразным наконечником, толи меч, насаженный на палку. Но существо держало это странное оружие вполне привычно и уверенно. И на меня оно смотрело с лёгкой гримасой, а потом раздался гулкой бубнёж, который я поняла как «Ну и уродина». Услышать подобное после нескольких недель уважительного отношения? И от кого?! Слова вылетели быстрее, чем я успела осознанно придумать достойный ответ.

— На себя бы посмотрел, образина!

Существо замерло, медленно повернуло голову в мою сторону.

— Ты меня понимаешь?

— Понимаю! Так что будь осторожен в словах, а то я не посмотрю, что ты такой здоровый, враз на закуску для падальщиков пушу!

— Ты?! Меня?!

В голосе было столько презрения, что я решила не церемониться. Мысленно врезала ему по ногам, и гигант покорно упал на колени (любимая поза для мужчин, пытающихся обидеть меня). Попытался встать, но тут же бросил это, разве что уперся копьём в землю, чтобы удержать равновесие. Я подошла поближе.

— Могу отобрать у тебя руки и всё тело. Могу ослепить. Могу сварить твои мозги. Могу открутить голову. Что тебе больше нравится?

Голос существа стал на удивление почтителен.

— Госпожа — эльхае?! Если она назовет своё имя, я с радостью и гордостью признаю её власть!

— Обращайся ко мне «Госпожа Натис»

— Как прикажешь, госпожа Натис.

— Как звать тебя?

— Гман, госпожа.

— Откуда ты?

— Я не знаю, госпожа.

На некоторое время установилась тишина, мы разглядывали друг друга. Сзади раздался напряженный голос Мармука.

— Натис, отходи медленно и в сторону, мы постараемся отвлечь его.

Я оглянулась.

— А зачем мне отходить?

Мармук даже опешил.

— Это животное может на тебя броситься!

— Ни на кого он не бросится! Во всяком случае, не сейчас. И уберите оружие, оно ни к чему.

Наемники были, мягко говоря, в шоке, но послушно убрали мечи и обступили Гмана полукругом. Тот прореагировал довольно спокойно, только уточнил:

— Госпожа, это твои воины, или мне надо их убить?

Прозвучало это довольно обыденно, и я повторила вопрос Мармуку.

— Он спрашивает — вы мои воины или ему надо вас убить?

Некрасиво было так себя вести и напрашиваться на старшинство, но Мармук подыграл мне — приложил руку к груди и чуть поклонился.

— Мы твои воины, Натис.

Гман как будто понял и почти успокоился. Теперь надо было что-то решать с ним. Он сказал, что будет служить мне, но значит ли хоть что-то его клятва? Стоит мне вернуть ему подвижность, и неизвестно, как он себя поведёт. Надо было что-то придумать, сделать, но от моего задумчивого взгляда в душе Гмана заплескался настоящий ужас. Он буквально взвыл:

— Госпожа Натис, не лишайте меня воспоминаний и воли! Я буду предан вам до конца жизни!

Странная реакция, но она меня почти успокоила. Ещё немного посомневалась, но всё-таки освободила ноги этого чудища.

— Вставай.

С трудом, но он встал. И снова его реакция удивила меня — стоит с трудом, а сам доволен.

— Хорошая, сильная эльхае.

То ли похвала, то ли насмешка над доверчивой дурочкой, но я решила пока не заморачиваться этим.

— Как ты здесь оказался?

— Пошли на охоту, погнались за оленем и попали в запретный круг, а потом в этот лес. Несколько дней искали дорогу назад. Одного укусил паук, и он умер. Потом на нас напали какие-то люди. Мы их убили, но и второй охотник погиб в бою. Я остался один. Не знал что делать, а потом встретил вас, госпожа.

Я повернулась к Мармуку.

— Это — «пришлый»?

— Ну, уж точно не местный. Он один?

Я удивлённо смотрела на него.

— Ты что, разве не слышал?

— А что я должен был услышать? *Пришлый* время от времени что-то бормочет, а ты вообще стоишь молча, с затуманенным взглядом.

— Я...

А что, собственно, «Я»? Как объяснить, что я могу читать чужие мысли и внушать свои? Кто после этого вообще захочет не то что разговаривать, а даже просто приблизиться ко мне?

— Он пришел один. Было ещё двое, но они погибли... там — я махнула в сторону Земли Туманов.

Мармук понимающе кивнул.

— Если он готов подчиниться, то мы отведем его в крепость. Но он должен сдать оружие — он показал глазами на копьё-меч в руках Гмана.

— Он готов подчиниться мне. И оружие ему сдавать не обязательно — он теперь мой слуга, и я ему почти верю — неожиданно брякнула я в порыве какой-то неосознанной солидарности. Ведь по сути, я — точно такая же *пришлая*.

Мармук помрачнел.

— Натис, ты знаешь его всего ничего, а уже говоришь о доверии. Я не собираюсь тебе указывать, но ты поступаешь опрометчиво. И в крепость его с оружием не пустят — это

общее правило для всех пришлых.

— Значит мы в крепость не войдём — уперлась я — Он доверился мне, и теперь я за него отвечаю. Если он что-то натворит, я убью его сама и не стану полагаться на чужие правила, написанные неизвестно кем и когда.

— Эти правила написаны кровью людей — мрачно ответил Мармук.

Он был прав на двести процентов, но... Если уж выбирать между жизнью в крепости, в которой меня саму могут убить в любой момент, и жизнью в джунглях, то я скорее выберу джунгли. Гман смог выжить, может и у меня получится. Я постаралась придать голосу твёрдость.

— Я так решила.

Мармук долго молчал.

— Как скажешь, Натис — сказал он наконец — Едем в крепость?

— Да.

Психика у Гмана была устойчива невероятно. Он спокойно ждал, пока мы разговаривали с Мармуком, и даже коленопреноклоненная лошадь, на которую садилась я, не произвели на него впечатление, словно это было в порядке вещей.

— Гман, сейчас мы поедem в нашу крепость. Я сказала остальным, что не буду отбирать у тебя оружие, но убью сама, если ты совершишь что-то плохое без моего приказа.

— Я благодарен госпоже — Гман даже чуть поклонился.

Странная благодарность за обещание убить, но разборки я решила оставить на потом. Гман пристроился справа от моей лошади и не собирался отставать, даже когда мы перешли на легкую рысь. Мой жеребец удивленно косился на эту громадину, бегущую рядом, но агрессии не выказывал.

Немного задержались у первой башни, где Мармуку пришлось объяснять, кого и почему мы ведём с собой, чтобы не подняли тревогу.

В крепость, как и предупреждал Мармук, нас не пустили. Солдаты очень старались даже случайно не обидеть меня, но были твёрды в одном — с оружием *пришлый* в крепость не войдёт. Я, из непонятной вредности, отказалась. Начала было объяснять, что Гман теперь мой слуга, что я за него отвечаю, но... Мне очень вежливо сказали, что при всём уважении ко мне, порядок один для всех. Я не стала спорить, а молча развернула коня, отъехала к кромке леса и устроила привал.

Было немножко обидно, но разве можно было ожидать чего-то другого? Если уж быть честной, то все вокруг поступали правильно, логично, и лишь я вела себя как сумасбродная девчонка детсадовского возраста. Привела в дом «собачку» и удивляюсь, что ей не рады. А то, что эта «собачка» в два раза больше меня, и зубки у неё очень даже острые, и любого человека она может убить с одного удара — меня почему-то не пугало. Может дело в том, что крепость не успела стать *моим* домом? Может потому, что я подсознательно продолжаю чувствовать себя *пришлой* в этом мире, и Гман для теперь меня своеобразный «собрат по несчастью»? Скорее всего, и он не ангел, но он тоже *пришлый*, и нам обоим надо научиться выживать в этом мире.

Я покосилась на Гмана. Тот пристроился чуть сбоку и рассматривал крепость, но больно уж спокойно, словно для него это было вполне обычное зрелище.

— Ты уже видел такое?

— Да, госпожа. И гораздо более мощные стены.

Это уже становилось интересным. Я повернулась к нему.

— Расскажи о своих землях.

Примерно через час явился Холс в сопровождении десятка солдат. Мрачный, настороженный. Один из солдат принес с собой раскладной стул, и Холс сразу уселся, продолжая разглядывать нас с Гманом. При его приближении я встала, но когда маг уселся, это стало выглядеть, словно пришел строгий учитель, чтобы отчитать провинившуюся ученицу. Мне это совершенно не понравилось, и я демонстративно уселась на землю. Стало лучше, но не намного — теперь Холс возвышался надо мной. Но и ему стало неудобно — приходилось переводить взгляд с меня (сидящей) на стоящего Гмана. Короткие мгновения, когда магу приходилось переключать внимание, но и это ему не нравилось. Наконец он решил сосредоточиться на мне.

— Снова пытаешься устанавливать свои порядки?

Я только пожала плечами — что тут скажешь?

— Ты действительно понимаешь этого... человека и можешь с ним изъясняться? Как?

Я снова пожала плечам — если бы я сама это знала.

— Получается и всё.

— Кто он и откуда?

Я сразу оживилась — слишком много необычного и интересного рассказал Гман.

— Говорит, что занимался охотой, а «проклятый круг» обнаружил совершенно случайно. Как-то раз заметил, что олень, за которым он гнался, высоко подпрыгнул, словно чего-то испугался, и буквально исчез. У них есть страшные легенды о таких пожирающих кругах. На всякий случай, чтобы не попасть в него, наловил мышей, стал бросать их в круг и примерно понял его границы. Обозначил их сломанными ветками, но каждый день круг увеличился метров на двести. А ещё через неделю, когда они гнались за оленем, то просто не поняли, как попали сюда. Но это было примерно за день пути от того места, где он обнаружил проклятый круг в первый раз.

Маг слушал очень внимательно.

— Другими словами, этот круг увеличивался, и всё более стремительно — он вдруг помрачнел ещё больше и словно «отключился» — Ну что ж, похоже, пришёл и наш черёд.

Маг прикрыл глаза и долго сидел, как будто что-то обдумывая. Легкое марево вокруг его тела исчезло.

— Тебя никогда не удивляло, почему в нашем мире так много разных — он замялся, будто подбирая слова — разных видов людей?

Удивляло, не то слово, но какое отношение это имеет ко мне и этим проклятым кругам? Я пожала плечами.

— Ну, мало ли...

Маг смотрел по-прежнему серьёзно.

— Мы не первые разумные в этом мире. Сейчас мало кто об этом задумывается и помнит, но и для нашего народа этот мир не родной. Легенды туманны, письменных источников почти нет, но кое-что я отыскал сам, кое-что мне передали как магу этой крепости — он помолчал — Земли к северу от нас получили название Земель Тумана далеко не сразу. Древние люди просто жили, заботясь о своём выживании, и на странности, творившиеся здесь, обратили внимание только когда начали заселять их. Область примерно пятьсот километров в диаметре. Есть и джунгли, и горы, и реки, и долины. Только вот непонятные животные и чужие люди появляются здесь очень часто. Одних убивали, других захватывали в рабство. Только и свои люди пропадали там очень часто. Постепенно, со

временем поняли, что во всём виноваты «проклятые» круги. Из одних люди приходят, в других пропадают. Пытались как-то обозначить их, но они всё время меняют своё место и размеры, да и время их действия непредсказуемо. А самое страшное — когда на *той* стороне, в другом мире, круг начинает расширяться, захватывая всё живое. Он может оказаться в пустыне, и этого никто не заметит. А может возникнуть посреди большого города, и тогда сюда выбросит тысячи и тысячи самых неожиданных существ. Они напуганы и готовы убивать любого, кто хотя бы на мгновение покажется им опасным. Так и мой народ в своё время оказался здесь. Я знаю об этом только по немногим легендам и летописям, но от подробностей охватывает ужас. Эти круги захватывают *всё* живое. И представь — в одном месте начинает появляться месиво из живых существ. Никто ничего не понимает, страшные неизвестные болезни, любой встречный может быть убийцей, ядовитым гадом. Земля буквально завалена ещё живыми, умирающими и трупами. Единственное спасение — бежать как можно дальше, но везде одно и то же. Кошмар, который не кончается. В Землях Туманов есть места, где на многие километры земля покрыта костями слоем в несколько метров. Нашим предкам повезло — среди первых попавших сюда оказались люди, имевшие власть, оружие, и сумевшие организовать эту безумную толпу. Есть было нечего, терять — тоже, и было принято решение уходить. Наткнулись на Первый Круг и поняли, что надежда есть. наших предков пытались остановить, договориться, но у всех была только одна мысль — вперёд. Люди предпочитали умереть в бою, чем подыхать от голода и болезней. Часто крепости брали, делая насыпи из трупов и ещё живых. Когда наши предки победили, весь известный мир превратился в безжизненную пустыню. На долгие века воцарилась дикость, и только последнюю тысячу лет мы снова начали развиваться, становиться великим народом. Но, похоже, и это ненадолго.

Маг снова замолчал.

— Так это... нашествие?

— Называй как хочешь. Вряд ли кто осознанно отправится завоевывать чужой мир — со своим бы управиться. Скорее всего, это будут *разумные* из мира, которому не повезло. Я точно знаю о пяти успешных «нашествиях» до нас. Один раз это были даже разумные ящеры. Остатки этой, прежде великой, расы прячутся где-то в джунглях, опустившись до дикого состояния.

— Так вот для чего наша крепость! — дошло до меня — Обнаружить нашествие, успеть сообщить о нём, а если получится, то и задержать хоть немного — я даже обрадовалась, что хоть одной загадкой стало меньше — А не проще было построить её в самих Землях, чтобы уничтожить враждебных пришельцев сразу, как только они появятся здесь?

— Самая умная? — нахмурился маг — Или плохо слышишь? Круги не имеют постоянного места. Появляются случайным образом и сохраняются по каким-то своим законам. Никто не знает, где они окажутся в следующий раз. Любители острых ощущений и наживы постоянно стремятся на эти земли, но возвращается в лучшем случае один из двадцати. Сам несколько раз был свидетелем, как целые отряды уходили по дороге в *ничто*, даже не понимая, что они уже не принадлежат этому миру. А один раз видел, как из воздуха появилась большая толпа странных существ, прошли несколько сот метров, и снова исчезли. Причем никто из них не кричал и не беспокоился. Они просто ничего не заметили. Там творятся страшные вещи.

— Так это... *порталы*? — дошло до меня.

— Ты даже такие слова знаешь? — усмехнулся Холс — Наверное, можно и так сказать.

— А кто их делает? Какие-то маги?

Холс посмотрел на меня как на полную дуру.

— Тысячи, десятки тысяч лет? В одном и том же месте? Для разных рас и миров?

— Но кто-то же это делает? И почему?

— Почему и зачем? — рассердился маг — А почему встаёт солнце, идёт дождь, и в небе миллиарды звёзд? Почему каждому событию должно быть простое и привычное объяснение? Почему обязательно надо видеть злой умысел? Почему не допустить, что есть вещи выше нашего понимания? Что это просто одно из необычных явлений природы, и мы лишь пыль, поднятая ветром?

— Пусть явление природы, но неужели его не пытались исследовать?

— Пытались, но никто ничего не понял. Ни принципов, ни закономерностей появления.

Маг устало сторбился.

— А что будет с Гманом и нашествием?

— А что с ними будет? Если появляются одиночки, то у пришлых забирают всё оружие, ценности, на месяц оставляют в карантине. Тех, кто готов жить в мире, отправляют в другие земли, чтобы они могли слиться с другими (ассимиляция, перевела я для себя). Тех, кто не готов... уничтожают. Но сейчас... Пусть живёт под твою ответственность и не слишком скалит зубы. А с его сородичами... Сразу они не нападут, будут разбираться с обстановкой — там всё усыпано костями и оружием. Попытаются выйти из Земель Тумана — будем договариваться или биться. Других вариантов нет. Но если круг на той стороне и в самом деле расширяется, и захватывает всё больше... — он кашлянул, с некоторым сомнением глядя на Гмана — людей, да ещё и они все такие как он... Плохо не то, много или мало людей на той стороне, а то, что получается эффект воронки — какого бы размера ни был круг на той стороне, здесь люди появятся в круге размером с десяток километров. Если найдутся люди, способные командовать, вот тебе и готовая армия, собранная к походу. И терять им нечего.

Он помолчал, с неожиданным интересом рассматривая меня с Гманом.

— Возможно, и вы сможете сыграть не последнюю роль — готовая пара, способная разговаривать и с нами, и с пришельцами. В любом случае придётся собирать отряд, разбираться, что там происходит. Если появится не больше тысячи, то мы справимся и сами — большинство пришлых погибнут в этих местах и без нашей помощи. А если... — он помрачнел — Если опасения подтвердятся, то придётся собирать армии, и лучше это сделать пораньше.

Маг встал.

— Останетесь здесь. Я прикажу поставить вам палатку и принести еду. Охрана... Сами справитесь. Но если Гмана обнаружат в крепости с оружием — он будет сразу убит. Без разговоров и выслушивания оправданий. Ты, Натис, отвечаешь за него полностью.

Оставалось только кивнуть.

Барон Мик ждал мага у ворот крепости. Молча выслушал, долго что-то обдумывал.

— Ты веришь, что можно вот так, за несколько минут, научиться говорить и понимать совершенно неизвестное существо?

Холс пожал плечами.

— В принципе, для мага-ментала это возможно, всё зависит от уровня его силы. А уровень Натис я даже не представляю — слишком она необычная.

— Допустим. А то, что эта обезьяна признала её хозяйкой?

— Мы не знаем, какие отношения в мире этого существа. Тем более, что это произошло после того, как оно назвало Натис «эльхае». Что это означает, она не знает. Может так называют их магов, может какой-то уровень власти. Со временем разберёмся.

— Тебе не кажется это странным?

— Что именно?

— Да всё! Слишком уж удачно всё складывается у этой девчонки. Отправилась на пост и отдыхала всю смену. Не успела спуститься на землю, как тут же встретила *пришлого*, тут же договорилась с ним и он с готовностью признает её госпожой! Расскажи тебе подобное неделю назад — ты бы поверил?

— А ты бы поверил месяц назад, что придет девчонка-посудомойка и завалит одного из твоих лучших солдат, даже не прикоснувшись к нему и пальцем? Но это произошло, и что бы мы ни думали — это есть, с этим надо считаться и это надо учитывать в наших расчетах, если мы не хотим оказаться мертвыми дураками.

— Слишком уж всё это похоже на спланированную операцию.

— И в чём её цель?

— Всё как на ладони! Девчонка и обезьяна знали друг друга и раньше. Девчонка пришла сама, а обезьяну подсунули в нужный момент. Обезьяна рычит, девчонка пугает нас новым вторжением. Мы развешиваем уши, стягиваем войска, а в нужный момент начинается или переворот в столице, или вторжение одного из наших соседей. Нужно хватать девчонку с обезьяной и пытаться их, пока не скажут правду!

Холс кивнул, соглашаясь.

— Можно предположить и такое. А можно и другое. Начинается *настоящее* нашествие, и ты уже успел продаться агентам *пришлых*. Девчонка может открыть правду, и ты делаешь всё, чтобы заткнуть ей рот. Готов отправить солдат на её арест, зная, что никто из них живым не вернётся. Готов отправить меня, хотя я предупреждал, что после нашей схватки крепость может быть уничтожена. Все признаки, что ты расчищаешь дорогу пришлым, устраняя всех, кто может рассказать об этом и встать у них на пути.

Мик замер, потом его рука легла на рукоять меча. Голос стал хриплым.

— Да как ты смеешь?!

Казалось, он сейчас взорвётся от ярости, но взгляд мага был твёрд, и барон смог сдержаться. С трудом убрал руку с меча, с трудом раздвинул губы.

— Ты прав, Холс, при желании можно и так повернуть.

— Можно — подтвердил маг — Но давай оставим дело поиска врагов и тайного умысла тем, у кого это лучше получается — Тайному сыску. У нас другие обязанности. У нас есть *пришлый*, у нас есть слова Натис и мои предположения, что вскоре может начаться вторжение. Во всяком случае, её слова можно истолковать именно так. У нас есть прямые приказы, как поступать в таких случаях.

Мик встряхнулся, словно сбрасывая с себя напряжение последних минут.

— Ты прав, у нас есть прямые приказы, которые мы обязаны выполнить даже ценой жизни. Завтра с утра пошлю гонцов предупредить башни о возможном нападении. А сегодня вечером отправлю донесение в столицу, пусть думают, какие меры принимать. И о своих подозрениях сообщу!

— Разумеется, — кивнул маг — Пусть в столице разбираются, где правда, а где только видимость.

— Натис не сбежит?

— А зачем тогда было идти сюда?

— Ну, мало ли. Сообщить ложное донесение.

— Тогда ей вообще нет смысла бежать, пока она не убедится, что мы ей поверили и здесь не появятся войска.

— Почему ты не дал ей охрану? Сам знаешь, чем может кончиться ночь рядом с джунглями.

— Зачем? Судя по тому, как быстро она договорилась с человекоподобным, местные хищники для неё не будут угрозой.

— Одно дело почти человек, и совсем другое — дикий хищник.

Маг неожиданно улыбнулся.

— Помнишь жеребца по кличке Дун?

— Помню. Злой, любит кусаться и своевольничать.

— При возвращении в крепость именно он достался Натис. Наемники утверждают, что он даже вставал на колени, чтобы ей было удобнее на него забраться, и ехала она, вообще не держась за поводья. Это тебе о чем-то говорит?

— Думаешь, она может управлять не только людьми, но и дикими животными? С каждым днём всё веселее — барон раздражённо сплюнул — А если ей взбредёт в голову прогуляться ночью по крепости, то что мы сможем ей противопоставить? Я вздохну с облегчением, когда избавлюсь от присутствия этой девчонки.

— Как знать — маг снова стал серьёзным — Только представь на мгновение, что она не пришла бы сюда. И этот, как его, Гман, бродил бы сейчас вокруг крепости, выискивая, кого бы убить. А мы бы за этими стенами даже не догадывались, что через неделю-другую из джунглей могут выйти толпы обезумевших людей — Маг помолчал, потом продолжил глухим голосом — Возможно, убить Натис будет проще простого — она смотрит на мир широко открытыми глазами, и ей даже в голову не придёт, что кто-то может пустить в неё стрелу, спрятавшись среди деревьев. Убить мы её можем, но не совершим ли ошибку, променяв сиюминутное неудобство на нечто неизмеримо более страшное через неделю, месяц, год? Когда снова заподозришь её в чём-то и захочешь уничтожить, подумай об этом.

Маг сдержал слово, и примерно через час десяток солдат притащил палатку, складные стол и стул, несколько котелков с едой, кувшин с водой. Уточнили, где бы мне хотелось расположиться, и споро поставили одноместную парусиновую палатку. Первое время косились на копьё в руках Гмана, но тот понятливо отступил ко мне за спину, и со мной, в роли буфера, дело пошло гораздо спокойней. Когда собрали стол и стул, а старший учтиво спросил: «Госпожа желает что-то ещё?», я почувствовала себя очень знатной и очень важной. Можно, конечно, «пожелать», только чего? Палатка есть, еда есть, что ещё надо? Стараясь не рассмеяться, милостиво кивнула.

— Нет, спасибо.

Похоже, «спасибо», я сказала зря — солдат опешил от таких непривычных слов.

— Разве что... коня заберите. Пусть его накормят и приведут в порядок.

Солдат кивнул.

— Слушаюсь, госпожа Натис.

Но с выполнением просьбы возникли проблемы. Конь, такой послушный и добрый, вдруг решил показать норы. Начал скалить зубы, лягаться, никого не подпуская к себе. Пришлось вмешаться, пока дело не закончилось чьей-нибудь смертью.

Стоило коснуться лошадиной морды, и конь сразу присмирел. Я ласково погладила его.

— Ну и чего ты разбушевался? Я ведь тебя не на колбасу отправляю, а в родное стойло. Ты мне очень нравишься, но я ведь тебя даже расседлать не сумею! Просто не дотянусь. А там тебя и накормят, и напоят, и почистят, и сделают всё как положено. Я тебя не выгоняю, а отправляю привести себя в порядок и набраться сил. Когда понадобится, я тебя обязательно позову.

Конь внимательно слушал, будто понимал меня.

— А теперь иди, отдыхай.

Конь фыркнул, мотнул головой, но послушно затрусил в сторону крепости, а я в очередной раз поразила ум и выучке местных животных. Над моими детско-бабскими словами любой бы просто посмеялся, а этот словно понял, и даже послушался. Чем больше я здесь живу, тем больше чудес открывается.

Солдаты проводили взглядами коня, переглянулись между собой, и лишь потом ушли, переговариваясь между собой. Меня же сейчас гораздо больше интересовали невероятные запахи, идущие от котелков. В одном — привычная каша с кусочками мяса, в другом — нечто ароматное, похожее на очень густой кисель. Вроде утром ела, но сейчас я была голодна как собака. Уселась за столик и стала есть прямо из котелка, хотя солдаты принесли и тарелки. Глотала жадно, словно меня не кормили минимум неделю, и только случайно встретившись взглядом с Гманом, устыдилась. Отложила ложку, посидела с минуту, стараясь успокоиться, потом положила себе порцию на тарелку, и только после этого разрешила себе есть. Поднесла ложку ко рту, и тут меня снова ожег стыд — я ведь совершенно не подумала о Гмане как о человеке, и даже не спросила, ел ли он вообще в последние дни. Я кивнула в сторону котелков.

— Гман, ты ешь вареное?

— Да, госпожа.

Вопрос был откровенно глупым, запоздало сообразила я. Если уж у него железное оружие, значит, в его мире знают и огонь, и кузнечное дело. А это и инструменты, и котелки и прочая посуда. Опять же, я ничего не знаю о физиологии Гмана, и он вполне может оказаться хищником, который ест только сырое мясо (клыки у Гмана были не как у волка, но все равно весьма заметными).

— Тогда ешь, мне хватит и этого — я кивнула на свою тарелку.

Гман немного помялся, но котелок и ложку всё-таки взял. Отошел в сторонку и начал есть как самый обычный оголодавший мужик. Торопливо, жадно, и похоже, даже не жуя. Я не успела съесть ещё и половины своей порции, а он уже выскребал дно котелка. Потом запустил в котелок руку, вычистил стенки и старательно оближал пальцы.

Странно как-то — Гман говорил, что он охотник, и вдруг оказывается, что он такой голодный. Разве такое может быть, чтобы охотник, в лесу и не нашел себе пропитания?! Хотя... Вроде есть правило выживания, что нельзя есть животных и растения, если точно не знаешь, что они не ядовиты. А тут совершенно чужой мир. Может он что и ел, но осторожно, маленькими кусочками, и через несколько дней такой «диеты» любой оголодает до крайности. А тут вроде я сама ем, и ему предлагаю. Риск отравления и сейчас есть, просто из-за какой-нибудь индивидуальной непереносимости, но выбора у него нет. Жри, что дают, или помирай от голода.

Чтобы не смущать Гмана ещё больше, отлила себе «киселя» в кружку, а котелок подвинула ему.

— Пей.

«Кисель» исчез ещё быстрее, чем каша. Гман поднял котелок и вылил содержимое в горло, как в трубу, ни разу не сглотнув. Просто вылил в себя. Несколько секунд, и котелок пуст, а Гман вычищает пальцем его стенки.

Смотреть на Гмана было интересно, и немного неприятно, но кто я такая, чтобы осуждать? Сама в этом мире пришлая, да и «уродиной» он назвал меня первым, только увидев. Отвернувшись, потихоньку доела свою порцию, и неожиданно настроение стало портиться. Зачем мне всё это? Что я делаю? Согласилась бы со стражей, отобрали бы оружие у Гмана, и сейчас бы он сидел в клетке, а я в особняке, после ванны, за столом с белой скатертью, фарфоровой посудой и хрустальными бокалами. И спать бы легла на огромной мягкой кровати, а не в палатке на голой земле. Ну вот зачем мне всё это случилось?! Ну чего я везде лезу? Правильно говорят, что инициатива наказуема!

Между тем начало быстро темнеть. Ворота крепости закрыли, и мне стало совсем грустно — как же было надежно и спокойно за этими высокими стенами! А сейчас... Одна, рядом с джунглями, вместе с волосатым чудищем. С наемниками Мармука было всё-таки не так уж плохо — и народу больше, и от привычных мне людей, хотя бы внешне, они не отличались. А теперь рядом только это чудо-юдо с непонятными мыслями. Можно поковыряться у него в голове, но я совершенно не уверена, что мне понравится то, что я могу там увидеть. Может он и неплох по своим меркам, но он — другой. Днем вроде поклялся мне в верности, но что будет ночью? Если не прибудет сразу, то может и отобьюсь, но тогда придётся ночь не спать, а у нас даже костра нет...

Наверное, я подумала об этом вслух, потому что Гман вдруг сказал:

— Если госпожа позволит, я разведу костёр.

— А поджигать чем? У меня ничего нет.

— У меня есть — на мгновение мне показалось, что Гман даже чуть улыбнулся с оттенком превосходства. Странно для человекообразного, у которого из признаков цивилизованности только копьё в руке и пояс на теле, но с этим будем разбираться потом. Сейчас же для меня гораздо важнее был огонь, и я милостиво разрешила:

— Хорошо, разожги.

Гман бесшумно исчез в чаще и через несколько минут вернулся с огромной охапкой сушняка. Костер он готовил стандартно — небольшая кучка сухого мха, затем мелкие веточки, затем более крупные «шалашиком». Наемники для добывания огня использовали кремь с кресалом, но Гман достал из кармашка на поясе пару небольших темных камней, одна из сторон у которых была плоской. Я думала, что он начнёт стучать ими, но Гман поступил странно — прижал камни друг к другу плоскими сторонами, потом резко сдвинул. Сноп искр, словно заработала «болгарка», и мох мгновенно вспыхнул. Несколько минут, и уже можно погреться у собственного костра. Очень интересно было бы узнать, что это такое было, но я не стала лезть с расспросами. Что это не кремь — это точно. Может какой-нибудь конденсатор-генератор, может ещё что, но спрашивать я постеснялась. Возможно, это что-то простейшее, всем известное, а показать себя полной дурой в первый же день знакомства что-то не хотелось.

С костром стало веселее, но ненадолго. Ночь темная, костер освещает только небольшой кусок пространства вокруг. Чуть сбоку сидит Гман. Сидит и молчит, зараза, думает о чем-то своем. О чем, спрашивается? Как меня прибить и съесть? Не знаю почему, но меня начал накатывать страх. Вроде и причин нет — сытые, у костра, но я стала себя невольно накручивать. О чем думает Гман, что происходит в крепости, а кто это смотрит на

меня из-за деревьев? Слух обострился, и я теперь слышала гораздо лучше, чем днём, когда меня окружали люди. А джунгли словно решили посильнее напугать меня — то какой-то шорох, то какой-то скрип, то какие-то буханья, то ещё непонятно что. Может, там и нет ничего, может причина самая банальная, типа тасманийских дьяволов, которые больше страшны своим рыком, чем своими зубами. Может, там какие-то местные обезьяны типа наших ревунов. Совершенно безобидные, но в свое время они наводили ужас на испанцев, только начинавших завоевание Америки.

Очень хотелось убедить себя, что все это только мои фантазии, но взглянула на Гмана, и настроение вообще испортилось. Этот громила сидел напряженный, казалось, даже уши у него шевелились, стараясь услышать нечто важное в глубине леса. Копье лежит на земле, и рука Гмана несколько раз непроизвольно дергалась схватить его, словно к нам вот-вот должно выйти нечто страшное.

Стыдно признаться, но мне на короткое мгновение даже стало немного легче — не мне одной страшно. Оба *пришлые*, оба не знаем, что нас ждёт. А раз такому здоровяку с копьём страшно, то мне и вовсе простительно немного потрястись. Я даже немного съехидничала:

— Да, весёлая ночька нас ожидает...

Гман напрягся, не зная как реагировать, но всё же ответил:

— Госпоже Натис достаточно пожелать, и животные уйдут.

— Уйдут? Мне что, с горящей веткой за ними бегать?

Странное предложение немного развеселило, но Гман снова повторил вполне серьёзно:

— Госпоже достаточно посмотреть вокруг третьим глазом, и животные уйдут.

Я невольно коснулась камня на диадеме, которую теперь носила не снимая. Он что, и в самом деле считает этот камень моим третьим глазом? Или он имел в виду нечто другое, как наши йоги и экстрасенсы? Или в камне заключены некие волшебные силы, о которых Гман что-то знает? Может диадема с его родины, и именно поэтому он и назвал меня эльхае? Почему он вообще заговорил о том, что мне делать? Или в его понимании защищать — это уже моя прямая обязанность?

Сразу куча вопросов, но я промолчала. Да и идею он подал интересную — с людьми разговаривать и внушать мысли я могу, так почему бы не попробовать сделать это с животными? Пусть не со всеми, но хотя бы с теми, кто имеет хоть какие-то зачатки разума (кто бы что ни понимал под этим).

Повернувшись к джунглям, уселась поудобней и закрыла глаза. Лес я *слушала* много раз, и в этом уже не было чего-то особенного. Через пару минут я уже настроилась и с интересом оглядела окрестности. Крупных животных было всего пара, да и «крупные» весьма относительно — не больше собаки. С десятков не больше кошки, пара десятков змей всех размеров, а остальные — вообще мелочь. И я и тряслась от страха из-за такой ерунды?!

Впору было рассмеяться, но Мармук заразил меня настороженным отношением к местным животным — любая муха и любой паучок могут оказаться опасными. Но как я их узнаю? Подставлять руку, чтобы укусили, ужалили, стрызли? Откровенная глупость. И даже если я их как-то вычислю, что дальше? Как мне обезопасить себя? «Собаки» меня, может, и послушаются, а пчёлы и мошки? Разговаривать с каждой в отдельности? Внушить что-то общее, типа иллюзии пожара? Только перепугаю всех, даже самых безобидных. Внушить ужас? Совершенно не хочется становиться местным пугалом, да и цель у меня совершенно другая — чтобы меня не трогали, только и всего. Так что мне сделать?

Пока я пыталась решить извечную проблему — как сделать так, чтобы всем было

хорошо, вдруг заметила, что от меня во все стороны поползла легкая дымка. Такая же, как и я, и мое настроение — чуть видимая, серо-буро-малиновая, слабенькая и неуверенная. Чуть сдвинется вперед, и тут же, будто испугавшись, оттягивается назад. Словно маленький, неуверенный в себе ребёнок, оказавшийся в незнакомом месте. Идет, но всего боится и в любой момент готов повернуть назад, прижаться к маме-защитнице. Что бы я такое ни сотворила, но это совершенно не соответствовало моему представлению об отпугивающем или, тем более, угрожающем заклинании (или как это вообще можно назвать). Да и двигалась эта дымка словно сама по себе, без всякого моего участия (осознанного, во всяком случае).

Что с ней делать и как на неё реагировать? Защищаться от собственной «дымки», словно сочащейся из моего же тела? Абсурд. Смирившись, решила посмотреть, что же получится.

А получалось весьма непонятно. В первый момент, когда дымка накрывала животных, они на несколько мгновений замирали, а потом продолжали заниматься своими делами, как ни в чём ни бывало. Меня это и удивило, и даже немного обидело — я тут сижу, мучаюсь, не зная, что делать, а им моя магия — до фонаря (если не сказать хуже).

И только через некоторое время заметила одну странность — животные вели себя спокойно, но предпочитали двигаться куда угодно, только не в мою сторону. Заинтересовавшись, решила осторожно прикоснуться к ощущениям одной из «кошек». Всё просто и понятно — поесть самой и не стать обедом для других. Про меня она даже не подозревала и не думала, своих проблем хватало, но время от времени её охватывало лёгкое беспокойство — «сюда я не пойду». И у человека такое бывает — вроде стоишь на перекрестке, все четыре стороны света одинаково хороши, но вдруг появляется уверенность — вот в ту сторону я не пойду. Не знаю, что там плохого, страшного, но не пойду. Может это интуиция подсказывает, чтобы уберечь от неведомой опасности, а может чей-то чужой «туман» так действует.

И у тех животных, которых я видела, было примерно то же самое — обычные дела, но вдруг лёгкое беспокойство — «Не, в ту сторону (в мою) я не пойду (не прыгну, не поползу, не полечу)». Не всегда отчетливое и осознанное, но у всех. Даже на мошкарку словно дул лёгкий ветерок — вроде движения беспорядочные, но куда угодно, только не ко мне.

Потихоньку, помаленьку, но живность постепенно покидала джунгли метров на двести вокруг. Ну, или хотя бы не пытались приблизиться ко мне.

Неизвестно, как долго эта «дымка» будет действовать, но тут я понадеялась на «авось». Раз уж я сама её сделала (непонятно как), то и поддерживать, наверное, смогу. Побормотала себе под нос: «Держать дымку до утра, держать до утра», и на этом успокоилась. Что будет, то будет. Для первого раза, не имея ни малейшего представления, что и как, я и так сделала более чем достаточно.

Первое, что увидела, вернувшись в реальный мир — довольную морду Гмана. Заметив, что я ожила, сразу забубнил:

— Хорошая, сильная эльхае! Даже мошкарка исчезла, теперь ночь будет спокойной.

Похвала всегда приятна, и я уже так, на автомате, спросила:

— И часто другие эльхае так делают?

— Не знаю — Гман был невозмутим — Есть легенды, что могут, а про то, как часто, там не говорится.

Я чуть не заматерилась. А какого черта он тогда лез со своими советами?! У него

легенды, а я чуть голову не сломала, пытаясь понять, что делать. А если он вспомнит, что эльхае могут летать? Мне что, тоже придется это пробовать?!

Я ворчала на Глана, но настоящей злости не было. Как бы то ни было, но я узнала ещё одну новую грань своих возможностей. Пусть случайно, пусть вынужденно, но чему-то новому я научилась. А может и пусть Гман вспоминает легенды про этих эльхае? Может узнаю, для чего можно применить свои способности. Хорошо бы пораспрашивать про этих эльхае — кто такие, чем отличаются от других, как учатся, чем занимаются в обычной жизни. Только не в лоб, а как бы случайно, невзначай.

Гман не зря радовался. Вокруг не стало тише или светлее, джунгли по-прежнему полны звуков, но теперь они воспринимались гораздо спокойнее, словно нас оградила невидимая стена. И мошкара, время от времени так донимавшая нас, куда-то исчезла. Хорошо бы посидеть у костра, полюбоваться на звёзды, помечтать о чем-нибудь приятном, но усталость наваливалась всё сильнее. Я прикинула по созвездиям (Мармук научил), что уже полночь. Ничего себе я посидела, слушая лес! Часа три, не меньше. Неудивительно, что я такая измученная. Спросила только:

— Теперь не так страшно?

Гман усиленно закивал, и я уже из последних сил забралась в палатку. Немного удивилась — солдаты, оказывается, успели притащить туда несколько охапок травы и прикрыли сверху одеялом. В моем нынешнем состоянии — царская постель. Повозилась, устраиваясь поудобнее, и вдруг сама себя похвалила — сегодня первый день, когда я использовала свои способности не во вред, а для пользы других (пусть даже таких необычных, как Гман). И никого при этом не убила, даже самого мелкого комара. Я — молодец...

Только закрыла глаза, как у входа в палатку послышались чьи-то голоса. Что-то негромкое, но нудное. Бу-бу-бу. С трудом поднявшись, вышла из палатки. Ну, какого черта кому-то ещё что-то понадобилось посреди ночи?!

Спиной ко входу в палатку стоял Гман со своим копьём наперевес, а перед ним трое солдат. Увидев, что я выхожу, все сразу отступили.

— Ну, что случилось?

— Мы принесли ваш завтрак, госпожа Натис!

— Завтрак?! — я с трудом поняла это слово, словно услышала его впервые — Вы что, сдурели? Ночь же!

— Скоро рассвет, госпожа. Отряд с господином магом отправится в дорогу уже скоро.

— А я здесь при чем?

— Господин маг сказал, что вы будете его сопровождать.

— Я? Сопровождать? Куда?!

— В Земли туманов, госпожа.

Солдаты докладывали четко, по-военному, но до меня не доходило. Какой отряд, почему я должна куда-то идти? Что я забыла в этих землях? Вот если бы выгнали из крепости, тогда да, других вариантов бы не было. Но сейчас-то зачем? После того, что рассказал маг, желание гулять по этим землям у меня резко уменьшилось.

Ладно, придёт маг, разберёмся. Я умылась водой из кувшина и мне немного полегчало.

— Ладно, давайте завтракать.

Солдат поставил на стол котелки, но я ещё толком не проснулась и почти не уловила запахов. Только приподняв крышки, разглядела — снова каша, только вместо «киселя» какой-то травяной отвар. Отделив свою порцию, кивнула Гману — ешь. На этот раз за котелки он взялся гораздо увереннее. Я ещё ковырялась в тарелке, а пустые котелки уже снова появились на столе. Ну и ладно. Он мужик, ему надо есть много. Тем более, что он вроде как примеривает на себя роль моего защитником. А раз уж я вроде как госпожа, то и обеспечить кормежкой тоже вроде как моя обязанность. Хотя... всё это временно. Если окажемся в лесу, то добывать живность, да и готовить придётся уже Гману, а я снова стану нахлебницей.

Как всё-таки сильно время суток влияет на самооценку! Вчера вечером я гордилась собой, считала себя очень нужной и важной, а утром, спрpsonья... Жить не хочется от ощущения собственной ничтожности и бесполезности...

Отряд появился довольно быстро. Топот множества ног, и вот нас уже окружили десятки солдат. Я вглядывалась в лица, но ни Мармука, ни остальных наемников из нашей группы почему не было.

Подойдя, Холс не стал разговаривать, а начал оглядываться и словно приноховаться. Я не питала иллюзий о собственной чистоте и запахе, но выглядело это довольно оскорбительно.

— Интересненько — протянул маг, не обращая внимания на мое нарастающее раздражение — Ты готова?

— К чему?

— Отправиться с отрядом.

— Куда и зачем?

— Тебе разве не сказали? В Земли туманов. Посмотрим, что там происходит.

— А я вам зачем?

— Так ты же мечтала стать там госпожой — маг прищурился с откровенной иронией.

— Это было давно.

— А если опять передумаешь? — я промолчала, и маг снова стал серьёзным — Надо сходить и попытаться найти то место, в котором появился Гман. Самое главное — определить, действует ли ещё это круг. А ещё важнее — это обычный или «воронка». После будем думать что делать дальше.

— А я вам зачем?

— Гман может опознать животных из своего мира, ты об этом скажешь. Без этого мы просто не поймём, что круг — из его мира.

— И всё? Только для этого?

— И всё. Только для этого.

— Ну, тогда я согласна.

Холс не стал ехидничать типа: «А куда б ты нафиг делась», а сразу скомандовал:

— Походной колонной, вперед!

Пятерка солдат двинулась по дороге в сторону Первого круга. За ними маг, вокруг него ещё десяток солдат, прикрывая его со всех сторон. Чтобы не путаться под ногами, я решила пропустить всех вперёд и идти самой последней, но остальные солдаты почему остались на месте и все смотрели на меня. Так и стояли — я смотрю на солдат, они на меня. Метров через двадцать Холс оглянулся и тут же вернулся.

— В чем дело?

— Хотела идти в конце отряда, но они — я кивнула в сторону солдат — почему-то не идут.

Похоже, Холсу очень хотелось обматерить меня, но он сдержался.

— Первыми идут солдаты малого дозора, затем я со своей охраной. Следом должна идти ты с основной частью отряда. В случае заварухи они прикроют тебя, а ты должна прикрывать меня.

— Чем?

На этот раз маг не сдержался.

— Чербанохадос... пробормотал он какое-то ругательство — Помнишь, как ты хотела меня убить?

— Ну... — замялась я.

— Так вот, для нас может стать опасным всё что угодно — рой мошкары, животное размером с кошку, странная ветвь, нависшая над тропой. Если хотя бы на мгновение засомневаешься, почувствуешь хотя бы тень угрозы, сразу бей.

— Чем?!

— Гармахада — снова матюгнулся маг — Всем, чем сможешь! Во время нашего разговора у тебя это могло хорошо получиться. Но теперь бей без раздумий, сразу. Понятно?

— Понятно, но я так не могу. Пока на меня не нападут, я даже не знаю, что я смогу сделать.

Холс откровенно разозлился, и даже презрительно сплюнул.

— Ладно, держись за мной и постарайся хотя бы не путаться под ногами, если начнётся что-то серьёзное. — Он оглянулся на солдат — Чего встали? Вперёд!

На этот раз мы тронулись без задержек. Впереди маг с дозором и охраной, затем я, Гман, а за нами уже все остальные в колонну по трое. Солдаты в среднем ряду несли тяжелые рюкзаки, а те, что с краю, их как бы прикрывали.

С рассветом без остановок вышли на Первый круг и сразу свернули на небольшую просеку, ведущую в Земли туманов. Вскоре выяснилось, что мы идём не совсем по просеке, а по очень старой дороге. Очень старой и очень странной. Метров десять в ширину, мощеная большими каменными плитами, она местами сверкала чистотой, словно её только что подмели и помыли, а буквально через сотню метров на ней могли появиться наплывы земли, и вскоре дорога вообще скрывалась в непролазном месиве кустов, лиан и даже деревьев. Прорубаться сквозь эти дебри приходилось передовой группе, а нам оставалось просто идти за ними. Наслушавшись всяких ужасов об этих местах, я первое время вздрагивала от каждого необычного звука, но вскоре освоилась и успокоилась. В принципе, во время путешествия с группой Мармука мы не раз проходили в подобных местах, разве что тогда лес был более светлым и чистым, если можно так сказать.

Прошли, наверное, километра три, и вдруг сзади раздались тревожные возгласы, и отряд сразу остановился. Пока я прислушивалась, пытаюсь понять причину, Холс уже торопливо шагнул назад. Один из солдат сидел на земле и, постанывая, баюкал левую руку, прижимая её к груди. Маг сразу, без разговоров, распорол ему рукав и внимательно осмотрел руку. Ни ран, ни крови, ни каких-либо повреждений не было, если не считать небольшого, безобидного на вид, пятна у запястья. Но маг так не считал — достал из своей сумки ремень и туго перетянул руку солдата выше локтя, заставил сделать несколько глотков из своей фляжки. Но солдату становилось всё хуже, его начала колотить дрожь. Холс резко тряхнул его за плечо.

— Успел заметить что-нибудь?

Голос солдата был слабым и невнятным.

— Что-то похожее на шмеля. Я его сразу стряхнул, но...

— Понятно...

Маг встал, постоял немного, разглядывая солдата, потом резко скомандовал:

— Двое крайних! Забирайте его и доставьте в крепость.

Раненого (или заболевшего?) солдата подняли, двое подхватили его под руки, и медленно, пошатываясь, повели назад.

Все молчали, провожая их взглядами.

Холс повернулся ко мне.

— Вот так и встречает Земля туманов. А ведь мы отошли от Круга всего ничего...

— А кто его укусил?

— А я откуда знаю? — зло огрызнулся Холс — Если бы это было в другом месте, можно было бы, даже с риском для жизни, разбираться, искать противоядие, способы защиты. А так... Может этот «шмель» появился здесь только вчера, а завтра его уже не будет. Одни боги ведают, какой силой обладает этот яд и как его нейтрализовать. Есть надежда, что раз солдат не умер сразу, то может и выкарабкается. Крепость недалеко, доставить его туда, если ещё чего не случится, могут быстро, и лекарь будет пробовать все известные противоядия. Или вылечит, или залечит. Как повезёт...

Холс оглядел мрачных солдат.

— Есть приказ, и кроме нас его никто не выполнит. Вперёд!

Маг раздал солдатам какую-то мазь, все старательно намазали открытые участки тела,

но и это не уберегло от новых несчастий. На одной из полян, где и трава-то всего по колено, снова раздался крик, и один из солдат упал. Когда подбежали к нему, увидела, что на его правом сапоге появилось две дырки, словно от огромного дырокола, и из них лилась кровь. Снова жгут, сапог разрезали, странные раны обработали, солдату дали обезболивающее. Снова вопрос: «Успел что-то заметить?», но солдат только отрицательно мотнул головой. Снова двое сопровождающих и медленно бредущие назад фигуры.

Я уже не стала спрашивать, что это было. Солдат не видел, остальные не заметили. Может какая-то змея, может ещё какая гадость. Но такое путешествие мне совершенно не нравилось — прошли каких-то десять километров, а отряд уже уменьшился на шесть человек (из них двое раненых). Если и дальше так пойдёт, то к вечеру может вообще никого в живых не останется. Теперь я начала понимать, почему мрачнеют лица солдат при одном упоминании об этих Землях...

Движение чуть замедлилось — все настороженно смотрели по сторонам. Вокруг Холса появилось легкое марево, но я решила, что так проявляется его защита (не дурак же он, чтобы после произошедшего не принять хоть какие-то меры безопасности).

Ещё километров пять, и снова встали — дорога проходила меж двух холмов, но земля вокруг словно шевелилась от множества змей, собравшихся здесь. Маг вышел вперёд и долго стоял, осматриваясь по сторонам. Потом неожиданно позвал меня.

— Натис, сможешь что-нибудь сделать?

— Что именно?

— В обход идти долго, и неизвестно, будет ли там безопасней. А с этими... — он снова посмотрел на шевелящуюся дорогу — Не хотелось бы тратить силы, выжигать и давить здесь всё вокруг. Дорогу расчистим, но как поведут себя оставшиеся змеи, какие силы мы ещё разбудим, кого привлечём — одним богам ведомо. Вот я и спрашиваю — ты можешь что-нибудь сделать?

Странная просьба-вопрос от боевого мага, но почему бы просто не попробовать?

Я осторожно коснулась сознанием этого кишашего месива, и меня захлестнула волна чужого счастья. Тут были десятки видов змей всех цветов и размеров — от мелочи чуть больше карандаша до многометровых гигантов. Но собрались они здесь не только ради «змеиной свадьбы», было что-то ещё. Несколько раз мне даже почудилось, что за мной самой тоже наблюдает некий непонятный, аморфный, но всё-таки способный мыслить коллективный разум. Было очень странное ощущение чужого присутствия, но вражды я не почувствовала. Здесь вообще никто о вражде не думал. Были и ядовитые змеи, но даже они могли укусить только если бы на них наступили. И вот это чудо, которое сейчас любило весь мир и радовалось жизни, жечь и давить? Скорее уж я сожгу и раздавлю Холса, если он решится на подобное. Не знаю как, но сожгу и раздавлю.

Я ещё немного повозмущалась предполагаемой несправедливостью, но нашу проблему это не решало. Холс не откажется от похода, и тут только два варианта — или идти в обход, или Холс начнет убивать. И тогда я решила попробовать повторить свою ночную придумку. Ощущения испуганного ребёнка запомнились, и я начала целенаправленно ныть — «Нам плохо, нам страшно, мы не хотим ничего плохого, нам нужно только пройти, и больше мы вас не побеспокоим...». Дымка появилась почти сразу и поплыла в разные стороны, но я мысленно постаралась собрать её в плотный кокон-веретено, прикрывающий отряд. Добавила жалобных ноток, и кокон стал плотнее, сделала несколько шагов, и змеи, которых коснулась дымка, начали медленно расползаться с дороги. Очень медленно, но освобождали

нам путь. Ещё несколько шагов, и снова подождать, пока нам уступят место.

В какой-то момент почувствовала, что тот странный, почудившийся мне разум забеспокоился, и заняла ещё сильнее: «Мы маленькие, мы всего боимся, мы хотим быстрее уйти, чтобы не беспокоить вас», ну и дальше в таком же духе. Если сравнивать количество, вес, объем этого сборища змей и нашего отряда, то я говорила чистую правду.

Вдруг у меня от страха буквально зашевелились волосы на голове — даже в тех местах, куда я ещё не дотянулась своей «дымкой», змеи стали расползаться, освобождая нам дорогу, словно кто-то дал им неслышную команду. Захотелось бежать отсюда очень быстро-быстро и далеко-далеко, но я сумела сдержаться. Несколько шагов вперёд, внимательно осмотреться, чтобы случайно не наступить даже на самую маленькую змейку, снова несколько шагов. Чужой разум по каким-то своим причинам решил помочь мне, и свободные отрезки пути становились всё больше, но я всё равно шагала очень медленно и осторожно. Мне поверили, и очень не хотелось обмануть чужое доверие...

Когда выбрались из прохода между холмами, и змеиное царство осталось далеко позади, я решила остановиться. Одежда — как после дождя, мокрая насквозь. Внутри — ощущение пересохшего колодца. Оглянулась, но и остальные были не лучше. Заметили, что я немного успокоилась, и тоже позволили себе расслабиться. Несколько человек даже опустили на землю, не в силах стоять после такого страшного напряжения.

Только теперь до меня дошло, что же мы сделали. Пройти сквозь месиво змей — и остаться живыми! Шли мы словно по тропинке, и буквально в нескольких шагах — тысячи и тысячи змей. Неосторожное движение, поступок, и всё это могло броситься на нас. Им даже не пришлось бы нас кусать, достаточно было завалить своими телами. Выбраться невозможно — на сотни метров всё то же месиво. От одной мысли о такой смерти становилось нехорошо.

Наверное, можно было гордиться собой, но особой своей заслуги в том, что нам удалось пройти, я не видела. Только и сделала, что поплакалась неведомому разуму, а уж он сделал всё остальное. В душе потеплело от благодарности к этому непонятному. Не доброму и не злему, просто совершенно другому. И оно оказалось благосклонно ко мне. Не удержавшись, повернулась в ту сторону, где последний раз почувствовала этот разум, подняла руки, словно жрец майя, обращающийся к солнцу, и постаралась молча, одними чувствами, не словами, выразить свою благодарность. И вдруг получила нечто непередаваемое в ответ. Немножко снисходительности, жалости, усмешки, всего понемногу. Но главным было мягкая доброжелательность. И чувство было настолько мощным, что сквозь меня словно задул свежий ветер, наполняя силами, уверенностью в себе. Несколько мгновений, и всё кончилось, но я почувствовала себя такой отдохнувшей, свежей, словно месяц провела на морском берегу.

Голос Холса вернул меня к реальности.

— Натис, чему ты улыбаешься?

— Чему? — действительно, чему? — Просто мне хорошо.

— После этого змеиного прохода?!

— Именно после него — я с трудом удержалась, чтобы не засмеяться в голос. Вряд ли он поверит, что неведомый разум вернул мне сил раз в десять больше, чем я истратила, пока упрашивала змей пропустить нас. Да и как объяснить другому свои ощущения? Я и слов таких не подберу.

— Ну что, идём дальше?

Холс оглянулся на солдат и под его взглядом они начали вставать и строиться в колонну. Повернувшись ко мне, Холс понизил голос.

— Натис, у тебя ещё есть силы, чтобы идти в голове отряда и прикрывать нас?

Силы меня переполняли, и я снова улыбнулась.

— Только пусть впереди идут солдаты и расчищают дорогу.

Пятерка солдат с местными мачете в руках выдвинулись вперёд, я за ними. За спиной без всяких команд пристроился Гман, дальше Холс со своей охраной и все остальные. Мне отдельную охрану не дали, и я даже немного обиделась (понарошку).

Начала настраиваться и поняла, что у меня не получается. Не получается ныть и прибедняться. То ли из-за сильного стресса, то ли из-за той силы, что подарил мне непонятный разум, но я перестала бояться окружающего мира, он стал понятным и почти родным. Здесь никто не желает мне зла. Могут и убить, и съесть, но только потому, что есть хочется, и кому-то придётся исполнять эту неприятную обязанность. Так уж устроен мир. И я — тоже часть этого мира, и я тоже не подарок, и тоже могу убивать. Но гордиться тут нечем, и убивать можно только в крайнем случае, чтобы защитить свою жизнь или не умереть с голоду. Очень простое и понятное правило.

Силы переполняли меня, но я не стала изображать из себя госпожу-владычицу — некрасиво это, да и надо соблюдать общее для всех правило, которое я только что поняла. И настраиваться я решила по-другому. Если в привычных словах, то получалось примерно так: «Идет много больших существ. Они никому не желают зла, но могут нечаянно причинить вред. А если кто нападёт, то и убьют. Надо уйти с их пути». Добавила ещё уверенности в своих силах, и дымка послушно заструилась вокруг тела. На этот раз она получилась с синеватым оттенком и вела себя совершенно по-другому — это была уверенная сила, которую лучше не злить. Я мысленно подправила форму, и дымка теперь напоминала комету — плотное удлинённое «ядро» накрыло меня и солдат, выступая метров на пятьдесят вперёд. Более разреженный и широкий «хвост» прикрывал остальную колонну (главное — расчистить путь, а остальным достаточно лишь защиты от случайного нападения). Постояла немного, прислушиваясь к ощущениям. «Посмотрела» вперёд и с радостью заметила, что живность освобождает дорогу довольно быстро. Не в страхе, нет, а так, на всякий случай. Если ещё и нападать не станут, когда мы будем проходить мимо, то и вообще прекрасно.

Я оглянулась на Холса.

— Я готова.

Тот кивнул.

— Идем по дороге. Вперёд!

Движение отряда теперь напоминало неторопливую прогулку. Я просматривала местность по ходу движения, дожидалась, пока живность уйдёт с нашей дороги, затем давала команду, и солдаты прорубались сквозь мешавшие заросли. Пройти с десятков шагов, остановиться, снова посмотреть, ещё десятков шагов. Очень напоминало движение за сапером, но, как говорится, «Саперы ходят медленно, но лучше их не обгонять». Несколько раз попало нечто непонятное, которому было наплевать и на мою «дымку», и на мои приказы, и я предпочла обойти их подальше.

В принципе, ничего трудного, разве что нудно, и много сил уходило следить за формой и положением моей дымки, чтобы она полностью накрывала отряд (даже когда он вынужденно растягивался в редкую цепочку). Примерно как тащить на себе большую резиновую лодку через густой кустарник — постоянно за что-то цепляешься, постоянно

мелкие тычки, старающиеся тебя развернуть, не пустить, но я понемногу приспособилась. Главное — не торопиться, делать мягко, по-женски, плавно. Тем более, что темп движения задавала я сама, и пока не была уверена, что всё нормально, остальные просто стояли и ждали команды. Разок даже мелькнула мысль — сильно ли меня матерят за такое «гуляние», но я тут же про неё забыла — слишком много необычного творилось вокруг.

Ожившая «Жизнь животных» Брэма, только в иномирном варианте. Чего здесь только не было — бегающего, ползущего, прыгающего, летающего. Смешное, страшное, милое. Сначала я пыталась присмотреться ко всем, но на это уходило много времени и сил, и вскоре я уже следила только за тем, чтобы живность не попала под ноги. А ещё через некоторое время обратила внимание, что кроме видимой окраски большинство имеют и странную, словно пульсирующую «ауру». Довольно быстро заподозрила, что это имеет какое-то отношение к опасности животного. Зелёный обычно соотносился с травоядными, желтый — мог быть у кого угодно, а красный — у откровенных хищников, змей и летающих (типа шмелей). Поставил в тупик перламутровый цвет некоторых странных существ. Кто они? Как к ним относиться и чего ждать? Никогда не интересовалась зоологией, но увидеть подобное и остаться равнодушной? Вот обустроюсь немного в этом мире, и обязательно познакомлюсь поближе с «перламутровыми»...

— Натис, нам надо вон к тем развалинам — раздался сзади голос Холса.

Я огляделась и заметила чуть в стороне небольшой каменный холм. Надо так надо. Аккуратно расчистила дорогу и вскоре уже стояли на верху холма. Почти голый, с остатками каких-то развалин.

— Опасных животных поблизости нет?

Я ещё раз огляделась по сторонам.

— Во всяком случае, я не вижу.

Холс обошел верхушку холма, раскладывая какие-то камешки через примерно равные промежутки, затем вернулся к нам и положил прямо под ноги ещё один, покрупнее. Что-то с ним сделал, и небо над нами на краткое мгновение вспыхнуло.

— Ну, что ж, теперь можно спокойно переночевать.

Переночевать?! О чем он? С трудом выбралась из своего полусонного состояния, глянула на небо и обомлела — солнце вот-вот должно было сесть за горизонт. Каких-то полчаса, и станет темно, хоть глаз выколи. Это что получается, я весь день вот так и брела, глядя только на дорогу? И если бы не остановили, так бы и шла дальше? А если бы никого рядом не было, то... О плохом думать не хотелось.

Встряхнулась, освобождаясь от остатков транса, и сразу навалились обычные человеческие проблемы — усталость, жажда, голод и... очень захотелось в туалет. Ну, раз здесь заночуем, можно и о себе подумать. Пошла к густым кустам у основания холма, и вдруг резкий голос мага.

— Стой, ты куда?

Я оглянулась.

— Что, трудно догадаться?

— Туда нельзя.

— А куда можно?

— Никуда. Я поставил защиту, и ты просто погибнешь, если попытаешься пересечь линию — он указал рукой на разложенные камни.

— И что теперь? Где прикажешь делать свои дела? У всех на виду?

Маг не стал ерничать. Облизал палец, поднял его вверх, словно заправский моряк определяя ветер, потом направился в подветренную сторону. Почти у самой линии защиты попался остаток стены с метр высотой. Маг зашел за него, протянул руки, и за стеной что-то вспыхнуло ярким огнём. Несколько секунд, и пламя исчезло.

Проходя мимо, маг не удержался от легкого ехидства.

— Твой личный туалет. Остальные уж так, по-простому... Главное — не присматривайся...

Понятное дело, у мужиков всё «по-простому». Отвернулся, штаны расстегнул и делай свои дела. Только вот защитный круг всего метров двести в диаметре, далеко не отойти, и если полсотни солдат решат сделать свои дела все сразу, то, как в анекдоте, холм точно поплывет...

А, ладно, это не моя проблема. Вернее, для меня увидеть такое *уже* не проблема. Зайдя за стенку, очень удивилась. Оказывается, маг за несколько секунд умудрился сделать почти настоящий туалет. Поверхность камня сгладилась, спеклась с песком и землёй, а в нужном месте образовалась отверстие чуть ли не метровой глубины. Если уж он вот так, запросто, творит подобные вещи, то что он может сделать в настоящем бою?! И я на него зарыпалась, хотела убить?! Странно, что он вообще не сравнял меня с землёй после первых же грубых слов. Скорее всего, у него какие-то особо хитрые, далеко идущие планы. Другого объяснения я пока не находила.

Когда вернулась, уже горело несколько костров. Большая часть солдат сидели, лежали, а несколько человек вместе с Холсом что-то рассматривали на земле чуть в стороне от лагеря. Заняться было нечем, и я решила посмотреть, что же они там нашли такого интересного. Подошла поближе, глянула, и с трудом сдержалась, чтобы не отшатнуться.

Ещё один кусок старой стены, в земле у основания довольно большая яма, а вокруг неё пять скелетов в самых разных позах. Истлевшая одежда едва прикрывала кости, оскалы черепов с остатками волос невольно вызывали очень нехорошие мысли о зомби и прочей чертовщине. Я уже считала себя достаточно закалённой, но зрелище всё равно не из приятных.

Холс покосился на меня, но я уже взяла себя в руки.

— Кто это?

Маг задумчиво посмотрел на скелеты.

— Судя по яме, лопатам и кайлу — скорее всего, кладоискатели.

— А почему они решили копать именно здесь? Почему умерли?

— Да кто ж теперь это узнает? Может, нашли какую-нибудь старую карту, может, решили копать на удачу. Ран нет, переломов нет, скелеты не растащили. Скорее всего, какой-то сильный яд. А может попались рою канхи.

— А это что такое?

— Мошки. Обычные мошки, питающиеся мясом. Только в отличие от остальных мошек, эти способны прокусывать кожу и выдирать кусочки мяса, по весу больше их самих. Иногда по непонятным причинам становятся очень агрессивными, объединяются в рои и нападают на всё живое, что встретится у них на пути. Они ещё и ядовиты, и после первой сотни укусов человек теряет сознание от болевого шока. Поэтому и убежать никто не может. Налетает рой, несколько мгновений, и человек падает. Ну а дальше... Большой рой может обглодать человека до костей за несколько минут.

Очень интересно и познавательно. Холсу надо сказки писать для чтения детям перед

сном. У него получится.

— Мы что, будем ночевать рядом с ними?

— А что такого? Это только кости. Мяса нет, запаха нет. Пусть лежат.

— Может хотя бы проверить их карманы? Вдруг найдём что-нибудь интересное?

— Ищи — безразлично пожал плечами маг — Всё что найдёшь — твоё.

Идея сразу перестала быть интересной. Вот если бы кто-нибудь другой обыскал, нашел, показал бы мне карту, прочел отметки... А самой шариться по карманам мертвецов... брр...

Маг внимательно наблюдал за мной.

— В Землях туманов кости можно найти в любом месте. Любого размера, вида, древности. Иногда *пришлые* и в самом деле попадают сюда с драгоценностями, оружием, артефактами, это и порождает слухи о несметных сокровищах, которые валяются здесь на каждом шагу. Но кладоискатели чаще всего находят здесь только это — маг кивнул на скелеты — Если хочешь, могу позвать солдат, они начнут копать в любом понравившемся тебе месте. Десяток костей вы обязательно найдёте. Ты только скажи.

— Да ладно, в другой раз.

— Натис, если тебе захочется украшений и драгоценностей, ты только скажи, и по возвращению в крепость получишь десяток коробок с этими побрякушками. Но если ты здесь что-то почувствовала, тебя что-то смущает, то скажи прямо.

Я прислушалась к своим ощущениям.

— Да вроде нет ничего.

— И ты рядом с этим «ничего» вдруг начинаешь говорить о кладах?

— Ну... Ты первый сказал, что они кладоискатели. Они никуда не ушли и возможно их карты или записи ещё целы и их можно прочитать... — я сама себя оборвала. Что я несу? Какая мне разница, кто и что здесь копал? Действительно, с чего вдруг я заинтересовалась кладами?

— Ладно, — маг не стал настаивать — если разберёмся с кругами и останемся живы, то может когда-нибудь и вернёмся проверить, что же тебя здесь заинтересовало. А теперь ужинать и отдыхать, день был тяжелый.

Еду уже приготовили и раздавали огромными порциями, видимо, совмещая пропущенный обед и ужин. Мне тоже наложили полную тарелку, но я сразу половину вернула — мне просто столько не съесть. Поискала глазами Гмана, но с ним было все в порядке — сидел вместе с остальными солдатами на равных и старательно уплетал кашу. Перекусив, решила поискать себе место для сна, но обо мне уже позаботились — приготовили постель из нескольких одеял рядом с одним из костров (молодцы, с наветренной стороны, с удовлетворением подумала я). Рядом лежала большая фляга с водой. Не помню, чтобы мы останавливались у какого-либо ручья или родника. Может вода с продуктами и была основным содержимым тяжелых рюкзаков? Разумно, если учитывать местную специфику — черт его знает, что будет плавать в местной воде. Но это же накладывает ограничение и на наше пребывание здесь. На сколько дней можно унести продуктов и воду? На пять, на десять? Если не уложимся, то жрать придётся... неизвестно что. Живности здесь море, но решится ли кто её есть? Большой вопрос. И один день уже прошел.

Я потихонечку прихлёбывала из фляги, напитывая себя влагой. Обычная вода, но действовала она на меня как крепкое вино — невыносимо потянуло спать. Отложила флягу, улеглась, и тут внимание привлекли многочисленные мелкие вспышки на небе. Не мерцание

звёзд, а именно многочисленные вспышки как от далекого бенгальского огня. Это было странно, непонятно, и пришлось снова *послушать* окружающий мир.

Причина вспышек оказалась банальной, но очень мне не понравилась. Холс не зря говорил про защитный пояс, но он промолчал, что это только нижняя граница большого купола, развернувшегося над нами. И сейчас над нами сгорали сотни и сотни комаров, мошек, бабочек. Я понимала, что купол нужен, что может прилететь (прийти, приползти) какая-нибудь гадость, да и сама видела, что может сделать с человеком «обычный» шмель. Но целый день я старательно защищала местную живность и нас друг от друга, и вдруг такое бессмысленное уничтожение ни в чем не повинных мошек!

Я даже не задумалась, что я делаю. На автомате создала новую «дымку» и накрыла купол сверху. Немного засомневалась — а вдруг этого будет недостаточно, и сделала дымку толстой, метров десять. Теперь уж точно никто не коснётся этого «защитного», а правильное сказать «убийственного» купола. Полюбовалась на небо, в котором теперь сверкали только звёзды, и, успокоенная, сразу уснула.

Удивительно, но сон был легким, и мне даже снилось что-то хорошее. И проснулась я только когда солнце начало светить прямо в глаза. Покрутилась, но яркий свет недвусмысленно намекал — пора вставать. Села, сонно огляделась и очень сильно удивилась — если верить собственным глазам и солнцу, то было уже часов десять. Солдаты на месте, но почему-то никто не бегал, не строился, не суетился. Почти все сидели и лежали, негромко переговариваясь. Костры погасли, и завтрак никто не готовил. Что за ерунда? Что за бардак? Они что, решили здесь пикник устроить? Где Холс?

Торопливо умывшись из фляжки, подошла к остальным, но никто и не подумал встать или что-то сделать. Меня провожали взглядами, но этим всё и ограничивалось. Я уже начала нервничать, не понимая, что происходит, но тут подошел Холс. Критически оглядел меня.

— Ну, выпалась?

— Выпалась. Что происходит?

— Что именно?

— Почему все сидят и ничего не делают? Времени уже много, а...

— Ждём, пока ты выспишься.

— *Что?!*

— Ждём, пока ты выспишься — повторил Холс — Ты у нас сейчас главная защитница, и от *твоего* самочувствия и настроения зависят *наши* жизни. Поэтому я и решил, что бодрая и отдохнувшая ты нам гораздо полезнее. Остальные уже поели, но ты не суетись — любой солдат предпочтет подождать лишней час, но вернуться домой живым.

Холс отошел, а я осталась стоять дура-дурой. Пятьдесят вооруженных мужиков терпеливо ждут пока я *высплюсь?!* Если считать это карьерой, то она у меня головокружительная. Но если уж быть честной, то — я всего лишь оказалась в нужном месте в нужное время. Как только вернёмся в крепость, я из защитницы снова превращусь в непонятную опасность, от которой желательно побыстрее избавиться. Но это потом, если вернёмся живыми, а сейчас надо хоть немного отрабатывать доверие простых солдат и продукты, которые на меня тратят.

Улыбнувшись таким мыслям, уселась к ближайшему кострищу, и мне тут же подали тарелку с горячей кашей (видимо держали на углях). Уплетая эту вкуснятину, исподтишка оглядела солдат и осталась довольна — собранные, настороженные, в ожидании, но нет той мрачности, как вчера. Люди отправляются на тяжелую, опасную работу, но без

обреченности и мыслей о неминуемой смерти. В этом есть немножко и моей заслуги, значит и я не совсем зря живу на этом свете.

С удовольствием выпила отвар с добавками сладких ягод и встала. Оглянулась по сторонам — все смотрят на меня.

— Я готова, можно идти.

Теперь все взгляды на Холса. Тот кивнул.

— В походную колонну, стройся!

Пара минут ушло на сборы, даи чего там собирать? Встать, прихватить оружие, надеть рюкзаки. Вот и всё. Я осталась на месте, ожидая, пока солдаты построятся, но они решили по-другому — начали строиться «от меня». Пятерка с мачете с одной стороны, Гман, Холс и остальные — с другой.

Холс махнул рукой, указывая направление.

— Возвращаемся на старую дорогу и идем в глубь Земель.

Я кивнула, постояла, настраиваясь, и тоже скомандовала:

— Вперёд!

Наверное, Холс был прав, позволив мне выспаться и отдохнуть. Во всяком случае, сегодня дорога показалась мне лёгкой, всё получалось само собой. Смотреть, слушать, нести над отрядом «дымку» защиты. Теперь я больше внимания обращала на живность, которая мне почему-то не нравилась или не желала уходить. Этих я отгоняла очень старательно. Стало больше крупных животных, но с ними оказалось даже проще. Как-то к дороге вышло нечто вроде рогатого бегемота, но я шутливо пригрозила ему пальцем, и он так и простоял, тупо рассматривая проходящих мимо людей.

Мы шли уже часа четыре (с небольшими привалами), как вдруг я уперлась в пустоту. Внешне всё было по-прежнему — джунгли во всей красе, но они стали мертвыми, пустыми. Я стояла так долго, пытаюсь разобраться в своих ощущениях, что Холс не выдержал и подошел ко мне.

— Натис, что случилось?

— Не знаю. Но лес впереди пустой, я ничего не вижу. Ни единого животного.

— Не видишь или их там нет?

— *Не вижу!*

Холс не стал ругаться и попрекать, а тоже замер, прислушиваясь к лесу уже как-то по-своему.

— Нам повезло — мы чуть не вошли в проклятый круг. А ещё больше повезло, что он закрылся дней десять назад — животные исчезли, и птиц немного, они только начали прилетать сюда — Холс помолчал — Что будем делать? Пойдём по дороге, сквозь круг, или лучше обойти его стороной? Потеряем много времени, но так будет надежнее.

— А я откуда могу знать? Я про эти круги только от тебя узнала.

— Но ты хоть что-то чувствуешь? Опасность, тревогу? Хоть что-то?

Я снова прислушалась к лесу.

— Ничего. Только пустоту.

— Ну что ж, в данный момент и это хорошо — он оглядел солдат — Значит так. Идём через закрывшийся проклятый круг. На всякий случай пойдём цепочкой, дистанция между людьми метров по двадцать. Если кто-то заметит туман, хотя бы намек на него, сразу остановимся и пойдём другой дорогой. Всё ясно? Тогда вперёд.

Солдаты замаялись, отводя взгляды. Никто не хотел быть первым, и Холс это прекрасно

ПОНЯЛ.

— Натис что, идти одной?

Солдаты смутились ещё больше, но один все-таки не удержался.

— А может и в самом деле так лучше? Уж она-то увидит и учует несравнимо больше, чем любой из нас. А уж мы за ней.

Не очень приятно, что крайней оказалась я, но меня вдруг словно обожгло — а ведь это бесплатная возможность попасть в другой мир! Неизвестно в какой, но другой! И если мне станет совсем плохо, я могу снова прийти сюда, найти «работающий» круг, и снова изменить свою жизнь! Не знаю, какой она будет в другом, новом мире, но если меня очень уж прижмёт в этом мире, то и выбора особого не будет. Вернее, выбор будет между умереть сразу или чуть попозже. Уже с новым, «корыстным» интересом я стала проверять окружающие джунгли. Обшаривала каждый кустик, выискивая хоть что-то необычное, что подскажет, как находить этот самый «проклятый» круг, но везде было только одно — пустота. Может это и есть самый главный признак?

Из транса меня вырвал голос Холса.

— Натис, Натис, что случилось?

Лицо обеспокоенное, с чего вдруг? Наверное, уже должен привыкнуть к моим странностям.

— Ничего. Всё в порядке. Хотела проверить более тщательно, вот и задумалась — смотрели на меня настороженно, и я улыбнулась, чувствуя свое маленькое превосходство. Ведь они не понимают, что другой мир — это совсем не страшно. Другая страна, другой город — это тоже другой мир. Гораздо важнее, кто будет с тобой рядом.

— Я не против идти первой Но всё равно мне будет нужен хотя бы один человек, чтобы прорубать дорогу.

Я думала, что теперь-то хоть один смелый найдётся, но солдаты по-прежнему отводили взгляды. Они что считают, что я этого «первого» буду использовать в роли пробника — исчезнет — не исчезнет? Мне что, уговаривать их? Кому это путешествие нужно — мне или им? Я чуть отступила назад.

— Я готова. Остальное решайте сами.

После некоторого молчания Холс обвел солдатом взглядом.

— Доброволец есть?

Добровольцев по-прежнему не было, все отводили взгляды. Будет приказ — пойдут, а самому лезть вперёд никто не торопился. Молчание затягивалось, и мне совсем не хотелось, чтобы меня возненавидел тот, кого назначит Холс.

— Гман, возьми мачете, пойдём первыми.

Солдат из передовой группы немного растерялся, когда Гман протянул руку за мачете, но отдал беспрекословно. Я оглянулась на смущённых мужчин, бросила: «Догоняйте», и пошла вперед, прислушиваясь к пустоте.

Переход через проклятый круг оказался на удивление лёгким. Дорога лишь изредка перекрывалась кустарником, и Гман без труда (с его-то силушкой) прорубался сквозь заросли. Лес вокруг выглядел стерильным, и я не стала заморачиваться с защитой растянувшегося длинной цепочкой отряда. Не от кого было защищать. Солдаты осторожничали и держали дистанцию максимальной, только чтобы не потерять друг друга из вида. Может и правильно. Холс сказал, что круг закрылся, я ничего не ощущала, но мало ли. «Уйти в туман» — здесь это было совсем не образным выражением.

Видимо, Холс не хуже меня мог отслеживать живность — как только мы выбрались из круга и вокруг вновь появились опасные создания, отряд за несколько минут снова стянулся в плотную группу. Сделали небольшой привал, перекусили всухомятку лепёшками и сушеными фруктами. Солдат из передовой группы немного ревниво забрал мачете у Гмана и сам встал впереди. Снова можно двигаться, но я начала сомневаться.

Подошла к Холсу, и тот сразу насторожился.

— Что?

— Ты вообще знаешь, куда мы идём и что ищем? Как долго мы будем идти?

— Устала? — Холс почти заботливо глядел на меня.

— Дело не в этом. Я не понимаю, что мы делаем. Как мы поймём, что нашли то, что надо?

— Поймешь, Натис, поймешь и ни с чем не спутаешь. Но лучше бы мы ничего не нашли... — Холс помрачнел — Ладно, как отдохнешь, сразу двинем дальше.

Снова дорога, но через пару часов я обратила внимание на беспокойство Гмана. Тот приняхивался как собака, и вдруг подошел ко мне.

— Госпожа Натис, где-то впереди смерть!

— Смерть?

— Пахнет смертью!

Я тоже начала приняхиваться, но ничего не почувствовала. Решила, что ему мерещится, но прошли ещё пару километров, ветерок чуть сменился, и в нос ударил смрад гниющей падали. После тех дней на свалке я его уже ни с чем не спутаю. Идти вперёд сразу расхотелось. Остановилась, не зная что делать. Подошедший Холс не стал задавать привычное «Что случилось?» Тоже остановился, долго приняхивался.

— Теперь понимаешь, почему это ни с чем не спутать?

— Там... круг?!

— Есть слабая надежда, что это какая-нибудь эпидемия.

— Надежда?! Но ведь зараза может распространиться!

— Это будет гораздо меньшее зло.

Теперь мы двигались гораздо медленнее. И страшно было, и животных вокруг становилось всё больше, причем многие были с «опасной» окраской. Правда, вскоре поняла, что люди их совершенно не интересовали — большинство из хищников еле передвигались с отвисшими животами. Смрад становился всё более тяжелым, и приходилось дышать ртом, заткнув нос листьями.

Джунгли словно специально раздвинулись, давая возможность «насладиться» невероятным зрелищем. Огромная поле больше километра в диаметре была засыпано... рыбой. Я ожидала чего угодно, только не этого. Откуда здесь рыба, да ещё и в таких количествах?! Края этого рыбного моря чернели от хищников и падальщиков, воздух буквально гудел от несметных полчищ мух.

Наконец я смогла говорить.

— Но... рыба-то здесь почему?

— Проклятому кругу безразлично, что хватать, лишь бы живое — откликнулся Холс — Откроется в лесу — тащит животных, накроет реку или озеро — будет тащить рыбу и что попадет. Бывает, что и всех червей из земли вытаскивает. Плохо не то, что рыбы много, а то, что круг продолжает работать. Видишь — нижний слой рыбы уже протух, а сверху много ещё живой, даже хвостами бьёт.

Словно в подтверждение его слов над поляной словно ниоткуда начался дождь из живой рыбы. Мы как замороженные следили за этим чудом, но через несколько минут всё кончилось, и только бьющаяся рыба подтверждала, что нам это не приснилось.

— Поймал новую стаю в реке?

— Может быть. А может добрался до следующего озера. Кто знает? Гораздо хуже вон то

— Холс указал на многочисленные черные точки на серебристой поверхности рыбного моря.

— И что это?

— Животные, Натис, животные. И многие ещё живы, но не могут выбраться.

— И что?

— Слишком много. Представь, какой огромный участок леса надо накрыть, чтобы собрать столько животных? Ладно, не будем гадать. Пройдемся вдоль края, попробуем найти ещё что-нибудь. Для нас гораздо важнее найти людей — это снимет все сомнения.

Мы двинулись вдоль края, обходя особо большие группы хищников, пирующих над телами крупных животных. Не прошли и километра, как наткнулись на десяток мертвых существ, очень похожих на Гмана. Тот осмотрел трупы, но ничего не сказал, только горько вздохнул. То, что они — из его племени, можно было уже не спрашивать.

Прошли ещё немного, и наткнулись на человекообразного с совершенно голым черепом, по которому от переносицы до затылка шел небольшой костяной валик. Горло разорвано каким-то хищником, но есть его не стали. Увидев это странное существо, Гман странно охнул.

Я почему-то подумала, что он нашел своего знакомого.

— Гман, ты его знаешь?

— Это... Это... Тирм!

— Это его имя или что?

— Так называют его народ. И их земли начинаются в десяти днях от наших.

Я сама чуть не охнула — Гман попался в двух днях пути от того места, где в первый раз обнаружил проклятый круг, а этот тирм — в десяти. Значит проклятый круг продолжает расширяться... Скорее всего, и остальные родичи Гмана уже где-то здесь, или будут перенесены ближайšie дни, а может и часы.

Я коротко пересказала Холсу слова Гмана, но тот остался спокоен. Похоже, он уже смирился с неминуемым, и новые подробности теперь ничего не меняли.

— Всё, больше нам здесь делать нечего. Уходим.

Ещё год назад я бы, наверное, подумала, что надо остаться, попытаться спасти беспомощных *пришлых*, но... Сегодня я увидела слишком много. Одного, десяток мы ещё можем взять с собой, но каждая минута задержки здесь могла обернуться смертью уже для нашего отряда, и... я ничего не сказала.

После проклятого круга обратную дорогу можно было бы сравнить с лёгкой прогулкой. Возвращались мы тем же путем, пробиваться сквозь заросли больше не надо. Защиту уже автоматически, почти не задумываясь, и мы просто шли, шли, шли...

Ни единого слова сверх необходимого. Ладно я, женщина, впечатлительная от природы, но и солдаты, не болтливые и до этого, теперь вообще почти не разговаривали между собой. Мрачные, задумчивые. Я узнала о сути кругов всего несколько дней назад, а их, наверное, этими кругами пугали с детства. И теперь они собственными глазами увидели начало конца своего привычного мира. Не знаю, присвоила ли какая местная религия монополию на этот

ужас, но теперь, наверное, каждый решал — что делать дальше. Каяться в грехах, бежать, сражаться до последнего?

А что теперь делать мне? Бежать? Куда? И что это даст, если и в самом деле начнётся настоящее нашествие и захлестнёт весь этот мир? Сражаться? За кого и почему? Этот мир чужой для меня, и если я кого и пожалею, то только потому, что... просто пожалею. Сбежать в другой мир, пока не поздно? Уйти в джунгли, бродить там, в надежде наткнуться на новый проклятый круг? И сколько я так буду бродить? А в это время вокруг меня... Перед глазами возникло зрелище мертвых тел, нос словно снова наполнился смрадом гниющих тел, и я сразу переставила этот вариант в самый конец списка возможных решений. Как самый крайний вариант.

Земли Туманов не стали нас удерживать, и ничего «интересного» с нами больше не случилось. Заночевали на том же холме, что и в первый раз, но у меня даже не мелькнуло мысли обыскать останки кладоискателей. Подумаешь, какие-то кости. Скоро вокруг их будет... по колено и выше.

И Змеиный проход оказался свободным. Я попыталась найти хоть какие-то следы, даже прикладывала руки к камням, но не почувствовала ни малейшего отклика, словно общение с непонятым разумом было всего лишь моей фантазией. Такой доброй и хорошей по сравнению с тем, что нас ожидало очень скоро...

Вид крепости тоже радовал недолго. Высокие стены обещали защиту, покой, горячую еду, много воды и мягкую постель, но стоило увидеть часовых у ворот, и мечты сразу рассеялись. Вздохнув, повернула к своей палатке, так и стоящей у края леса. Солдаты, всю дорогу шедшие за мной, послушным хвостиком потянулись следом. Когда подошли к палатке, и я со вздохом облегчения уселась на землю, Холс задал свой любимый вопрос:

— Натис, что случилось?

— У ворот часовые. Гмана в крепость не пустят, и теперь это будет правильно. А одного я его не брошу, поэтому останусь здесь.

— Если он сдаст оружие, то его поместят в карантин, и никто не тронет. Да и вопросов к нему теперь очень много.

— Зачем мучить друг друга подозрениями? Лучше уж мы останемся здесь, а в гости тут идти совсем недалеко.

Холс ненадолго задумался, оглянулся на крепость, словно прикидывал расстояние, затем повернулся к обступившим нас солдатам.

— Оставить Натис всю воду. Продуктов на пару дней и четыре одеяла — солдаты переглянулись, но приказ выполнили молча — Вперед!

Пятнадцать минут, и отряд уже скрылся в крепости.

Я постояла ещё немного, но вокруг были только привычные звуки джунглей. Надо жить дальше. Хотя, что для меня «дальше»? Сколько я ни пурхаюсь, но моё нынешнее положение нисколько не лучше, чем в первый день, когда я попала в этот мир. Разве что иллюзий изрядно поубавилось. Ни кола, ни двора, ни надежд хоть на какое-то улучшение в будущем. Ученица мага? Пустой звук, да и нужна я Холсу только на время и для выполнения конкретных задач. Вот и сейчас — попользовался во время похода в Земли Туманов и бросил, оставив еды на пару дней. Ооочень щедрая оплата...

Внутри заплескалась обида, но я себя одернула — по-бабски это. Сама же поставила невыполнимое условие разрешить Гману гулять по крепости с оружием, и сама же обижаюсь. На что? Холс поступил как и должен был, сейчас не до сантиментов и

сюсюканий. Гман за всё время не дал ни единого повода подозревать его в чем-либо, но вскоре сюда могут прийти его сородичи, и никто не даст гарантии, что он будет смотреть на происходящее спокойно и непредвзято. А запустить его в крепость как возможного шпиона, да ещё и с оружием — на такое даже я бы теперь не рискнула. Что уж говорить о людях, по долгу службы обязанных относиться с подозрением к *любому* пришлому, вышедшему из леса. Так что всё правильно.

Одежда вызывала отвращение своим запахом. К запаху пота, дыма костров, грязи я давно привыкла, но теперь мне везде начал мерещиться смрад мертвых тел. Отвратительный, страшный, он почему-то становился всё сильнее и словно лип к телу, обволакивая меня со всех сторон. Помыться, срочно, прямо сейчас.

Солдаты оставили нам целых пять контейнеров для воды. Контейнеры — это я уже сама придумала, так как не удосужилась узнать правильное местное название. Бурдюк (или мешок) из гладкой кожи, емкостью, наверное, ведра на три. Таскали их в некоем подобии станкового рюкзака с оплёткой. На жаре, в коже, вода быстро приобретала специфический вкус. Пить, за неимением лучшего, можно, и в походе для нас она была спасением, но теперь я не собиралась её экономить. Осталось только придумать, как эту тяжесть (контейнер) поднять и вылить на себя. Я невольно посмотрела на Гмана — для него это было бы запросто. Но как я буду мыться при нём? Сказать, чтобы закрыл глаза и не смотрел?

В душе вдруг плеснуло раздражение — о чем я беспокоюсь? У Гмана у самого из одежды только пояс-юбочка и мокасины, и если климат в его мире похож на африканский, то вряд ли их женщины озабочены ношением лифчиков и прочих женских атрибутов. Судя по всему, Гман уже взрослый мужик и многое повидал. Что я, шмакодявка и «уродина», могу показать такого, чего он ещё не видел? Худые как спички руки и ноги? Выступающие ребра? Да и если вспомнить нашу историю, госпожа обычно не очень стеснялась своих слуг, и уж тем более рабов. А Гман для меня почти... Короче, я для него — госпожа.

Решившись, приказала:

— Гман, возьми воду, поможешь мне помыться.

Отошла за палатку, быстро разделась, отбросив одежду в сторону. Будет возможность — постираю, а нет, так просто выкину. Непонятно почему, но у меня появилось стойкое отвращение к этой, очень удобной, форме. Неужели всё дело в запахе?

Оглянулась, и поняла, что за палатку я спряталась, но все равно как на ладони для часовых на стенах крепости, и парочка уже вроде заинтересовалась предстоящим зрелищем. Да и пусть любуются, плевать.

Гман и на приказ, и на вид моего голого тела отреагировал совершенно спокойно, словно это было в порядке вещей.

— Подними повыше и лей.

Вода полилась ровной струёй, и я сразу забыла о всяких глупостях вроде стыда и чужого любопытства. Теперь самым важным стала вода, смывающая с меня пот, грязь и запах чужой смерти. Гман вылил на меня уже два контейнера, а я всё стояла, не шевелясь, прислушиваясь только к своим ощущениям. Понадобилось ещё два, чтобы я немного пришла в себя, потеряла тело ладонями и сочла, что и так сойдет. Вроде такая ерунда — струящаяся по телу вода, но мне словно стало легче дышать.

Постояла, обсыхая на ветерочке, и тут только задумалась — а в чём же мне теперь ходить? Делать юбочку и лифчик из травы и листьев? Огляделась по сторонам, и решила проблему просто — взяла одно из одеял, распорол ножом середину и надела его через

голову, как мексиканское пончо. Чтобы не светить голым телом, подпоясалась своим ремнём и решила, что и так сойдёт. Вид, наверное, как у пугала — просторная накидка, перетянутая в поясе, диадема с огромным камнем, кинжал и босые ноги. Плевать. Всё это такая мелочь...

Уселась лицом к крепости и приготовилась ждать. Чего? Не знаю. Какого-то знака, который подскажет, что делать дальше. Строить планы? Смешно. Даже Холс сказал, что мы — лишь пыль на ветру. И кто знает, в какую сторону ветер бросит меня на этот раз...

Барон Мик уже ждал у ворот. Коротко кивнул Холсу.

— Я получил твой сигнал и отправил сообщение дальше, в столицу. Это и правда началось?

— Началось. Как и рассказывается в легендах, и даже хуже. Везде смерть и смрад. Нашли труп разумного, обитавшего в десяти днях пути от того места, где Гман обнаружил проклятый круг в первый раз. Выводы делай сам. А ещё хуже, что мы обнаружили выход проклятого круга всего в двух днях пути от нас.

Мик мрачно кивнул.

— Неделя, другая, и они точно будут здесь.

— Скорее всего. Надо срочно запастись водой, продовольствием, вызывать войска. Теперь каждый человек будет на счету.

Мик проводил взглядом проходивших мимо солдат.

— Потери большие?

— Двое раненых утром первого дня, я отправил их назад. Они дошли?

— Дошли, с ними всё в порядке. Пару дней повалились в лихорадке, теперь идут на поправку. А ещё сколько потерял?

— Всё. Дальше шли без потерь.

— Всё?! За четыре дня, побывав у проклятого круга?!

— Заслуга Натис — она изобрела какое-то особое поле, отводящее животных, и мы шли почти как по обычному лесу. Сначала это было очень простое поле, но с каждым днём Натис добавляла туда всё новые элементы, и сейчас это уже нечто сверхсложное, позволяющее выборочно отгонять животных, а может и людей. Думаю, скоро против её желания никто не сможет приблизиться к ней, разве что очень сильные маги.

— А ты?

— Пока ещё смогу. Что будет через неделю — не знаю.

— И если ей вдруг захочется войти в крепость...

— Не начинай — поморщился Холс — Она имеет полное право входить и выходить из крепости в любое время суток как моя ученица. Но она сама отказалась, так как считает запрет на вход *пришлого* с оружием — *правильным*. Решила, что ответственна за Гмана, и по каким-то своим мотивам считает важным сохранить его свободу и право носить оружие. И в этом я с ней почти согласен — если переговоры с *пришлыми* всё-таки состоятся, то это может стать хорошим примером.

— Примером чего? Что можно свободно ходить с оружием и плевать на наши правила?

Холс укоризненно вздохнул.

— Примером того, что с нами можно иметь дело без недоверия и подозрений. Это дорогого стоит.

— А если им так понравится отношение к ним Натис, что они *все* решат признать её власть и стать её армией? Что ты на это скажешь?

— Скажу, что ты придумываешь самые невероятные варианты. Зачем это Натис? Зачем это *пришлым*?! Ладно, пойду, приведу себя в порядок, а через час встретимся.

— Хорошо, я прикажу приготовить ужин, за ним и поговорим.

Когда маг, умытый, посвежевший, в чистой одежде, зашел к Мику, стол уже был накрыт. Белая скатерть, несколько мясных блюд, и как маленькая награда — графин с охлажденным вином. Хозяин не стал дожидаться прихода гостя, и уже неторопливо потягивал вино из высокого бокала. Молча указал рукой, чтобы гость не стеснялся, и снова пригубил вино.

Маг и не думал стесняться. Они с бароном были знакомы очень давно, прекрасно знали привычки и слабости друг-друга. В присутствии посторонних маг всегда держался сдержанно, подчеркивая, что главный из них — Мик. А вот так, наедине, мог и поспорить, и вставить крепкое словцо. Но когда дело касалось принятия окончательного решения, всегда оставлял это право барону. Не потому, что считал его умнее себя, более осведомленным или способным составить более удачный план. Но он сам был из семьи военного, и с детства отец вбил ему в голову — хуже нет, когда в армии начинается разброд и шатание. Командир может быть тысячу раз неправ, но единоначалие должно быть соблюдено, иначе последствия бунта будут гораздо хуже. И лучше надеяться, что командир всё-таки окажется прав. Поэтому маг и вел себя соответствующе — мягко и ненавязчиво подводил к нужному решению, но если барон решал по-другому, никогда не настаивал и не пытался действовать исподтишка. В конце концов, он всего лишь маг, а Миг — начальник крепости. И ответственность у них тоже разная.

Запахи блюд манили, но он предпочел налить вина. Отпил несколько глотков, замер, наслаждаясь ароматом, и, не дожидаясь вопросов, начал рассказывать. Спокойно, со множеством деталей. Даже то, как менялось настроение солдат после каждого, даже мелкого, случая.

Барон слушал внимательно, но, судя по уточняющим вопросам, его больше интересовали конкретные цифры — рост, вес, размер, количество, предполагаемая опасность. Когда маг замолчал, долго сидел задумавшись.

Наконец, встряхнулся.

— Очень не хочется соглашаться, но придётся. Другого объяснения увиденному тобой у меня нет — он помолчал, и вдруг, не сдержавшись, матюгнулся — Хмардаго! Лучше бы оправдались мои первые подозрения!

— Какие именно? — чуть усмехнулся маг.

Мик заметил усмешку и насупился.

— Я тебе уже говорил. Что появление Натис, обнаружение Гмана — всёго лишь способ отвлечь внимание, оттянуть войска из столицы и подготовить условия для переворота или вторжение кого-то из наших соседей.

— Ты же знаешь, что это только твои фантазии — усмехнулся маг — Орден Хранителей никогда не допустит подобного.

— Ты же знаешь, что это только твои фантазии — передразнил его барон — Хранителей вырезали ещё двести лет назад, при короле Канха Третьем. Неужели ты об этом не знаешь?

— Да знаю — отмахнулся маг — Залили страну кровью, чтобы никто не мешал королю творить черные дела. Всех, кого знали, уничтожили до седьмого колена, но это ничего не значит. Официально Орден исчез, а неофициально... Больно уж быстро король умер, а его наследник принёс извинения за кровопролитие и даже пообещал, что отныне именно короли

будут следить, чтобы не разгорелась новая война между государствами, охраняющими Земли туманов. И даже вечный договор заключен.

— Договор есть, но мало ли было предательств?

— Были — согласился маг — Только все, кто мог по-настоящему повлиять на политику, очень быстро и очень странно умирали. Кроме как деятельностью Ордена хранителей, ведущих работу тайно, я череду смертей, периодически обрушивающихся на отдельные страны, объяснить не могу.

Барон нахмурился и долго молчал.

— Как бы то ни было, но я отправил депешу голубиной почтой, и почему-то в столице очень заинтересовались моими подозрениями. Ответ пришел уже на следующий день, и строгий приказ — не спускать с Натис глаз. Но вы уже ушли, а теперь приказ теряет всякий смысл. И ещё. Сюда направлен маг с особыми полномочиями. Причем, следователь — маг. Наверное, в столице знают что-то ещё, раз направили не обычного человека.

— Обычному человеку с Натис разговаривать бесполезно — маг чуть усмехнулся — Достаточно повысить голос, начать угрожать, и я не дам за жизнь такого человека даже мелкой монетки. Да и скажет она только то, что захочет сама.

— Не пугай меня, нам ведь тоже надо поговорить с ней и с Гманом о мире, из которого он попал сюда. Численность, вооружение, тактика, боевые приёмы. Теперь что, каждое её слово ставить под сомнение?

— Ну почему же — улыбнулся маг — Соблюдай несколько простых правил, и всё будет нормально. Первое — забудь, что ты начальник крепости. Второе — забудь свои замашки, командный голос и приказной тон. Разговаривай как обычный человек, беспокоящийся за жизнь людей.

— Это так и есть.

— Верю. Но ты беспокоишься о своих, а перед Натис равны все. Даже змеи, которых она «попросила» пропустить нас. Я слышал только отголоски их разговора, но это было нечто... — маг мечтательно прикрыл глаза — Вот если Натис поверит, что тебе эти сведения нужны не для убийств, а для того, чтобы предотвратить их, тогда она расскажет все, что знает сама и что знает Гман.

— Ты же знаешь, что это неправда. Если потребуется, я буду убивать без всякого сожаления.

— А ты попробуй представить, что убивать совсем не обязательно, что надо сделать всё возможное, чтобы избежать этого. Я сам после общения с Натис иногда начинаю сомневаться — когда убийство оправдано, а когда считать его преступлением. Ладно, начнем разговор, а там будет видно — маг глянул в окно — Скоро начнет темнеть. Думаю, надо сходить поговорить с Натис прямо сейчас, чтобы не провести ночь в бесплодном беспокойстве.

— А после разговора с Натис мы сразу успокоимся?

— Во всяком случае, у нас появятся хоть что-то конкретное.

Мага и барона я заметила сразу, как только они вышли из ворот крепости. Шли не торопясь, как на прогулке, но я сразу почувствовала напряжение в их движениях, и чем ближе они подходили, тем сильнее это чувствовалось. Чего они боялись? Меня? Или предстоящего разговора?

Мужчины подошли совсем близко, но я и не подумала встать. И усталость от похода сказывалась, да и какой смысл? Я не прислуга, чтобы юлить перед начальством. Маг с

бароном потоптались, но всё-таки тоже уселись на землю передо мной. Минута разглядывания, затем Холс решил начать разговор. Кивнул на моё «пончо».

— Если одежда порвалась, то в крепости есть несколько комнат-гардеробных. Можешь прийти в любой момент и выбрать что пожелаешь.

Я только вздохнула.

— Нет настроения, как-нибудь потом.

— Ни у кого сейчас нет настроения, — согласился маг — но нам как можно скорее нужны сведения о мире, из которого пришел Гман.

— Так спрашивайте, я не запрещаю.

Маг чуть замялся.

— Мы не понимаем его, и нам нужен переводчик.

Я с подозрением поглядела на него — он что, шутит? За последнее время Гман сделал большие успехи и начал говорить чисто, громко, и я легко разбирала его слова чуть ли не за сотню метров. И вдруг кто-то его не понимает? Но маг смотрел чуть напряжённо, словно боялся услышать отказ, и я засомневалась. Как же так? Почему? Неужели это всё мои способности? Честно говоря, последнее время я вообще не задумывалась, с кем и *как* говорю. Просто разговаривала и всё. И вдруг выясняется, что для остальных это как раз непросто. Кстати, Холс подсказал очень хорошую идею — теперь в любом месте я могу предлагать услуги переводчика. Читать не смогу, а вот обеспечить разговор — запросто. Хоть какой-то кусок хлеба у меня теперь будет.

Не оглядываясь, сказала Гману, уже привычно стоящему за моей спиной:

— Гман, сядь рядом. Начальники будут спрашивать о твоём мире, и тебе нужно рассказать всё что знаешь- я чуть засомневалась — И не пытайся обманывать — маг может это почувствовать. Не знаю, помогут ли ответы твоему народу или навредят, так что решай сам. Я буду только переводить.

Гман отреагировал спокойно, словно давно ожидал чего-то подобного.

— Пусть спрашивают.

Я повторила вслед за ним:

— Спрашивайте.

Мик начал с совершенно идиотского вопроса:

— Как называется твой мир?

Как человек может знать название своего мира, если не общается с иномирными? Я вот знаю, что нашу планету мы называем Земля, а вот как называется наш мир? Тоже Земля? Да и какая разница, если ни Гман, ни я никогда не вернёмся в свои родные миры? И что это даст Мику? Разве что раньше сюда уже проваливались из мира Гмана, и Мик может сравнить показания.

Гман ответил почти как я и думала:

— Я не знаю. Наш народ говорит «наш мир» и всё.

— Как вы называете себя?

— Сунху.

— Вас много?

— Точно не знаю, но тысяч семьдесят, наверное есть.

— Чем занимаетесь?

— Охота, рыбалка, пашем землю. Чем ещё можно заниматься у края леса?

— Часто воюете?

— Нет. Мужчины иногда повздорят между собой, но мы не воюем.

— Ты пришел сюда с копьем. Это не копье охотника.

Гман чуть напрягся.

— Я собирался на крупного зверя, с этим удобнее.

— Это копье война.

Гман снова помялся.

— Мужчины нашего племени большие и сильные, и когда нужны деньги, мы нанимаемся в охрану или в армию к нашим соседям — тирма.

— Это те, с валиком на голове?

— Да.

— Их много?

— Не знаю. Но по рассказам, нужно ехать больше месяца, чтобы пересечь всю страну.

— Долго ехать можно и по пустыне — чуть сердито сказал Мик — Города у них есть?

— Я был в пяти больших. Во всяком случае, стены у них выше, чем у вашей крепости — барон и маг резко переглянулись.

— Чем они занимаются?

— Всем — коротко ответил Гман — Свое копье я получил от них.

Мик сразу протянул руку.

— Покажи.

Гман чуть задержался, но оружие отдал. Мик очень внимательно осмотрел лезвие копья, постукал ногтем, прислушиваясь к звону, поднёс к глазам, снова отдалил. Даже встал, и выполнил несколько приёмов. Профессиональный военный, он наверняка, только покрутив в руках оружие, уже многое понял и про боевые приёмы, и про возможную тактику, и ещё много чего, о чём я даже не имею понятия.

Маг тоже осмотрел оружие, но его, наверное, интересовал уровень технологий. Есть пример из истории, когда Менделеев вывел формулу бездымного пороха, всего лишь изучив накладные с чужого завода. А тут — настоящее копье. По качеству железа и обработке можно, наверное, определить и уровень промышленности, и какого оружия ждать ещё.

— Они часто воюют? — снова заговорил Мик.

— Мне не довелось участвовать — уклончиво ответил Гман.

— А из того, что ты слышал?

— Ну, иногда у них бывают споры с соседями.

— Часто? Сколько солдат участвует?

— На моей памяти было пару раз. По слухам, в армии было пятьдесят тысяч.

Барон и маг снова переглянулись, словно это многое им сказало. Что, интересно? Хотя... Вроде у Наполеона, когда он напал на Россию, было тысяч двести войска, и война стала для нас Отечественной. А в местных условиях и пятьдесят тысяч солдат могут стать огромной силой. Наверняка не все солдаты уходили из городов, значит можно увеличить армию тысяч до ста. Наверное, из этого можно как-то определить численность населения. Допустим, солдат — один из двадцати жителей, тогда получаем... почти два миллиона *тирма*. Если их враги примерно равны им по силам, то получаем почти четыре — шесть миллионов пришлых. Даже если половина из них погибнет сразу, как только окажется в джунглях, то всё равно остаётся три миллиона. Я невольно оглянулась в сторону Земель Туманов — пусть не три, пусть всего один миллион, и все они двинутся сюда...

Мик расспрашивал о вождях, Холс о магах, но Гман отбрехался тем, что он всего лишь

охотник, живущий у края леса, и толком ничего не сказал. Тут он откровенно соврал, я это почувствовала, хоть и не поняла в чем обман. Кого-то знает, но не хочет говорить? Охотник, а может и сам какой-нибудь вождь? Я даже на мгновение улыбнулась — мечта любой девушки — принц-обезьяна. Пусть и не обезьяна, а всего лишь волосатый негр, но это уж очень на любительниц.

Потом маг почему-то начал расспрашивать о богах из мира Гмана — сколько их, какие, чем прославились. Наверное, хотел таким образом определить — мирный народ или нет, что ценит, ради чего будет готов умереть. Гман на эту тему был готов говорить без остановки, но я даже не вслушивалась в слова, переводя как автомат.

У меня начался какой-то транс, и перед глазами появилось туманное видение — тысячи и тысячи людей бредут, пошатываясь, по джунглям. Их убивают со всех сторон, они падают, но оставшиеся в живых безостановочно идут уже по трупам, с одной только мыслью: «Вперёд»...

— Что же теперь будет? — резко спросила я, и остальные даже вздрогнули от моего изменившегося голоса.

Холс понял мой вопрос и начал говорить, осторожно подбирая слова.

— Мы не можем свободно пропустить *пришлых* в глубь страны, иначе сразу начнется хаос. Скоро подойдет армия и перекроет дороги. Тех, кто будет выходить из леса, будем останавливать, забирать оружие, отправим на карантин. Потом постепенно переправим уже в обычные города.

Меня вдруг затрясло от этих правильных слов.

— У меня было видение — тысячи и тысячи людей будут идти здесь, и их будут убивать со всех сторон. Горы из мертвых тел, а живые все будут идти, ползти по ним, и их тоже будут убивать...

Мгновенье ошарашенной тишины, и неожиданно маг заорал на меня, словно это я была во всём виновата.

— Да, ты правильно увидела, скорее всего, так и будет! Мы не звери, что бы ты о нас ни думала, но нам придется так делать! У нас есть запасы для подобного случая, но всё равно мы не сможем принять всех! Пятьдесят, сто тысяч из тех, кто ещё может ходить, мы пропустим, а остальных закроем в этом лесу. Это будет страшно, они будут умирать, но мы так сделаем. А если кто попытается прорваться, то мы будем вынуждены убивать, убивать, убивать...

Маг обмяк, и продолжил глухим голосом:

— Мы не звери, Натис, — снова повторил он — но мы должны думать в первую очередь о своих людях. Можно пропустить всех, но... Еды станет в два-три раза меньше. Неизвестные болезни, которые в любой момент могут превратиться в эпидемии только потому, что мы их не знаем, и наш организм не умеет с ними бороться. Жить в страхе, что огромные толпы *пришлых* в любой момент могут начать резать своих соседей? На это никто не пойдёт. Мы не звери и не убийцы, но нам придется это сделать...

Мы долго молчали. Я была раздавлена такой откровенностью, пыталась найти ошибку, слабое место в словах Холса, которое можно исправить и предотвратить этот ужас, но ... не находила. И это было хуже всего — понимать, что самые обычные люди будут вынуждены убивать таких же обычных людей только для того, чтобы самим остаться живыми. Сколько из них сойдёт с ума, увидев горы трупов, своими руками убивая ни в чем не повинных женщин, детей, стариков?

Меня снова затрясло.

— Уходите. Я очень устала и не хочу никого видеть.

Холс и Мик переглянулись, но послушно встали. По пути к крепости несколько раз оглядывались, словно чувствовали свою невольную вину, но мне было так плохо от своих видений, что всё окружающее уже не имело значения.

Запах смерти продолжал мучить меня, и казалось, что он идёт со всех сторон. Я обошла вокруг палатки, принюхиваясь и пытаясь найти источник. Заподозрила свою одежду, но теперь это была просто кучка грязного белья, не более. Я даже подняла свою куртку, обнюхала, но ощутила только запах пота и грязи. Может дело во мне, в моей впечатлительности? Снова уселась и попыталась успокоиться. Всё в порядке, всё в порядке. Конечно, никакого «в порядке» и в помине не было, но мне надо что-то придумать, иначе я скоро сойду с ума от этого запаха.

Наверное, надо придумать какой-то транс, отрешиться от всего. Я ничего не могу изменить, поэтому мне надо принять окружающее как данность, научиться смиряться с этим.

Я расплылась сознанием, стараясь слиться с окружающей природой. Я только её частичка, лишь маленькая частичка. Слияние всё глубже, всё сильнее, и только теперь я поняла истинную причину своего беспокойства — это не запах, это ощущение смерти, идущее откуда-то из глубины Земель Туманов. Ощущение невероятно сильное, накатывающее то мелкими брызгами, то мощными всплесками. Там всё время кто-то умирал — то поодиночке, то целыми группами. И ещё более страшным был постоянно нарастающий жуткий фон отчаяния, непонимания и безысходности. От него хотелось орать, выть, кататься по земле, проклиная всё и вся. Но придётся делать это всю оставшуюся жизнь — настолько сильным было это ощущение отчаяния, и оно только нарастало. Мне нужно научиться блокировать или хотя бы ослаблять его, чтобы не потерять остатки собственных мозгов и воли.

Постепенно мне это удалось. Фон не исчез, но хотя бы не так давил. И сразу же я обнаружила нечто необычное — маленькие искорки силы и воли. Их было немного, но они были. Наверное, это то, о чем говорил Холс — «нашлись люди, обладавшие силой, властью и способные организовать». Всё правильно. Если круг добрался до городов, то сюда теперь проваливаются и целые армейские отряды, и стража, и начальники всех рангов. После первых часов шока, непонимания, кто-то обязательно возьмёт себя в руки. Это может быть кто угодно — начальник, командир, уголовник или обычный человек. Решительное поведение, уверенные приказы, и ему поверят, за ним обязательно потянутся. Маленькие островки хоть какой-то власти, которые станут быстро обрастать новыми людьми. Они неминуемо начнут разведку, попытаются связаться с другими организованными группами. Два — три дня, и появится некое подобие власти. Ещё неделя, и они решатся уходить.

Я вдруг полностью и окончательно поверила словам Холса, своим видениям. Так и будет. Люди будут идти сплошным потоком, предпочитая умереть в бою, а не от голода в джунглях. Они могут пойти в любую сторону, но до Большого Гнезда всего два дня пути, так что его обязательно обнаружат, и почти наверняка пойдут в эту сторону — к людям, еде. И я окажусь в самом центре — с одной стороны армия, с другой стороны пришлые. Переговоры? Сдача оружия? Ассимиляция? Холс сам говорил, что они смогут принять тысяч сто, не больше, иначе это грозит голодом и прочим бедами им самим. А если через круг пройдёт хотя бы миллион? Остальным что, умирать, скитаясь по джунглям? И я всё это буду

ощущать, видеть, слышать? Я не выдержу! Я сойду с ума!

Решение пришло внезапно, тот самый «вариант на крайний случай». Я уйду в другой мир. Какой угодно, только подальше отсюда. Трусость, бегство, пусть называют как хотят, но это *моя* жизнь. Пусть я проживу в новом мире всего несколько минут, пусть меня съедят живьем, но это всё-таки лучше, чем сходить с ума, видя, ощущая смерть десятков тысяч людей, и не имея возможности хоть что-то сделать.

На мгновение я засомневалась — а может что-то и смогу? Что? Принять чью-то сторону? А чем виновата другая сторона? Помирить? А кто вообще будет меня слушать? Да и что я могу предложить? «Ребята, давайте жить дружно»? Здесь слишком мало места, всё происходит слишком быстро, чтобы две цивилизации смогли ужиться рядом. Достаточно кому-то крикнуть: «Мы голодные, пойдём и отберём» или «Они хотят отобрать нашу еду, убьём их», и кровь будет литься снова и снова.

Я не смогу смотреть на это спокойно, и очень скоро или сама начну убивать, или убьют меня. Не хочу делить людей на правых и виноватых, когда у всех своя правда, и все виноваты только тем, что не по своей воле оказались не в то время не в том месте.

Я с трудом выбралась из своего транса.

— Гман, завтра утром я снова пойду в Земли Туманов.

— Да, госпожа.

— Я постараюсь найти ещё один проклятый круг и уйти через него в другой мир.

— Да, госпожа.

— Больше я не буду тебе приказывать, и ты волен делать что хочешь.

— Вы меня прогоняете? — забеспокоился Гман.

— Я не знаю, каким будет новый мир, даже если и найду его, а твой народ — там — я кивнула в сторону Земель Туманов.

— А как же вы — одна, в чужом мире?

— В первый раз, что ли? — невольно вздохнула я — Как-нибудь устроюсь.

Гман сразу приободрился.

— Тогда и я с вами. Спокойнее как-то.

Я уж не стала уточнять — за кого ему будет спокойнее — за себя или за меня...

Уйти в другой мир

Гман разбудил меня, когда рассвет ещё только обозначился. Перекусили всухомятку, Гман взгромоздил себе на плечи все наши запасы воды и еды, и мы сразу тронулись. Прошли метров сто, и я, не удержавшись, обернулась. Нехорошо как-то уходит вот так, тайком, словно преступники. Большое Гнездо выделялось сгустком темноты, кругом тишина, но я чувствовала, что за нами кто-то смотрит. Непонятно как в такой темноте, но наблюдает, и я почувствовала себя предательницей. Как бы то ни было, но крепость хотя бы на время дала мне приют, еду, покой. Где-то там, может даже в темнице, Мармук с остальными наемниками из нашей группы. Надо бы попрощаться, может даже помочь им, если они в беде. А я как неблагодарная зараза все бросила, и теперь втихушку, в темноте, крадусь, бросив всех.

Совість начала грызть и попрекать меня, но я себя одернула — чего я добьюсь, если останусь? Скоро здесь начнется смертоубийство, и я буду по-полной хлебать ощущение смерти с обеих сторон. Я не выдержу этого. Или сойду с ума, или сама начну убивать, руководствуясь только своими эмоциями. Кому от этого станет лучше? Никому! Так что мне лучше уйти. Тихо и незаметно, и пусть обо мне думают что угодно... Быть хорошей для всех всё равно не получится...

В дороге мы не разговаривали. Да и о чем? Впереди неизвестность, строить планы бессмысленно. Единственный план — пройти уже знакомой дорогой как можно дальше, и начать поиск «работающего» круга. Первый круг, Змеиный проход, Холм кладоискателей — звучит романтично, почти как в книжке про пиратов. А в реальности... Это в первый раз интересно, волнительно, когда не знаешь, будешь ли ты жива через час или сто метров. А в этот раз только отмечала — сейчас будет поворот, затем бурелом, затем снова пойдём быстро. Держать защиту для двоих было легко, и вскоре я вообще перестала об этом думать. Несколько раз пришлось целенаправленно отгонять особо неприятных созданий, но даже это было всего лишь мелкой помехой — меня всё больше волновало — как же мы пройдем мимо проклятого круга, из которого сейчас выходят пришлые. Дорога, по моим предположениям, должна была пройти по касательной к нему, но поможет ли это? Сколько людей и животных за эти дни переместилось сюда? И сейчас все они проходят словно через круг ада — бредут по растоптанной в кашу гнилой рыбе, переползают через тела мертвых и ещё живых. Никто не знает — что, как, почему и когда это кончится. Сколько людей сойдёт с ума, так и не сумев выбраться? Топчутся в рыбном месиве или уже начали прорывать в чистый лес? Что они сейчас делают? Сплошные вопросы.

Действительность оказалась несравнимо ужасней. Наверное, подобное происходило в истории не раз — разгромленная армия, перемешанная с непрерывным потоком беженцев. Джунгли вокруг вытоптаны и объедены до земли и голых стволов деревьев. Дикие, домашние животные, грязные, измученные люди всех возрастов, некоторые даже с оружием. Все друг друга боятся, шарахаются, лес наполнен одиночками. Чтобы выжить, надо объединяться, но с кем? Никто ничего не знает. Многие в отчаянии, обессилели, лежат на земле и уже ни на что не реагируют. Наверное, их ещё можно поднять, повести за собой, но как это сделать? Жалостью, сочувствием? Или здесь поможет только сила и жестокость?

Словно в ответ на мои мысли, где-то вдаль послышался звук трубы. Резкий, повелительный, он привлекал внимание, и многие поворачивали головы в ту сторону, откуда

он раздался. Но с места не сдвинулся ни один.

А вот Гман отреагировал весьма живо. Резко остановился и стал прислушиваться, словно пытаясь поточнее уловить направление.

— Сигнал тебе знаком?

— Да, это боевой призыв барнака Канхи, созывающего войска.

— И что он означает?

— Как что? — удивился моей непонятливости Гман — Все воины должны идти к нему.

— Ты служил у него?

— Нет, но сигнал мне знаком. Да сейчас и без разницы, служил или нет. Если звучит горн, значит, есть командир, и он знает что делать. Всяко-разно лучше, чем в одиночестве погибать под кустом.

— Ну так иди — я постаралась сказать это как можно мягче — Там твои родичи, там ты будешь нужнее.

Гман дернулся, словно уже готов был бежать, замялся, не зная на что решиться, но быстро успокоился.

— Гораздо больше пользы я принесу, если останусь с тобой, госпожа.

— Чем?

— Служить эльхае важнее всего.

Чем важнее? Прислуживать девчонке, которую он сам возвел на пьедестал, придумав что-то из своих легенд? Важнее, чем служить своему народу?! Я в очередной раз почувствовала стыд за то, что меня принимают за кого-то другого. Гман чего-то ждёт от меня, надеется, а я... я хочу сбежать. Подальше от всего этого ужаса. Но я не буду обнадеживать его, и постараюсь при первом же удобном случае отправить к месту сбора его племени. Там он будет со своими, сможет принести реальную пользу, а уж я как-нибудь перебыюсь. Животные мне не страшны, да и людей я теперь не испугаюсь. На самый крайний случай у меня даже ножик есть. Не пропаду.

Прошли ещё пару километров, и вдруг сбоку резкий окрик.

— А ну стоять!

Гман резко развернулся, по-особому выставив свое копьё. Я тоже повернулась, хоть и не так быстро. Подходившие к нам мужчины выглядели весьма грозно. Парочка громил — родичей Гмана с такими же копьями, да ещё и в доспехах. Трое других выглядели скромнее — обычная одежда (безрукавки, штаны), короткие мечи. Но выражение лиц у этих «гребешков» (так я для простоты стала называть тех, что с роговым валиком на черепе) было весьма спесивое и решительное. Может они принадлежали к какой-то правящей касте, может ещё что, но Гман в их присутствии ощутимо стушевался. А старший продолжал заседать.

— Ты что, не слышал сигнал сбора? Сейчас каждый меч на счету, а ты с уродской бабой разгуливаешь?

— Это не баба, это эльхае Натис! И я ей служу!

— Служить ты будешь барнаку Канхи! И если останешься жив после этой заварухи, то можешь трахать всё что шевелится. Хоть эту

Видимо, он сказал что-то уж совсем непотребное, и копьё Гмана резко нацелилось в горло старшего гребешка. Я еле успела перехватить его руку. Не хватало ещё, чтобы из меня подрались и кто-то погиб.

— Не надо ругаться. Гман, может и в самом деле тебе лучше пойти с ними?

Гман удивленно оглянулся, а старшему моё вмешательство не понравилось абсолютно.

— Заткнись, шушера. Тут я решаю, кому, что говорить и что делать!

Чего он разозлился, ведь я только подтвердила его слова? Наверное, надо было промолчать (все и так на нервах), уйти, но я уже отвыкла от подобной грубости. Заставить встать на колени, чтобы было понятно кто есть кто? Уже неинтересно.

Коротко приказала:

— Поднимите руки и стойте так, пока я не разрешу опустить!

Слова мата застряли у старшего в горле. Интересно было наблюдать, как пятерка здоровых мужиком, сопротивляясь из всех сил, медленно, но подняли руки и замерли, словно фашисты по команде «Хенде хох». А дальше-то что? Что мне с ними делать?

Старший «гребешок» вдруг как-то по-особому зашипел. Может это было условным сигналом, может так совпало, но почти сразу из кустов к нам полезло нечто неопишное. Четырехметровая помесь тигра, динозавра и гиены. Огромная пасть, полная жутких зубов. Ко всему прочему, голову, шею и корпус зверюги покрывал панцирь из костяных пластин, то ли искусственных, то ли собственных. И выползала эта скотина медленно, словно специально давая возможность получше рассмотреть себя и добровольно умереть от страха.

Я попыталась остановить его, как и всех других животных, даже усилила нажим, но твари это было безразлично. Легкое удивление, не более. Стараясь не впасть в панику, постаралась настроиться поточнее, но ничего не получалось. Удивительное животное, совершенно не поддающееся внушению. Попыталась послать образ огромной змеи, готовящейся к броску, но это чудище только чуть замедлилось, примериваясь, как бы половчее вцепиться. Осталось всего шагов пять, и тогда я сделала последнее, на что хватило ума — послала образ самки, да ещё и мурлыкнула что-то ласковое. Вот теперь чудище пробрало — оно даже замерло с поднятой лапой. Я вернула себе прежний облик, и снова замурлыкала, но уже что-то призывно-повелительное. Такое превращение оказалось выше понимания зверя. Он осторожно приблизился ко мне и ещё осторожнее обнюхал с ног до головы. Ощущения... Огромная морда, огромные зубы, огромные ноздри, шумное взволнованное дыхание, резкий запах хищника. Но я вытерпела. И даже осмелилась коснуться морды этого странного существа. Между нами словно проскочила искра, и вся его сущность сразу стала ясной и понятной — обычная бойцовая собака. Не добрая и не злая, просто их веками воспитывали хватать и убивать. Умереть, но не выпустить добычу из зубов и когтей. Была ещё странность- я воспринимала собаку ещё и как кошку. Поэтому и получилось, что с собакой я разговаривала мурлыкая. Очень странно, но она меня понимала.

Уже более смело почесала собаку за ухом, и та сразу заурчала, ткнулась в меня мордой и даже лизнула в лицо. Лучше бы она меня укусила! Огромный язык в одно мгновение и вымыл, и перепачкал лицо липкой слюной. Не удержавшись, стукнула собаку кулачком по морде.

— Не балуйся! Ты мне тоже нравишься, но целоваться будем потом.

Ещё немного помурлыкала, расхваливая красоту и силу собаки, и та совсем сомлела, разлеглась у моих ног.

Когда я повернулась, лица у мужиков были серыми. У всех.

Я подошла к Гману.

— Ну, что ты решил? Удерживать или заставлять уйти я не буду.

Гман не отвечал, словно у него перехватило горло, и только переводил взгляд с меня на собаку.

— Ну, что такое? — не выдержала я.

— Госпожа, это — шархуд! — наконец выдохнул Гман таким тоном, словно одно название должно было мне всё объяснить.

А мне как раз это слово ни о чем и не говорило. Ну, шархуд, ну, страшный, на первый взгляд (да и на второй тоже). Дома меня могла напугать собака любого размера, одной своей злостью и яростью, а здесь... здесь у меня получается с ними говорить. Конечно, и с человеком говорить можно, а он всё равно тебе в горло вцепится. Может и этот шархуд через минуту передумает и одним движением страшной пасти порвет меня на лоскутки. Но это будет потом, а сейчас я вроде со всеми разобралась, нас никто не держит и можно идти дальше.

— Ты остаешься или идёшь со мной?

Гман быстро — быстро замотал головой.

— Только с вами, госпожа!

Я повернулась уходить, и тут прорезался голос у старшего гребешка.

— Госпожа, прошу вас, не уходите!

— Это почему?

— У меня приказ — останавливать и отводить на сборный пункт всех встреченных воинов. Если мой командир узнает, что я отпустил вас, то для меня будет только одно наказание — смерть!

— И что? Одним трупом больше — никто и не заметит.

— Госпожа, вы не убили меня сразу, так проявите милость ещё раз.

— Мне что, теперь с тобой до конца жизни ходить?

— Прошу вас, пойдите к командиру. Он вас увидит и всё поймёт. Вы пойдёте по своим делам, а меня не казнят.

Я в сомнении оглянулась на Гмана, но тот сделал равнодушный вид.

— Как решит госпожа.

Идти непонятно куда совсем не хотелось, но и подставлять солдата только за то, что он не вовремя заговорил с нами, тоже как-то некрасиво.

Наконец я решилась.

— Значит так. Я пойду с вами, но если кто-нибудь захочет сделать гадость, то поднятыми руками вы уже не отделаетесь. Поняли? — Гребешок кивнул — Кстати, можете руки опустить.

Наверное несколько минут солдаты с недоверием рассматривают собственные руки, которые вдруг снова начали слушаться своих хозяев. Когда все немного пришли в себя, уже я скомандовала:

— Ну, всё, тронулись!

Патруль (или как их там называть) шел впереди, следом я и Гман. Шархуд пристроился рядом и всё наравил потереться об меня. Для него это было вроде игры, но из-за огромной разницы в весе я от такой ласки пару раз чуть не улетела в кусты. Ругаться бесполезно, и в конце концов я просто забралась к нему на спину. Немного жестковато, как на скамейке в кузове грузовика, но и покачивает плавно, словно грузовик едет потихоньку, со скоростью пешехода. Гман воспринял это почти спокойно, а вот у гребешков снова побелели лица. И чего они так переживают? Наверное, старший был проводником собаки, и теперь ему обидно, что она слушается кого-то ещё. Но бледнеть-то с чего?

А вообще, ехать на шархуде мне даже понравилось. Все уступают дорогу, ноги топтать

не надо. Даже подумала — может взять его с собой? Но только представила, сколько он жрёт мяса, и сразу раздумала. В этом лесу проблемы с добычей нет — за каждым кустом хоть что-то живое есть, а если я сумею уйти в другой мир? Там чем кормить?

С дороги мы ушли, но двигались примерно к центру Земель, так что я не сильно огорчилась, что пошла с этими солдатами. Сейчас найдём их командира, он даст Гману какую-нибудь бумажку или ещё что, чтобы его больше не задерживали, и мы пойдём дальше.

То, что мы уже пришли, понять можно было только по тому, что вооруженных мужчин вокруг стало больше. В основном они сидели небольшими группами и настороженно посматривали по сторонам, словно ожидали чего-то.

Потом наткнулись на завал метра три высотой. Пошли вдоль него и скоро нашли проход. Наверное, это был временный форт или как там его. Во всяком случае, вал из деревьев, и веток окружал территорию метров ста в диаметре. Внутри всё было вытоптано, вдоль забора сидело не меньше сотни солдат. Эти и выглядели поувереннее, почти все с оружием, а многие даже в доспехах. Наверное, попали сюда из одной части, не поддались панике и сумели организовать оборону. И командир у них молодец — собирать отряд, пусть даже силой и угрозами — это правильно. Сила, власть и организованность давали хоть какой-то шанс на выживание в этом страшном месте. Окажись я в подобной ситуации, сама бы с радостью прибилась к такой группе.

Ещё перед входом я слезла с шархуда, и в форт мы вошли как самые обычные пришлые. В центре стояла группа военных и что-то обсуждали, разглядывая некое подобие карты, нарисованной прямо на земле. Наш Гребешок подбежал к одному из них, вытянулся и что-то доложил. Командир кивнул и подошел к нам. Красавец, настоящий военный. Высокий, рослый, с решительным взглядом. Даже валик у него на голове был какой-то особенный — чуть волнистый и чем-тонапоминал гребень петуха. Но даже гребень его не портил — вот что значит обаяние настоящего мужчины.

А вот я ему совершенно не понравилась. Он даже скривился, разглядывая меня.

— Магиня, говоришь? — обернулся он к стоящему рядом Гребешку — Удивительно, что она вообще может хотя бы разговаривать с такой уродливой головой. Ну да ладно, сейчас всё равно не до неё.

Снова повернувшись ко мне, небрежно бросил:

— Не смею задерживать, госпожа магиня. — повернув голову к Гману, сказал уже гораздо жёстче — А ты идешь в третью группу. Исполнять!

Повернулся, и спокойно, нисколько не сомневаясь, что его приказы обязательно выполнят, ушел к своему «штабу». Вот и поговорили... Хотя, в чём его винить? У любого крыша поедет от такой кучи проблем, а тут какая-то уродливая соплячка с беглым солдатом. Рывкнуть разок, и все побегут «исполнять».

Я покосилась на Гребешка, но тот только развёл руками — начальство так решило, что теперь поделаешь? На всякий случай я спросила:

— Теперь у тебя не будет неприятностей из-за нас?

— Теперь — не будет.

— Ну и ладно, тогда мы пошли.

Гребешок растерялся.

— Но... госпожа... приказ...

Можно было рассмеяться от его вида, но я, наоборот, нахмурилась.

— Я пришла сюда только для того, чтобы спасти твою жизнь, и теперь никому и ничего

не должна.

— Но...

— Попробуешь нас остановить?

Гребешок намёк понял, и даже отступил назад.

— Простите, госпожа.

На прощание я потрепала шархуда по голове, сказала пару ласковых (действительно, ласковых) слов и тот потянулся за мной. Но я с сожалением его остановила:

— Там, куда я иду, мне просто нечем будет кормить тебя. Оставайся, здесь ты нужнее.

Шархуд вроде понял, и уселся как огромная собака, глядя на меня ставшими грустными глазами.

Я думала, что проблемы кончились, но... Только подошли к проходу, как раздался громкий приказ командира:

— Задержать девчонку и дезертира!

Несколько секунд, и нас окружили десяток солдат с выставленными копьями. Подошедший командир процедил сквозь зубы:

— Похоже, уродка, ты не понимаешь добрых слов.

Он был по-своему прав, но со мной так разговаривать уже нельзя, и я ответила в тон ему:

— А ты, урод, похоже, не понял, с кем встретился — потом добавила громко, чтобы все слышали и мысленно и на слух — Всем опустить оружие и не двигаться, пока я не уйду!

Послушались все. Как в фильме с замедленной съемкой — плавно опускающиеся копья, замершие фигуры, взгляды, в которых недоумение начинает сменяться страхом. Я медленно подошла к командиру и демонстративно ударила его по щеке. Я почти не сердилась на него, но...

— Следующий раз думай, кому и какие приказы можно отдавать!

Некрасиво бить командира при солдатах, но так даже лучше — запомнят все. Надолго и накрепко. А то, что глазами сверкают, так мне это безразлично — я вижу его первый и последний раз в жизни.

Повернулась уходить, но тут к нам подошел Гман. С каким-то мстительным удовольствием оглядел неподвижного командира и вдруг начал ему выговаривать:

— Ты ничего не понял, умник! Госпожа Натис — эльхае! Её слушаются звери, птицы и люди! Я сам видел, как тысячи змей уступали ей дорогу! Я сам видел, как шархуд почтительно облизывал ей лицо и нес на своей спине! Даже местные люди относятся к ней с почтением! А ты... А ты... Ты посмел повисить на неё голос! Да если бы не её безмерная доброта, ты уже давно был бы мертв! — Гман даже сплюнул под ноги — Хорошенько запомни её милость, потому что в следующий раз она может и рассердиться! Да если она захочет...

Слушать, какая я всемогущая, было приятно, но как-то неловко. Я уже и забыла про все эти «подвиги», а вот Гману они показались значительными. Да и разговорился он что-то сверх меры.

— Хватит! — оборвала я его — У них своя дорога, у нас своя. Не будем мешать друг другу.

Гман послушно заткнулся, а я ещё раз поглядела командиру в глаза. Вроде чего-то понял. Но мы больше никогда не встретимся, так что я не стала заморачиваться его мыслями. Сейчас мы с Гманом выйдем за ограду, и сразу забудем и про командира, и про его

солдат. Они всё делают правильно, только вот я теперь совсем не беспомощная глупая девчонка, на которую можно орать. Может я и не заслужила, но уважения к себя я буду требовать всё равно. Этим людям просто не повезло встретиться со мной.

— Уходим — негромко бросила я, и Гман тут же послушно зашагал следом.

Не прошли и километра, как Гман вдруг замедлил шаг, прислушиваясь к чему-то, а потом и вовсе остановился.

— За нами гонятся, госпожа.

— За нами?

— Может и не за нами, но очень похоже на облаву. Идут и бегут широким полукругом в нашу сторону, и всё время перекликаются.

— Думаешь, тот командир, которого я ударила, решил отомстить?

— Он же не дурак и не самоубийца. Разве что придумал или решил, что придумал, что-нибудь подлое — Гман сбросил с плеч рюкзак с водой, продуктами, и чуть вышел вперёд — Убежать или спрятаться мы не сможем, так что...

Среди деревьев показались солдаты, но они не стали приближаться, а сразу останавливались, оставаясь в пределах видимости, и лес наполнился условными пересвистами. То ли я стою у них на дороге, и они боятся идти вперёд, то ли их целью была именно я. Ну что ж, значит придётся драться по-настоящему. Наверное, вскоре сюда явится и тот Боевой Петух, которого я ударила по щеке. Не каждый мужик стерпит, когда женщина бьёт его по лицу, а некоторые и сами с удовольствием применяют силу в ответ. А тут командир... Зря я его стукнула, надо было просто уйти без выпендрёжа. А теперь вот придётся убивать... Или он нас, или я его...

БП (Боевой Петух) и в самом деле явился. Чувствовалось, что он бежал, но, увидев меня, резко перешёл на шаг, чуть поправил форму и пошел к нам уже не торопясь, словно на прогулке. Издевается? Старается нагнать страху? Я напряженно прислушивалась к своим ощущениям, стараясь уловить признаки опасности. Что он задумал?

Не доходя нескольких шагов, БП остановился и даже чуть поклонился. И голос у него был почти вежливым.

— Прошу прощения, госпожа эльхае, что снова побеспокоил вас — я настороженно смотрела на него — Позвольте ли мне задать вопрос?

Странная смена поведения, но я всё-таки кивнула.

— Спрашивай.

— Ваш... сунху сказал, что местные люди относятся к вам с почтением. Это правда?

Какое почтение? Какое ещё сунху?! Я в недоумении покосилась на Гмана. Ах да, вроде бы он так называл свой народ. И вроде Гман что-то такое ляпнул про почтение, когда выговаривал БП. И из-за этого такой переполох? Или это только повод приблизиться?

— Нет, это неправда! Были и такие, кто хотел убить меня.

— Значит... вы общались с ними?!

— Да, я провела в этом мире несколько месяцев.

Голос БП стал прерывистым.

— Госпожа... эльхае... вы... расскажете... мне... об... этом мире?

— Что именно?

— Всё! Всё что знаете!

БП буквально колотило от волнения, и тут только до меня дошло, что я для него сейчас самый важный и бесценный источник информации. Прикажи я, и он будет с радостью

убивать по солдату за каждое сказанное мною слово. А у меня перед глазами словно закачались весы — на одной половинке — жизни местных, на другой — жизни пришлых. Чтобы я ни сделала, что бы я ни сказала, равновесие удержать не получится. Да и что считать равновесием? Количество убитых с каждой стороны? Количество оставшихся в живых? Вообще жизнь на этой планете? Если я скажу хоть слово, всё непоправимо изменится. Может погибнуть Мармук и все наемники, будут сожжены города, и здесь будет править новая раса. Если не скажу, то погибнут почти все, кто провалится сюда через этот проклятый круг. И никто из них не желал и не желает этого. И каждая новая смерть этих людей тоже может быть на моей совести.

Весы качались, и я никак не могла решиться. Ждал Гман, ждал, затаив дыхание, БП. Его жизнь теперь тоже зависит от моих слов. Я мысленно складывала доводы на чашки весов, и наконец они остановились в шатком равновесии. Ни одна из сторон не перевесила. Для меня они равны. У пришлых должен быть шанс!

И я начала рассказывать. Короткими рубленными фразами, только основное. Про Земли туманов, про случайно появляющиеся проклятые круги, про «воронку», затянувшую их сюда, про месиво животных всех миров, собранных здесь, про защитные круги, про Большое гнездо, про армии, которые скоро перекроют все дороги. Рассказывала жестко, чтобы БП понял — то, что творится вокруг — всего лишь начало ещё большего ужаса.

БП выдержал. Весь закаменел, долго молчал, но в истерику впадать не собирался.

— Госпожа, я прошу вас пойти со мной к барнаку Канхи и повторить свой рассказ.

— Зачем? У тебя плохая память или ты что-то не понял?

БП замялся.

— Мне... не поверят. Решат, что я сошел с ума.

— А мне, «уродке», поверят? Из нас двоих на сумасшедшего больше похожа я.

— То, что вы рассказали, хоть как-то объясняет происходящее. Если расскажу я, то мне не поверят — снова повторил БП — Спросят — откуда я это узнал. И что я им отвечу? Сказала какая-то неизвестная женщина? Кто она, откуда, почему решила это сделать? Почему я её не привёл?

Я невольно поморщилась — дожилась матушка. Понятное дело, я грязная, замызганная, в непонятной одежде. Но если и дальше так пойдёт, то вскоре меня начнут обзывать и бабкой.

— Какая разница, кто сказал? Пара дней, и вы сами наткнётесь и на защитный Первый круг, и на сторожевые башни. Ещё неделя, вы встретитесь с армиями и сами всё поймете.

— За эти дни умрут десятки, сотни тысяч людей.

— А что изменится от моих слов? — горько усмехнулась я — Разве что, умирая, вы будете знать — почему.

— Раз вы решили это рассказать, значит, надежда есть! Я не могу настаивать, но я готов встать перед вами на колени. Вам нужно только прийти, рассказать и ответить на вопросы, если они возникнут. Этим вы сохраните многие жизни!

— Больно уж знакомые слова — несмотря на искренность, с которой говорил БП, я невольно хмыкнула — «прийти, поговорить, сохранить жизнь». А потом опять будет «уродка, можешь идти, твой сунху останется здесь».

— Я со своими людьми буду рядом, и если кто-то попытается вас обидеть, то я... мы...

— Сможете меня защитить? — мне стало даже интересно.

БП на мгновение смутился, но ответил твёрдо:

— Даже эльхае иногда могут пригодиться обычные солдаты. Идти тут недалеко, не более часа. А после этого я со своими людьми провожу вас куда вы пожелаете.

— И бросишь свою службу? — удивилась я.

— Служба эльхае гораздо важнее!

БП явно приободрился, расценив мои сомнения как почти согласие. Я и правда засомневалась — может, и в самом деле сходить и рассказать пришлым начальникам что знаю? Ничего это уже не изменит, даже если мне и поверят. Лишний час для меня совершенно ничего не решает, а пришлым станет пусть и не спокойнее, но они хотя бы будут знать, что их ждёт. Может это ещё хуже, чем неведение, но... Не знаю, как будет правильнее. Ладно, «прогуляюсь» немного. И ещё надо будет запретить Гману называть меня «эльхае» — я ведь толком и не знаю, что это слово значит для пришлых, но та лёгкость, с которой солдаты готовы бросить службу ради меня, начинает настораживать. Они словно надеются на меня, а что я могу им дать? Да и лишняя популярность мне, наверное, ни к чему.

— Ладно, сходим, поговорим.

БП обрадовано кивнул и достал из кармашка на поясе некое подобие свистка. Несколько трелей, и к нам со всех сторон побежали солдаты с оружием в руках. Очень неприятное ощущение. Стыдно признаться, но ещё бы несколько метров, и я бы начала убивать...

К счастью для нас для всех, эти несколько метров солдаты не переступили. Начали быстро строиться, и через несколько минут вокруг нас стояли плотные ряды. БП что-то приказал и мы тронулись.

На этот раз построение было странным — мы не растянулись в колонну, как это делали по приказу Холса, а двигались именно плотным кольцом, в середине которого была я. Куда ни посмотришь — солдаты, солдаты, солдаты. В других условиях я бы возгордилась — столько внимания. Но в других условиях на маленькую девчонку никто бы и внимания не обратил. А я, не задумываясь, променяла бы нынешнее внимание на одинокую прогулку в тихом летнем парке...

Барнаку Канхи оказался самым обычным «гребешком», разве что властности у него хватило бы на десятерых. Не знаю, что это за титул — «Барнаку», и какую роль Канхи играл в своем мире, но здесь он не церемонился. Пока мы ждали «аудиенции», он отправил в разные стороны десятков человек с поручениями, а троих, после короткого разговора, приказал казнить. Что сразу же и исполнили, разве что отвели приговоренных метров на пятьдесят в сторону. Вид трупов уже не волновал, а вот быстрота принятия решений заставляла сомневаться, что дело ограничится «пришла, рассказала, ушла».

На поляне, куда меня, Гмана и БП, наконец, пропустили, было ещё с десятков человек с оружием, трое стариков сидело на бревне и внимательно следили за тем, что происходит вокруг.

БП докладывал четко, по-военному — как я к нему попала, что сказал Гман, почему он заинтересовался, что потом рассказала я, почему он решил привести меня сюда. Всё это время меня разглядывали очень-очень внимательно, но «уродиной» пока никто не назвал. Канхи ненадолго задумался, затем резко спросил меня:

— Насколько всему этому можно верить?

— Насколько захочется.

— Значит всё это враньё?

— Это то, что знаю я. С остальным разбирайтесь сами.

Взгляд у Канхи стал очень нехорошим.

— Разберёмся. Теперь рассказывай ты.

Я немного удивилась — вроде БП рассказал всё точно, так зачем повторяться? Или Канхи хочет сравнить «показания», подловить меня на обмане, неточностях? Зачем я вообще сюда припёрлась, кого и в чем убеждать? Вздохнув, подняла веточку и начертила на земле нечто, напоминающее авиационный прицел — три круга, пересечённых крестом.

— Сейчас мы находимся в Землях Туманов — я ткнула в центр — Круг примерно — я замялась, пытаюсь подобрать слова — примерно в пятнадцать дней пути. Время от времени здесь появляются «проклятые» круги, в которых люди пропадают или появляются. Самым страшным считается круг — «воронка», которая, расширяясь, захватывает всё живое в других мирах и выбрасывает здесь на небольшом участке. Об этом есть много легенд, и для защиты от вторжения с древнейших времён сделаны три защитных круга с хорошими дорогами. На Первом круге размещены дозорные башни, на дорогах, ведущих в глубь страны — крепости. Как только вы выйдете из Первого круга, эти дороги перекроют армии. При попытке прорыва они начнут убивать.

— Почему?

— Народ, хозяин этого мира, сам пришел через подобную «воронку», и тоже захватил этот мир, завалив его трупами. Они не хотят повторения. Очень терпимо относятся к пришлым, если они попадают сюда небольшими группами, отдают оружие и принимают местные законы. Они могли бы принять тысяч пятьдесят — сто за один раз, но не больше — иначе начнётся голод и беспорядки. А вас тут...

— Разумно, — откликнулся один из стариков — но мы не собираемся ни сдавать оружие, ни полагаться на милость неизвестного народа. Они ждут в одном месте, мы можем ударить в другом.

— Защитные круги сделаны не просто так — это хорошие дороги с цепочкой башен и крепостей. Как только вас заметят со сторожевых башен, туда сразу перебросят войска. Не зная местности, вы очень скоро превратитесь в мелкие отряды, блуждающие по джунглям. А хищники и опасные животные, собранные здесь со всех миров, довершат остальное. Говорят, что в некоторых местах кости лежат слоем в несколько метров.

— Не пугай нас! — рявкнул Канхи — Что предлагаешь ты?

— Что я могу предложить целому народу? Что может случиться — я рассказала. Что делать вам — решайте сами.

— А что будешь делать ты?

— Я решила уйти в другой мир.

Канхи скривился и враз потерял ко мне интерес.

— Для этого ума много не надо. Многие больные, раненые, ослабевшие уже мечтают об этом. Попроси любого человека с оружием — тебе не откажут.

Неожиданно встрял Гман.

— Госпожа Натис не собирается умирать — в его голосе даже послышалась обида — Она и в самом деле хочет уйти в *другой* мир. Через ещё один, новый проклятый круг.

Канхи замер, когда до него дошел смысл сказанного.

— Как ты найдёшь такой круг? Что это даст тебе или нам?

Гман встрял совершенно не вовремя, а отвечать пришлось мне.

— Найти сравнительно просто — там нет животных. Такой круг был всего в полдня пути отсюда, но он закрылся несколько дней назад. Когда откроется новый — не знаю. Как

говорят местные — это может случиться и завтра, и через год. Что это даст — не знаю. Есть надежда, что новый мир будет пригоден для жизни. Есть надежда, что он будет необитаем. Есть надежда, что круг будет обычным, и можно будет спокойно пройти через него как сквозь огромные ворота. Есть надежда, что местные в том, другом, мире не ожидают появления такого прохода, а значит рядом не будет армий, и на первых порах можно попытаться договориться и жить мирно. Но это всё — только надежда. Во всяком случае, сидеть здесь и ждать смерти, смотреть на то, что творится вокруг, я не хочу. Если и умирать, то хотя бы дыша свежим воздухом — я оглядела мужчин, и ляпнула слова, о которых вскоре очень пожалела — Во всяком случае, к этому походу можно подготовиться и войти в новый мир организованной силой, а не толпой обезумевших людей. Надежд выжить будет гораздо больше.

Все молчали, и тут снова встрял Гман.

— Госпожа Натис — эльхае!

Мужчины среагировали мгновенно, с непонятым напряжением.

— Ты сам в это веришь?

— Верю! И буду с ней, куда бы она ни пошла!

После некоторой заминки снова заговорил Канхи.

— Почему обязательно надо уходить в другой мир? Достаточно увести людей в глубь этих... Земель тумана, и этого будет достаточно. Реки, озёра чистые, в лесу полно животных. Хищников перебьём, дома построим. Так зачем нам уходить?

— Незачем — согласилась я — Только вот местные перестали здесь жить давным-давно, и желающих снова поселиться — нет. Почему, спрашивается? Если бы это была обычная земля, я была бы только рада такому решению. Но вы всё время забываете, что покоя здесь не будет. Хищники и опасные животные, собранные с разных миров. Их невозможно перебить и к ним невозможно привыкнуть — каждый день будут появляться всё новые и новые. Круги будут забирать ваших людей и приводить новых, возможно враждебных и непримиримых. Никто не будет знать — доживёт ли он до утра и где проснётся — в своей постели или в неизвестном мире.

— Ты нас уговариваешь?

— Нет, я рассказываю то, что знаю и то, что ужасает меня больше всего. Как жить и умереть — каждый будет решать сам. Что бы я или вы ни говорили, часть людей попытается наладить жизнь в Землях тумана, часть — сдать местным и надеяться на их милость, часть — сразу пойдёт в бой. То, что выбрала я, вы уже знаете.

Один из стариков вдруг начал своей палкой рисовать на земле какие-то изогнутые линии (карту, как я потом поняла). Потом ткнул палкой в середину рисунка.

— Допустим, проклятая воронка открылась здесь.

Он очертил круг.

— Здесь в него попали мы.

Он начертил ещё один круг большего диаметра.

— Если так будет продолжаться, то не сегодня-завтра он доберётся до Аргангара.

Канхи оживился.

— Для нас это хорошо — там сильный гарнизон — почти три тысячи солдат! И они мне подчинятся!

— А для них это хорошо? — ворчливо перебил его старик — А то, что в городе как минимум пятьдесят тысяч жителей, и все они окажутся здесь, это тоже хорошо?

Он помолчал и нарисовал новый круг.

— Ещё день-два, и он доберётся до Карлахо и Мбури. И когда сюда начнут проваливаться их солдаты с араханами, кто-нибудь сможет предсказать, как они себя поведут? Разбегутся в панике, начнут резать наших или объединятся с нами, чтобы идти на общего врага? Когда они появятся? Завтра, послезавтра или они уже в круге? — на поляне повисла мрачная тишина — А мы совершенно не готовы. Солдат мало, местность не знаем, связи нет, вода в ближайших ручьях и родниках отравлена трупами, из еды только мясо... Долго мы так не протянем. Люди гибнут сотнями, они в панике, разуверились, заставить их делать что-то почти невозможно. Если останемся здесь — погибнем. Натис права в одном — нам надо немедленно уходить отсюда.

— Но мы не готовы! Это сейчас толпа!

— Дальше будет только хуже — мрачно произнес старик — Надо сделать ещё несколько горнов, и непрерывно трубить. Самое позднее через день мы должны отсюда уйти.

— Куда?! И что будет с теми, кто появится после нас?

— Ты собрался сидеть здесь до скончания жизни? Вытирать слёзы каждому, кто заплачет? А куда идти... Если в словах Натис есть хоть доля правды, то пути только два — или в другой мир, о котором мы ничего не знаем, или навстречу армиям, о которых мы уже знаем.

— Нам нельзя расплыть свои силы! Мы должны быть единым кулаком!

— Кулака не будет — отрезал старик — Будь мы в своем мире, всё решал бы ты, как барнаку и командир. А здесь нам нечего защищать и не за что биться, разве что за свои жизни. Где мы найдём смерть, а где — свой новый дом могут знать только боги или... — старик покосился на меня и словно оборвал сам себя — Вот что решишь ты?

Канхи скрипнул зубами.

— Пока не знаю.

— И я не знаю. Да и любой другой будет в сомнении. Среди нас, наверное, только один человек знает куда он пойдёт — Натис. — Все взгляды обратились на меня — И если она сама, или её сунху скажет, что она — эльхае, и решила идти в другой мир, то что подумают люди?

— Ещё неизвестно, настоящая ли она эльхае, да она и не из нашего мира!

— А то, что она пришла к нам именно сейчас, в эти трудные дни, будешь считать случайностью? — старик усмехнулся.

— Может... Может её прислали специально, чтобы не воевать с нами, а отправить куда подальше!

— Прислали, или сама пришла по велению сердца — роли не играет. Ты сам сказал правильные слова — не воевать и уйди подальше.

— Мы не знаем, куда можем попасть!

— Верно, не знаем. А вот то, что здесь погибнем очень быстро и все — это мы уже знаем.

— Но...

— Хватит спорить — оборвал его старик — Теперь при формировании отрядов всех сразу предупреждать — можно остаться и воевать с ожидающими армиями здесь, других эльхае поведёт на завоевание другого мира. Каждый должен выбирать свою судьбу сам.

— Я ни слова не говорила о завоевании — заволновалась я.

Старик отмахнулся.

— Как это ни называй — переселением, бегством — но мы придём в другой мир, и прежним хозяевам придётся подвинуться, а нам пролить кровь, чтобы убедить их в этом. Ты можешь выбрать для нас безлюдный мир? — я отрицательно покачала головой — Значит надо готовиться к будущим боям.

Мне стало тоскливо — хотела убежать от смертей и сама же принесу новые. Может можно как-то убежать от этих проблем? Я — в один круг, а они пусть ищут себе другой?

— Ты уже знаешь, куда надо идти?

Я снова отрицательно покачала головой. Судя по взглядам, меня хотели обматерить все разом: «Так какого черта ты морочишь нам головы?», но неожиданно заговорил старик с тёмной татуировкой на лысине. Весь разговор он сидел с отстраненным взглядом, и я даже подумала, что он немного тронулся умом. Но как только старик заговорил, взгляд сразу стал умным и проницательным.

— Я знаю. Если верить подсказке Натис, то поблизости от нас есть два пятна, в которых нет животных. Про ближний Натис сказала, что он уже закрылся. Другой в той стороне — он махнул рукой в глубь Земель — в двух днях пути. Можно послать разведку, но потеряем много времени, да и неизвестно, вернутся ли они. Погибнут ли от когтей хищников, исчезнут ли в круге — всякое может случиться. Лучше сразу отправить крупные отряды прорубать дорогу в том направлении.

— Думаешь, найдутся желающие?

— Нам в любом случае надо уходить отсюда. Даже если круг уже закрыт, у нас появится время для передышки. Соберём людей, хоть немного наведём порядок. А дальше уж окончательно решим, где нам воевать. Во всяком случае, мы будем хоть немного готовы.

Судя по выражениям лиц, мужикам было что сказать друг другу, но мне весьма вежливо «предложили» перекусить и отдохнуть с дороги, и дальнейший разговор я не слышала.

Нам выдали по куску жаренного мяса и оставили в покое. Делать было нечего, кроме как ждать, и я даже немного подремала, привалившись к стволу дерева.

А через пару часов началось непонятное оживление — забегали люди, послышались команды. Солдаты торопливо строились, и почти сразу отряды куда-то уходили. Прошел ещё, наверное, час и мы остались совсем одни. Ситуация складывалась довольно странная — хозяева попросили остаться, а сами решили уйти. Это, конечно, их полное право, но мне-то что делать? Ждать непонятно чего, или уже можно идти на все четыре стороны?

Когда появился сам Канхи, я ему даже обрадовалась — может хоть какая-то определённости появится. Тот подошел и чуть поклонился, хотя заметно было, каких усилий ему это стоило (совсем не физических).

— Госпожа Натис, мы обсудили ваши слова и решили, что уход в другой мир, туда, где нас не ждут, действительно может стать для нас спасением. Сейчас все, кто подчиняются мне, отправлены прокладывать дорогу к проклятому кругу, который заметил Дархандар (наверное, тот старик с отстраненным взглядом). Все, кто услышит наши горны, кто захочет идти с нами, уже не будут бессмысленно плутать по джунглям. Если вы не против, то мы можем идти вместе. Чернако — он кивнул в сторону БП — и его солдаты в полном вашем распоряжении.

Барнаку говорил уверенно, с прежней властностью, но меня насторожила оговорка про тех, «кто подчиняется мне».

— Много людей решило остаться здесь?

— Много, — не стал уточнять Канхи — но они тоже пойдут с нами, чтобы выбраться из этих гиблых мест. Договорились, что как только дойдём до проклятого круга, они сразу отделятся. А если круг уже закрылся, то мы так и так останемся вместе.

— Хорошо, — согласилась я — но если круг закрылся или он мне не понравится, то я уйду искать другой.

— Госпожа сможет их как-то различить? Выбрать лучший?

— Нет, конечно — смутилась я — Но всё равно, если мне хоть что-то в нём не понравится, я туда не пойду. Лучше поищу другой.

Чисто девчоночьи разговоры, но Канхи вдруг улыбнулся, и совсем не зло.

— Очень надеюсь, что вы выберете для нас «хороший» круг, госпожа.

С этой минуты я превратилась в маленькую щепочку, которую нес поток беженцев. Стариков почти не было. Почти не было маленьких детей. Основная масса — в возрасте до тридцати. Это было понятно — если «воронка» продолжает собирать живых с той стороны, то с этой стороны уже, наверное, слой трупов в несколько метров. Теперь оттуда смогут выбраться только молодые, крепкие, да и то, если повезло оказаться не очень далеко от края. У всех остальных шансов просто нет...

Горны звучали почти не переставая, но играли только два сигнала. Гман перевёл их как «Сбор» и «Поход». Мы двигались вперёд, но цепочка горнов словно растягивалась, стараясь обозначить дорогу, по которой мы уходили. Может дело было в этих сигналах, может люди, выйдя к огромной протоптанной просеке, уже не хотели с неё уходить, но к нам постоянно кто-то присоединялся. Почти как сбор на демонстрацию — идет небольшая группа, затем к ней из всех ближайших улиц и дворов начинают добавляться люди по двое-трое, и вскоре уже идёт сплошной поток людей. Так было и с нами — незаметно, одиночками, мелкими группами, но наша колонна быстро разрасталась. Кто и каким образом умудрялся управлять этим — я даже не представляла. Единственное объяснение — что Канхи командовал только передовым отрядом, прорубавшим дорогу, а всё остальное пустил на самотёк. Никто не кричал, не командовал. Никто не собирался кормить или защищать. Хочешь есть — отойди на пятьдесят метров в сторону и обязательно найдешь мертвое животное или человека. Есть нож — отрезай кусок, нет ножа — грызи зубами. Это первое время я удивлялась окровавленным лицам, а потом вообще перестала замечать это. Какая разница, чья это кровь — своя или чужая. В глазах у многих застыло ожесточение, и они готовы были на всё, лишь бы выжить.

Несколько раз где-то рядом начинался самый настоящий бой — крики, звон оружия, но никто не обращал на это внимания. Вернее, никто не собирался бежать, разбираться, помогать, защищать. Чужая жизнь перестала быть ценностью, а смерть вообще стала примелькавшейся обыденностью. Несколько раз после таких боев к нашей колонне присоединялись большие отряды солдат. В непривычной одежде, многие окровавлены, но никто не задавал им вопросов — раз хотят идти с нами — пусть идут, если никого не трогают. Изредка вспыхивали скоротечные ссоры, но они гасли мгновенно. Люди были озлоблены, и зачинщика просто убивали. Несколько секунд яростной схватки, и его просто затапывали ногами. Если людей в таком состоянии выпустить против настоящего врага, то они будут грызть зубами, заваливать трупами, но не остановятся, пока кто-то не умрёт. Или они, или враг.

Я, со своим отрядом охраны, оказалась в самом выгодном положении. Чернако очень рьяно относился к своим обязанностям, и меня постоянно окружало кольцо солдат в два, а

то и в три ряда. А ещё оказалось, что они взяли с собой шархуда, и тот не отходил от меня ни на шаг. Барсик, как я его назвала, тоже решил, что моя защита — его первая и наиглавнейшая обязанность. Стоило кому-нибудь приблизиться ко мне без разрешения ближе, чем на десять метров, как раздавалось низкое глухое рычание. Да и рычать было не обязательно — один вид сидящего у моих ног шархуда внушал окружающим достаточное уважение. А вот я, наоборот, вообще перестала воспринимать его как нечто грозное. Собаки и собака, ластящаяся к хозяйке. Иногда я даже ехала на нём. На стоянках приказывала шархуду улечься, а сама устраивалась у него между лап. И удобно, и можно спокойно подремать, не беспокоясь ни о чём.

Разумеется, такой островок железного порядка и уверенности не мог остаться незамеченным, и к солдатам постоянно подходили, спрашивали, кого они охраняют. Те держались настороженно, зачастую ограничиваясь коротким «Эльхае». Кто-то молча кивал, кто-то начинал расспрашивать, кто-то начинал материться и выкрикивать угрозы, обвиняя меня непонятно в чём. Несколько особо горластых просто зарубили, но после пятого трупа я запретила это делать — люди не виноваты, что оказались в таком положении. Бывает, что попав в трудное положение, не столько пытаются найти, сколько стараются «назначить» виноватого и выместить на нём свой страх. Орут, матерятся, грозят — ну что поделаться. Не убивать же только за это?

Несколько раз приходили командиры уже готовых больших отрядов. Эти вели себя сдержанно, и интересовало их только одно — что я знаю об этом мире. Я, наверное, раз десять рассказывала одно и то же, отвечала, что могла, на неожиданные вопросы. И концовка у всех разговоров была всегда одна — «что решила госпожа Натис?» Таиться смысла не было, и я честно отвечала — хочу уйти в другой мир. Иногда гости молча кивали и уходили, но несколько раз задали странный вопрос — «Позволит ли госпожа Натис сопровождать её?» Это было дико — ведь здесь командует Канхи, и мы только идём вместе. Но люди ждали ответа, и я ответила то, что думаю: «Я не знаю, чем кончится мой путь — лёгкой жизнью или ужасной смертью. Я не могу приказывать и не могу запретить. Каждый сам выбирает свою судьбу» Получилось странно, туманно, но я даже обрадовалась — на мне не будет ответственности за судьбу этих людей. Кто-то удивлялся, услышав такое, кто-то понимающе кивал.

Вроде эти разговоры никого ник чему не обязывали, но когда на следующий день я случайно оглянулась назад, то у меня перехватило дыхание — несколько колон солдат шли за нами. Плотные ряды тянулись насколько хватало взгляда. Мы двигались не торопясь, но прошел час, а ни один человек нас не обогнал. Всё те же плотные ряды, идущие за нами. Это напрягало. Не выдержав, я спросила Чернако:

— В чём дело? Почему эти солдаты идут так медленно? Почему нас никто не обгоняет? Чернако покосился назад.

— Эти люди и их командиры решили идти за вами, госпожа.

— Но... почему?! Ведь здесь командует Канхи!

— Канхи — командир. Вы, госпожа — эльхае!

Сказал таким тоном, словно это всё объясняло.

Постоянное упоминание этого слова уже стало напрягать, и я решила расспросить Гмана.

— Гман, а как у вашего народа называют эльхае по-другому?

Гман почему-то задумался надолго. Затем с некоторым сомнением ответил:

— Иногда называют «говорящая со всеми».

— Как переводчик?

— Нет, конечно. Она может говорить и с человеком, и даже с маленькой птичкой.

Может вздыбить землю и обрушить небеса!

— Богиня?

— Эльхае — всегда человек. Она может и убить, но всегда будет жалеть о содеянном!

Я невольно вспомнила о тех, кого убила сама, и те чувства, которые испытывала после убийств. Сомнения, сожаления... Но случись такое снова — снова бы убила, и снова сожалела... Я невольно вздохнула.

— Только кому от этого стало легче? Убитым?

— Эльхае — это... это... как мать для ребёнка. Начало начал. Любящая и строгая. Даже наказывая и убивая, она продолжает любить свое дитя.

— «Мать-воительница» — вдруг всплыло в памяти.

— Иногда и так говорят — согласно кивнул Гман — Она не имеет родины, своего народа, для неё все равны.

— А вот тут не сходится — хмыкнула я — Я ведь ещё не рожала, так что слово «мать» ко мне не подходит.

Гман даже не улыбнулся.

— Для эльхае весь мир — её ребёнок.

Чувствуя, что начинаю проигрывать в этом разговоре (слишком уж многое сходится со мной), сделала последнюю попытку отказаться от великого титула, который мне пытались присвоить. Я постаралась усмехнуться как можно более насмешливо.

— Ну, хорошо, допустим. Но как же ты, простой охотник, живущей в лесу, глуши, вот так, сразу, только увидев, понял кто я?

Вот теперь Гман удивился по-настоящему.

— А кто ещё сможет с одного взгляда узнать язык человека из другого мира, разговаривать без боязни, а когда он попытается поднять оружие, наказать его как ребёнка?

Вот тут мне крыть было нечем. Действительно, кто? Кто, увидев существо в два раза больше него, с оружием, останется спокойным? А меня, помнится, в тот момент больше всего возмутило то, что меня обозвали «уродиной». Нормальная реакция для какой-нибудь магички, принцессы крови, окруженной слугами и охраной, а вот я в тот момент была вообще никем и ничем. Есть более простое объяснение — я тогда просто не знала чего мне бояться, вот и вела себя как самоуверенный ребёнок. А для Гмана каждый мой поступок служил подтверждением. Он и всех остальных заразил этой уверенностью. Теперь мне можно творить что угодно — любой поступок будут расценивать как высший замысел, пусть и непонятный остальным. Можно гордиться, но гордиться не хочется. Никогда не мечтала о подобном, и сейчас не хочу. Совершенно не чувствую себя умнее или лучше остальных, разве что способности есть, да и это не моя заслуга. Нигде не училась этому, не трудилась в поте лица. Всё задаром, как подарок. И сделать успела совсем чуть-чуть. А тут — спасти целый мир? Нет, сейчас я спасаю только себя, да и нет никакой уверенности, что это будет именно спасение. Я не зову людей с собой, и не могу запретить следовать за собой. А вот что мы найдём на той стороне круга...

— И всё равно непонятно, почему они так легко начинают верить.

— Вы даете надежду, госпожа.

— Какую ещё надежду? Я сама ни в чем не уверена и не знаю, что нас ждёт.

— Но вы же хотите идти в другой мир!

— Да, хочу. Но только чтобы убежать от всего этого ужаса, попытаться начать жизнь заново.

— Так и остальные хотят этого! Вы сказали, что это возможно, вот у людей и появилась надежда.

Гман с каким-то странным интересом наблюдал за моей задумчивостью и вдруг добавил:

— А ещё в последнее время вы перестали шевелить губами.

— А раньше шевелила? — удивилась я. Никогда не замечала за собой такой привычки.

— Да, немножко. А теперь разговариваете, не шевеля губами совсем. Просто смотрите на человека, и он начинает отвечать. Вы даже не замечаете, что к вам приходят разные люди, и каждый говорит на своем родном языке. Но вы понимаете каждого. И говорить можете хоть с каждым в отдельности, хоть со всеми сразу. И все вас понимают. В первый раз видеть такое очень непривычно и странно, многие пугаются, но все сразу начинают верить, что вы — эльхае. Только они так могут.

— Далась тебе эта эльхае! Может я какая-нибудь хитрая чревоушительница?

Гман только хмыкнул.

— Скромность — это тоже один из признаков эльхае!

Я чуть не заругалась — что бы я ни делала, что бы ни говорила, у Гмана всё ложилось в одно строку — я — Эльхае.

Я стояла у края круга и всматривалась в лёгкий, почти незаметный туман, который заполнил джунгли в какой-то сотне метров передо мной. Вот мы и добрались, осталось только сделать последнее усилие над собой, несколько шагов, и мы покинем этот лес смерти. Маленькое — маленькое усилие, но у меня не получалось...

Оглянулась назад — плотные ряды, разбитые для лучшей управляемости на колонны. Первые тысячи — мужчины с оружием. На всякий случай. На случай, если на другой стороне нас уже ждут, на случай, если попадём снова в джунгли и придётся прорубать дорогу для остальных. В передовых отрядах небольшие группы молодых женщин (тоже на всякий случай — вдруг круг закроется слишком быстро, и надо, чтобы успевшие пройти смогли бы продолжить род). Затем мужчины, вооруженные наскоро сделанными дубинами. И только потом женщины, дети, старики. Те, кто ещё мог стоять на ногах, кого успели и смогли собрать, кто решил идти в другой мир. Никого не неволили. Все понимали, что вместо известного способа умереть мы всего лишь выбираем неизвестный.

А ведь я и в самом деле становлюсь матерью-воительницей, поразила я. Несколько моих неосторожных слов, и уже целый народ готов идти за мной на завоевание нового мира. И если нам не повезёт, и мир на той стороне окажется обитаемым, то и обо мне потом будут рассказывать ужасные легенды как о предводительнице страшных существ, ворвавшихся в их мир. А мы всего лишь не хотим умирать...

Внезапно решимость покинула меня. Что я делаю? Ведь от моего решения будут зависеть десятки, если не сотни тысяч жизней! Я снова и снова проверяла джунгли вокруг и в открывшемся проклятом круге, но ничего не находила. Обычные джунгли, только совершенно пустые. Что ждёт нас на той стороне?!

Я закрыла глаза, прислушиваясь к окружающему миру. Хотя бы маленький намёк, хотя бы маленькую зацепочку, которая поможет принять верное решение. Я даже начала молиться ветру, надеясь, что он снова, хотя бы лёгким порывом, как тогда, на парашюте,

подтолкнёт меня в правильном направлении.

Слишком велика стала цена моего решения. В любом случае люди будут умирать, но я не знаю, где больше. Так что же мне делать — идти в новый мир или лучше остановиться пока не поздно?

Я ждала, но, словно специально, ветер совсем стих, слышался только негромкий гул голосов стоящих за мной людей. Все ждут моего решения.

И тогда я решилась. Хватит перекладывать ответственность на других! Теперь я сама как порыв ветра. Порыв ветра, который решит судьбу двух миров. Каким бы он ни был, этот новый мир, что бы мне ни пришлось в нем пережить, но теперь он станет моим.

Я махнула рукой и не спеша двинулась вперёд. В свой новый мир.

Магистр Холс неторопливо прогуливался по плацу крепости, наблюдая за суетой, царившей вокруг. Всё правильно — уже больше двух месяцев, как бои на границах Первого круга прекратились. Из Земель тумана теперь выходили только редкие одиночки, так что нет смысла держать здесь армию. Остающийся гарнизон усилен почти втрое по сравнению с «мирным» временем, и если не случится чего-нибудь ужасного, они теперь и сами справятся с защитой Первого круга.

Наконец сборы закончены, повозки загружены, можно выступать, но... Солдаты поодиночке, группами, подходят к одинокой статуе, стоящей в центре плаца. Каждый молился по традициям своей веры, но все — перед этой статуей.

Вот все вернулись в строй, раздались команды, и отряды один за другим стали покидать крепость. Каких-то полчаса, и плац опустел. Ворота закрыли, наступила давно забытая тишина. Можно возвращаться к своим рутинным повседневным обязанностям. Нашествие кончилось. Конечно, будет ещё куча проблем с *пришлыми*, решившими остаться в этом мире — расселить, накормить, дать работу, но это уже такие мелочи по сравнению с ожидавшимися ужасами...

Странное это было нашествие, очень странное и очень «хорошее» для тех, кто уже простился с надеждой, готовился умереть, но остался жив.

Странности начались, когда появились первые отряды *пришлых*. Все ожидали ожесточенного сопротивления и были поражены, когда они безропотно, даже с какой-то радостью стали сдавать оружие. Это было необъяснимо, это просто не укладывалось в голове. Через пару недель, когда ментальные маги немного разобрались с языком *пришлых*, появилось и странное объяснение — «Эльхае Натис». Сначала думали, что это какое-то божество, и только через некоторое время, случайно, связали это имя с посудомойкой, сбежавшей из крепости как раз перед нашествием. Никто не мог поверить в это — пусть и с необычными способностями, но девчонка была из *этого* мира. Как среди ужасов, творившихся вокруг проклятого круга, люди смогли что-то разглядеть в грязной маленькой девчонке?! Пытались расспрашивать *пришлых*, но каждый из них называл *свою* причину, по которой он поверил в эльхае Натис — то говорили о каком-то мифическом шархуе, то о каких-то тайных словах, известных только избранным, то о каком-то особом взгляде.

Люди поверили, и каждый выбрал *свой* путь, подсказанный эльхае — кто-то решил остаться здесь, надеясь на милость к *пришлым*, но большинство ушло за ней в другой мир, в надежде, что там не придётся убивать и умирать. В это вообще не верилось, но когда нашествие схлынуло, магистр сам ходил в разведку и видел эту гигантскую дорогу, ведущую из ниоткуда в никуда.

Конечно, были и непримиримые, были и страшные бои, но совершенно не в тех масштабах, которых все так боялись. И когда бои стихли, так и не превратившись во всеразрушающее нашествие, только тогда до людей стало доходить значение поступков этой девчонки.

Наверное, каждый примеривал на себя — а как бы поступил он, окажись на её месте или на месте тех людей, что провалились сюда через проклятый круг? Как они решились уйти в ещё один, совершенно неведомый мир? От безысходности? От помутнение рассудка? Как вообще можно было довериться девчонке, возможно ведущей тебя на мучительную

смерть?!

Ответов не было, но то, что своим появлением Натис спасла *этот* мир и десятки, сотни тысячи жизней — это теперь ни у кого не вызывало сомнений.

Потом кто-то обратил внимание, что ни один из солдат, сопровождавших Натис (ни из группы Мармука, ни из отряда, ходившего с ней в Земли туманов) не то что не погиб, но даже не был серьёзно ранен. Случайность, которой всегда есть место на войне, но для людей, каждый день ходящих под смертью, это стало особо значимым.

Статуя появилась словно сама по себе. Кто-то заговорил о том, что этой девчонке нужно поставить памятник за её заслуги. Кто-то по своим воспоминаниям нарисовал портрет, кто-то нашел подходящий камень и начал высекать фигуру. Без всякой просьбы маги помогли с окончательной шлифовкой, барон Мик сам принёс три драгоценных красивейших синих камня, чтобы сделать глаза статуи и диадему, которую носила Натис.

И результат превзошел все ожидания — статуя получилась как живая. Девчонка с мешковатом комбинезоне, смотрящая тебе прямо в душу, и словно разговаривающая с тобой. Даже бывалые солдаты терялись, подходя к статуе в первый раз. И каждый невольно начинал безмолвный разговор, делясь своими горестями и надеждами. Официально девчонка осталась никем, но *пришлые* и простые солдаты её теперь иначе, чем «Эльхае», не называли. Никто точно не знал, что это такое, каждый вкладывал в это слово свой смысл, но все считали, что именно оно — самое правильное. Почитания, как богини, не было, но почти все солдаты, отправляясь на задание, приходят к этой статуе попросить о помощи и защите. И ни один командир не посмеет упрекнуть за подобную задержку. Да и за что ругать, если большинство из них, если не все, живы только благодаря этой девчонке.

Маг тоже подошел к статуе и осторожно коснулся основания. Где теперь Натис? Что с ней? Одна, в совершенно чужом мире, в окружении чужого народа, прошедшего сквозь смерть и кровь. Как встретил её новый мир? Новыми смертями, новым горем, новыми убийствами? Очень не хотелось в это верить. И он не будет. У неё обязательно всё будет хорошо. Может не сразу, может через много лет, но будет обязательно!

Больше книг на сайте - Knigoed.net